

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК ВОЕННОГО ПРАВА

№ 1 / 2016

В НОМЕРЕ:

- **Военные следственные органы на пороге важных преобразований**
- **О преемственности и развитии традиций военно-юридического образования в России**
- **К вопросу о концепции военно-полевой криминалистики**
- **Синергетический потенциал военного права в обеспечении международного мира и безопасности**
- **Морально-психологическое обеспечение противоборства в гибридных войнах: правовые аспекты**
- **Творению Петра I «Уставу воинскому» – 300 лет**

<http://www.vestnik-vp.ru>

e-mail:vestnik-vp@mail.ru

Уважаемые товарищи! Друзья!

По поручению Министра обороны Российской Федерации передаю поздравления по случаю выхода в свет первого номера журнала «Вестник военного права» и поздравляю его создателей, авторов, читателей с этим событием.

В первую очередь слова благодарности и признательности инициаторам нового издания – руководству и профессорско-преподавательскому составу Военного университета Минобороны России, почувствовавшему потребность нашего сообщества в появлении нового научного рецензируемого журнала по военно-правовой тематике.

Востребованность такого издания продиктована возросшим значением права в строительстве и деятельности российских Вооруженных Сил, которые сегодня, в полном смысле этого слова, находятся на стремнине времени. Идут масштабные преобразования в армии и на флоте, растет их боеготовность и боеспособность, активно решаются социальные проблемы людей в погонах, повышается престиж военной профессии. Это достигнуто в том числе благодаря эффективной реализации правовой политики в сфере обороны и безопасности, совершенствованию военного законодательства. Первостепенное внимание правовому аспекту будет уделяться и в ходе решения задач по дальнейшему укреплению Вооруженных Сил, улучшению социальной защиты военнослужащих, ветеранов военной службы и членов их семей, что открывает новые широкие горизонты как для научно-исследовательской работы в этой области, так и для ее научно-информационного обеспечения.

Вот почему столь важен выпуск нового журнала, призванного объединить усилия ученых и юристов-практиков, представляющих все органы военной юстиции, подразделения юридической службы силовых структур России.

Выход на старт первого номера «Вестника военного права» совпал с празднованием 180-летия юридической службы Вооруженных Сил Российской Федерации. В этом видится добрый знак, свидетельствующий о появлении у военных юристов надежного информационного подспорья.

Твердо убежден, что «Вестник военного права» завоеует авторитетные позиции в юридическом сообществе, внесет достойный вклад в совершенствование военного законодательства и правоприменения, в развитие военно-правовой науки.

Творческих успехов и свершений во благо Отечества!

**Первый заместитель Министра обороны Российской Федерации
Р.Х. Цаликов**

Уважаемые коллеги, дорогие авторы и читатели журнала!

Вышел в свет первый номер журнала «Вестник военного права».

Не случайно, что инициатива по изданию журнала принадлежит Военному университету Министерства обороны Российской Федерации — правопреемнику славных традиций военно-юридического образования в Российской Федерации, история которого насчитывает вот уже более 200 лет.

Идея журнала заключается не только в стремлении издателя создать единую информационную площадку для ученых и практиков — представителей школы военного права. Представляется, что журнал станет еще одним инструментом консолидации усилий вузовской науки, представителей всех ветвей и направлений военной юстиции и органов правопорядка в войсках, а также широких кругов научной общественности в целях совершенствования военного законодательства и разработки новых механизмов защиты прав военнослужащих, ветеранов военной службы и членов их семей.

Необходимость в реализации такой идеи давно назрела. Она, очевидно, обусловлена характером нового этапа развития Вооруженных Сил России и теми геополитическими условиями, в которых этот этап реализуется. Это, прежде всего, условия вызова России, условия особой ответственности Вооруженных Сил за судьбу своего народа.

Особо стоит отметить и наличие в журнале рубрики, в которой будут публиковаться статьи начинающих ученых — адъюнктов, соискателей, а также курсантов высших военных учебных заведений.

Достоинством журнала выступает его в первую очередь исследовательская направленность, стремление к системному и комплексному рассмотрению весьма широкого круга вопросов теоретического и практического порядка, что будет способствовать не только развитию военного права как науки и отрасли права, но и пропаганде военного права в обществе.

Уверен, что редакционный совет и авторский коллектив журнала сделают всё возможное для успешного развития издания, обеспечат высокий научный уровень публикаций и заслужат признание военно-правового сообщества.

**Статс-секретарь — заместитель Министра обороны Российской Федерации
Н.А. Панков**

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК ВОЕННОГО ПРАВА

№ 1
2016

УЧРЕДИТЕЛЬ – ИЗДАТЕЛЬ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ВОЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

123001, г. Москва,
ул. Большая Садовая, д. 14

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций

Свидетельство
о регистрации средства
массовой информации
ПИ № ФС 77-62644
от 10 августа 2015 г.

Выходит 4 раза в год
на русском языке

Распространяется
в Российской Федерации

Представляемые к изданию
статьи проходят обязательную
экспертизу в соответствии
с требованиями Инструкции
о порядке подготовки
в Вооруженных Силах
Российской Федерации
материалов к открытому
опубликованию

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель:

Марченков Валерий Иванович,
доктор педагогических наук, профессор

Заместитель председателя:

Старцун Виктор Николаевич,
доктор юридических наук, профессор

Члены редакционного совета:

Безбабнов Олег Геннадьевич

Дерешко Богдан Юльевич,
кандидат юридических наук, доцент

Елина Наталья Владимировна,
кандидат юридических наук

Солонин Дмитрий Олегович,
протоиерей

Сорочкин Александр Сергеевич,
кандидат юридических наук

Фридинский Сергей Николаевич,
доктор юридических наук

Хомчик Владимир Владимирович,
кандидат юридических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Председатель:

Маликов Сергей Владимирович,
доктор юридических наук, профессор

Заместитель председателя:

Старцун Виктор Николаевич,
доктор юридических наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

Ахметшин Хасан Мубаракович,
доктор юридических наук, профессор
Бараненков Вячеслав Вячеславович,
доктор юридических наук, профессор
Вехов Виталий Борисович,
доктор юридических наук, профессор
Винокуров Александр Юрьевич,
доктор юридических наук, доцент
Воронов Александр Федорович,
доктор юридических наук, профессор
Дамаскин Олег Валерьевич,
доктор юридических наук, профессор
Загорский Геннадий Ильич,
доктор юридических наук, профессор
Землин Александр Игоревич,
доктор юридических наук, профессор
Кардаш Игорь Леонидович,
доктор военных наук, профессор
Корякин Виктор Михайлович,
доктор юридических наук, доцент
Кудашкин Александр Васильевич,
доктор юридических наук, профессор
Лиховидов Константин Станиславович,
доктор юридических наук, доцент
Мазаник Александр Иванович,
доктор военных наук, профессор
Никитин Алексей Николаевич,
доктор юридических наук,
доктор исторических наук, профессор
Рыльская Марина Александровна,
доктор юридических наук, доцент
Толкаченко Анатолий Анатольевич,
доктор юридических наук, профессор
Топорков Анатолий Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор
Туганов Юрий Николаевич,
доктор юридических наук, профессор
Холопова Елена Николаевна,
доктор юридических наук, профессор
Чернявский Александр Геннадьевич,
доктор юридических наук, профессор

Журнал ориентирован на публикацию научных статей по темам военного права, военных аспектов международного права

- Ответственность за содержание публикаций несут авторы
- Мнение редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций
- Рукописи авторам не возвращаются
- Перепечатка материалов возможна только по согласованию с редакцией

Главный редактор:

Маликов С.В.

Заместитель главного редактора:

Старцун В.Н.

Научный редактор:

Дерешко Б.Ю.

Выпускающий редактор:

Кислый Ю.П.

Технические редакторы:

Азамов О.В.

Ткачев А.И.

Перевод аннотаций
на английский язык:

Балканов И.В.

Верстка:

Кочергин С.В.

Адрес редакции:

111033, г. Москва,
ул. Волочаевская, д. 3/4
Тел.: (903) 257-86-42
E-mail: vestnik-vp@mail.ru

Формат 70x108 1/16.

Печать офсетная.

Тираж 1 000 экз.

Подписано в печать 22.05.2016 г.

Отпечатано в типографии

«Код-Полиграф»

119121, Москва, Новоконюшенный пер., 3

Тел.: (499) 795-90-62

e-mail: zakaz@code-poligraf.ru

www.code-poligraf.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

ПРИОРИТЕТЫ

Сорочкин А.С.

Военные следственные органы на пороге важных преобразований9

ВОЕННО-ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

АКТУАЛЬНО

Марченко В.И.

О преемственности и развитии традиций военно-юридического образования в России 22

ВОЕННО-ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА

В УСЛОВИЯХ БОЕВОЙ ОБСТАНОВКИ

Маликов С.В.

К вопросу о концепции военно-полевой криминалистики.....29

НА ПОВЕСТКУ ДНЯ

Старцин В.Н.

Синергетический потенциал военного права в обеспечении международного мира и безопасности на современном этапе развития российской государственности.....35

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Землин А.И.

О роли и неотложных задачах военно-правовой науки в современных условиях 41

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Корякин В.М.

Военная организация государства: структура, предназначение и перспективы развития 47

ПРАВО И ВОЙНА

Дерешко Б.Ю.

Морально-психологическое обеспечение противоборства в гибридных войнах: правовые аспекты 55

ПРАВО И БЕЗОПАСНОСТЬ

Панкратов В.Н.

Оборона государства как средство обеспечения национальных интересов: взгляд сквозь призму стратегических политико-правовых документов Российской Федерации и США 61

<i>Дамаскин О.В.</i> Актуальные вопросы организации противодействия терроризму	67
---	----

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

<i>Лиховидов К.С.</i> О реализации военными прокурорами полномочий в арбитражном процессе по истребованию государственного имущества из чужого незаконного владения	76
--	----

ВОЕННО-АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

<i>Шнякина Т.С.</i> Процесс реквизиции в период действия особого административно-правового режима военного положения в Российской Федерации	85
--	----

ПРОБЛЕМЫ. МНЕНИЯ. РЕШЕНИЯ

<i>Слепко Г.Е., Иванников М.В.</i> Реализация военнослужащими-мужчинами права на отпуск по уходу за ребенком: российское законодательство и позиция Европейского Суда по правам человека	92
<i>Поволяев А.Н.</i> О путях разрешения вопросов вызова в суд судебной повесткой военнослужащих, проходящих военную службу по призыву	99
<i>Овчаров О.А., Щукина В.В.</i> О дальнейшем совершенствовании правовой работы в области военно-церковных отношений.....	103

ТРИБУНА СОИСКАТЕЛЯ

<i>Баженов А.В.</i> Понятие и систематизация преступлений против порядка сбережения военного имущества	109
---	-----

НА КОНКУРС НАУЧНЫХ РАБОТ

<i>Корчемкин М.Э.</i> Особенности гражданско-правового статуса военнослужащих	115
--	-----

ИСТОРИЯ ВОЕННОГО ПРАВА

ИСТОКИ

<i>Мищуткин И.В.</i> Творению Петра I «Уставу воинскому» – 300 лет	119
<i>Рязанцева Ю.В.</i> Создание, становление и деятельность первой высшей военно-юридической школы в России. К 150-летию Александровской военно-юридической академии	125

CONTENTS

FROM THE FIRST PERSON

PRIORITIES

Sorochkin A. S.

Military investigation bodies on the doorstep of important conversion 9

MILITARY AND LEGAL EDUCATION

RELEVANT ISSUES

Marchenkov V.I.

On the succession and development of traditions in Russian military law education 22

MILITARY AND LEGAL SCIENCE

IN BATTLEFIELD CONDITIONS

Malikov S.V.

On the concept of battlefield criminology 29

ON THE AGENDA

Startsun V.N.

Synergistic potential of the military law in the maintenance of international peace and security at the present stage of the Russian statehood development 35

THEORETICAL ISSUES

Zemlin A.I.

On the role and urgent tasks of the military and legal science in modern conditions 41

MILITARY ESTABLISHMENT

Koryakin V.M.

State military establishment: structure, purpose and development prospects 47

LAW AND WAR

Dereshko B. Yu.

Moral and psychological support in hybrid warfare: legal aspects 55

LAW AND SECURITY

Pankratov V.N.

National defense as a means to secure national interests: a view through the prism of strategic political and legal documents of the Russian Federation and the USA 61

<i>Damaskin O.V.</i> Topical issues on the organization of counteracting to terrorism	67
--	----

PROSECUTOR'S SUPERVISION

<i>Likhovidov K.S.</i> On the implementation of the authority of military prosecutors to reclaim illegally possessed state property in the arbitral procedure	76
---	----

MILITARY ADMINISTRATIVE LAW

<i>Shnyakina T.S.</i> The process of requisition under the special legal regime of the martial law in the Russian Federation	85
--	----

PROBLEMS. OPINIONS. DECISIONS

<i>Slepko G.E., Ivannikov M.V.</i> Enforcement of the right for a parental leave by a serviceman: legislation of the Russian Federation and approach adopted by the European Court of Human Rights	92
---	----

<i>Povolyaev A.N.</i> On ways to resolve the problem of subpoena for conscripts	99
--	----

<i>Ovcharov O.A., Shchukina V.V.</i> On further improvement of legal work in the field of military-church relations	103
--	-----

DEGREE SEEKER'S ROSTRUM

<i>Bazhenov A.V.</i> The concept and classification of crimes against military property caretaking.....	109
--	-----

SCIENTIFIC RESEARCH CONTEST

<i>Korchemkin M.E.</i> Features of civil law status of military personnel	115
--	-----

THE HISTORY OF MILITARY LAW

ORIGINS

<i>Mishutkin I.V.</i> Created by Peter I: 300th anniversary of the military regulations	119
--	-----

<i>Ryazantseva Yu.V.</i> The creation, development and activity of the first higher military law school in Russia. To the 150th anniversary of the Alexander Military Law Academy	125
---	-----

ВОЕННЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ОРГАНЫ НА ПОРОГЕ ВАЖНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

А. С. СОРОЧКИН,
*кандидат юридических наук,
заслуженный юрист Российской Федерации,
генерал-полковник юстиции,
заместитель Председателя Следственного комитета
Российской Федерации – руководитель
Главного военного следственного управления*

Аннотация. Автором осуществлен анализ основных новаций в развитии военных следственных органов Следственного комитета Российской Федерации, рассмотрены их новая структура, вопросы прохождения военной службы военнослужащими военных следственных органов, система их всестороннего обеспечения.

Ключевые слова: военные следственные органы; преобразования; трансформация статуса; порядок прохождения военной службы

В соответствии с приоритетными направлениями реализации парадигмы укрепления правового государства в России за последние годы был предпринят ряд последовательных и результативных мер по реформированию ключевых звеньев правоохранительной системы, направленных на всестороннее улучшение их функционирования. В рамках этого процесса существенным преобразованиям подвергаются на современном этапе и военные следственные органы [3; 4], что представляется совершенно закономерным и своевременным. Ведь от качества предварительного расследования по уголовным делам самым непосредственным образом зависит эффективность борьбы с преступностью в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах, результативность всей многогранной работы по укреплению законности, правопорядка и воинской дисциплины в них, а значит, уровень боеготовности и боеспособности силовых структур государства.

Справедливость этой оценки значенности деятельности по совершенствованию системы военных следственных органов становится еще более очевидной, если подкрепить ее ретроспективным сопоставлением с распространенными в прошлом научными взглядами российских

ученых-юристов на процессуальную роль следователя, которые еще в 1886 г. замечательно емко выразил известный государственный деятель и правовед Н.В. Муравьев в крылатом утверждении: «Следователь в значительной степени держит в своих руках судьбу уголовной истины» [28].

Как показывают отечественная и зарубежная юридическая практика, научные правовые исследования, одним из важнейших условий успешной реализации службой следствия своих полномочий являются ее вневедомственный статус, самостоятельность, организационная и функциональная независимость от других институтов государственной власти. Именно на этих принципах и построена реализованная ныне в России модель следственного аппарата и его специализированного структурного звена – военных следственных органов.

Внедрение данной модели осуществлялось непросто, так как это потребовало и значительных организационных усилий, и пересмотра устоявшихся подходов к организации досудебного производства.

Первым шагом на пути кардинального реформирования российского института предварительного следствия стало принятие Федерального закона от 05.06.2007 № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и «О прокуратуре Российской Федерации» [1] и Федерального закона от 06.06.2007 № 90-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [2], установивших организационное разграничение функций в сферах осуществления надзора за соблюдением законности при производстве дознания, предварительного следствия и рассмотрении уголовных дел в судах, с одной стороны, и организации и проведения следственных действий – с другой.

Но самым главным результатом началь-

ного этапа реформы явилось то, что на основании Указа Президента Российской Федерации от 01.08.2017 № 1004 «Вопросы Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации» [5] в целях совершенствования государственного управления в сфере исполнения законодательства об уголовном судопроизводстве 7 сентября 2007 г. было учреждено новое фактически самостоятельное ведомство – Следственный комитет при прокуратуре Российской Федерации, которому передавались полномочия надзорного органа в части возбуждения и расследования уголовных дел. Соответственно в системе созданного комитета были образованы военное следственное управление на правах структурного подразделения его центрального аппарата и военные следственные отделы по объединениям, соединениям и гарнизонам.

Второй этап реформирования предварительного следствия ознаменовался вступлением в действие 15 января 2011 г. Федерального закона от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» (далее – Федеральный закон «О Следственном комитете Российской Федерации»; Закон № 403-ФЗ) [3], на основании которого Следственный комитет был выведен из состава прокуратуры и преобразован в самостоятельный федеральный государственный орган – Следственный комитет Российской Федерации (далее – Следственный комитет; СК России), осуществляющий полномочия в сфере уголовного судопроизводства.

Это событие имеет поистине историческое значение: впервые за время существования Советского Союза и Российской Федерации образовался абсолютно независимый следственный орган, в функции которого входит осуществление предварительного следствия по очень широкой категории дел.

Закон № 403-ФЗ установил, что руководство деятельностью Следственного комитета осуществляет Президент Российской Федерации [3].

Как отмечалось в пояснительной записке к проекту данного закона, функционирование Следственного комитета вне системы прокуратуры Российской Федерации создаст необходимые условия для эффективной реализации полномочий прокуроров по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия, усиления взаимодействия

следственных органов с органами прокуратуры, позволит повысить объективность следствия, тем самым обеспечивая законность в сфере уголовного судопроизводства и неукоснительное соблюдение конституционных прав граждан [22].

В развитие Федерального закона № 403-ФЗ Указом Президента Российской Федерации от 14.01.2011 № 38 «Вопросы деятельности Следственного комитета Российской Федерации» было утверждено Положение о Следственном комитете Российской Федерации [6], определяющее основные задачи Следственного комитета, соответствующие права и полномочия, порядок прохождения службы в Следственном комитете и организацию его деятельности.

Таким образом, Следственный комитет после его выведения из состава прокуратуры занял особое место в российской государственной системе: он не входит ни в одну из ветвей государственной власти, ни в структуру какого-либо другого органа [22].

Эти преобразования, проведенные в целях более четкого разграничения функций прокурорского надзора и предварительного следствия, носят столь глубокий характер, что в научном юридическом сообществе стали считать правомерным характеризовать их как смену парадигм досудебного уголовного производства [42]. И для такого утверждения есть все основания. В качестве доказательства достаточно акцентировать внимание на том, что вышеуказанными нормативно-правовыми актами были установлены:

- вневедомственный статус Следственного комитета;
- независимость Следственного комитета от каких-либо органов государственной власти федерального и регионального уровней, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций;
- полная институциональная самостоятельность выполняемой Следственным комитетом следственной функции, что обеспечивает объективность и беспристрастность расследования.

Кардинальное реформирование отечественной системы предварительного следствия самым благоприятным образом сказалось на решении организационно-функциональных вопросов деятельности, всем облике военных следственных органов. Этому способствовало отражение

на законодательном уровне важного значения той роли, которую они играют в военной организации и правоохранительной системе государства, о чем свидетельствует красноречивая деталь: в Федеральном законе «О Следственном комитете Российской Федерации» военным следственным органам посвящена целая глава [3, гл. 4].

Необходимо отметить и другой немаловажный фактор: сохранение военной службы в военных следственных органах, воспринятое военными юристами как подтверждение законодателем неоспоримости точки зрения, согласно которой качественно расследовать преступления в отношении военнослужащих, успешно бороться за укрепление законности, правопорядка и дисциплины в войсках могут только те, кто обладает опытом военной службы.

Если говорить конкретно о новом облике, приобретенном военными следственными органами в контексте поэтапных реформаторских преобразований института предварительного следствия, то, в первую очередь, необходимо подчеркнуть основные моменты, касающиеся их функций и задач, системы управления, структуры, численности, укомплектованности, профессиональной подготовки сотрудников, а также порядка прохождения военной службы в СК России.

На основании Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» [3] военные следственные органы СК России осуществляют свои полномочия в сфере уголовного судопроизводства в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба.

Уголовное преследование военными следственными органами проводится по делам о преступлениях, совершенных:

- военнослужащими;
- гражданами, проходящими военные сборы;
- лицами гражданского персонала Вооруженных сил, других войск, воинских формирований и органов в связи с исполнением ими своих служебных обязанностей или совершенных в расположенных части, соединениях, учреждениях, гарнизона;
- судьями военных судов, прокурорскими работниками органов военной прокуратуры, работниками военных следственных органов Следственного комитета, в том

числе не являющимися военнослужащими; – иными лицами, уголовное преследование которых, по решению Председателя Следственного комитета, отнесено к компетенции военных следственных органов Следственного комитета.

В соответствии со значимостью полномочий и функций военных следственных органов статус их центрального руководящего аппарата поднят до уровня Главного военного следственного управления.

Структура военных следственных органов приведена в соответствие с новым военно-административным делением Российской Федерации, установленным Президентом Российской Федерации. Сегодня она включает в себя:

- 1) Главное военное следственное управление, организационно входящее в центральный аппарат Следственного комитета;
- 2) 10 военных следственных управлений (по военным округам, флотам, Ракетным войскам стратегического назначения и по Москве);
- 3) подчиненные военным следственным управлениям 142 военных следственных отдела по гарнизонам. Пять из них осуществляют на постоянной основе функции уголовного преследования на территории иностранных государства, где в соответствии с международными договорами находятся российские воинские формирования.

Указом Президента Российской Федерации от 27.06.2014 № 481 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 14 января 2011 года № 38 «Вопросы деятельности Следственного комитета Российской Федерации» и в перечень должностей в Следственном комитете Российской Федерации, по которым предусмотрено присвоение высших специальных званий, утвержденный этим Указом» штатная численность военных следственных органов установлена в количестве 2119 единиц [7]. Три четверти от этого количества составляет штатная численность офицеров.

Все офицеры военных следственных органов, как уже подчеркивалось, имеют статус военнослужащих, проходят службу в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах в соответствии с Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе», обладают правами, установленными Федеральным законом «О

статусе военнослужащих» и Федеральным законом «О Следственном комитете Российской Федерации».

В настоящее время деятельность по борьбе с преступностью, обеспечению законности и правопорядка в силовых структурах осуществляют высококвалифицированные сотрудники военных следственных органов. Их штат практически полностью укомплектован. В отличие от ситуации пяти-шестилетней давности, когда три четверти сотрудников имели стаж следственной работы менее трех лет, численность начинающих военных следователей не превышает одной четверти от штатной численности.

Неотъемлемая черта современного облика военных следственных органов – предъявление к сотрудникам высоких профессиональных и нравственных требований. Важнейшее из них – добиться безусловного, неуклонного соблюдения и исполнения законов Российской Федерации. Стремясь к достижению этой цели, военные следователи как руководство к действию восприняли положение послания Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию 3 декабря 2015 г.: «Закон должен быть суров к тем, кто сознательно пошел на тяжкое преступление, нанес ущерб жизни людей, интересам общества и государства. И конечно, закон должен быть гуманен к тем, кто оступился» [8].

В качестве краткого резюме можно смело утверждать, что проведенные преобразования принесли свои плоды. В этом убеждает взгляд на результаты реформы 2011 г. сквозь призму анализа официальных статистических данных.

Выступая на расширенном заседании коллегии Главного военного следственного управления СК России 25 февраля 2016 г., на котором были подведены итоги деятельности военных следственных органов за 2015 г. и определены задачи на 2016 г., Председатель Следственного комитета генерал юстиции Российской Федерации А.И. Бастрыкин подчеркнул: «Итоги работы военных следственных органов оцениваю очень положительно. Их основная черта – стабильность и надежность в работе». Далее он уточнил, что военными следователями «завершено производством почти 9 тысяч (8770) уголовных дел, что на 7% больше, чем в 2014 году (8191). При этом, несмотря на увеличение нагрузки... удалось не допустить снижения качества

предварительного следствия» [9].

Убедительно характеризуют работу военных следственных органов также цифры, отражающие ее экономический эффект. В 2015 г. по ходатайству военных следователей судами наложен арест на имущество обвиняемых общей стоимостью почти 1 млрд руб. Кроме того, усилиями военных следователей на досудебной стадии производства возмещен причиненный ущерб на сумму 2,7 млрд руб. Для сравнения: в 2011 г. этот показатель не превысил 500 млн руб. [9].

Все это свидетельствует о том, что военные следственные органы СК России в результате проведенного реформирования приобрели потенциал, гарантирующий успешное выполнение возложенных на них задач.

Теперь на повестку дня вынесен вопрос дальнейшего совершенствования деятельности военных следователей, что обусловило принятие на государственном уровне мер по продолжению кардинального реформирования системы досудебного производства.

В этой связи, с учетом значимости осмысления уже осуществленных этапов реформы и прогнозирования результатов грядущих преобразований предварительного следствия, представляется целесообразным и важным актуализировать отечественный историко-правовой опыт реализации различных моделей построения следственного аппарата в минувшие эпохи – с тем, чтобы извлечь полезные для сегодняшнего дня уроки из достижений и просчетов прошлого, выявить и в интересах будущего следственных органов творчески развить все ценное из того, что накоплено нашими предшественниками.

* * *

Справедливости ради надо сказать, что учеными-правоведами уделялось достаточно большое внимание изучению реформирования органов предварительного расследования. Особенно подробно исследована реформа следственного аппарата 1860–1864 гг. [14; 23; 24; 26; 35; 39]. Предметно и всесторонне изучены организация, функционирование и развитие следственных органов в XIX – начале XX вв., в 1917 – первой половине 1920-х гг., а также в некоторые другие периоды советской эпохи [11; 15; 16; 19; 20; 25; 27; 30; 37; 40]. Вместе с тем говорить о равномерном

и полном охвате научными исследованиями всех этапов преобразования института предварительного следствия в России было бы преувеличением.

А ведь очевидно, что пробелы в историческом знании часто приводят к ошибочному представлению о причинах, связях тех или иных событий, процессов, действий, важных для правильного видения преемственности государственно-правовых институтов, динамики их развития.

К такому утверждению применительно к рассматриваемой теме подводит и высказанное в научной литературе мнение о том, что «до учреждения судебных следователей (в 1860 г.) российский государственный аппарат не имел структурно и функционально обособленного органа, специально предназначенного для расследования уголовных дел» [26]. Эта точка зрения не может претендовать на бесспорность. Опираясь на научные факты, можно с полной уверенностью заявить, что отечественные специализированные органы предварительного следствия возникли не в 1860 г., а значительно раньше.

Как показывают исторические документы, первым таким органом в России являлась канцелярия розыскных дел под руководством гвардии майора графа М.И. Волконского, учрежденная 25 июля 1713 г. именным Указом Петра I с целью расследовать злоупотребления властью представителями государственной администрации в Архангелогородской губернии. По образцу канцелярии М.И. Волконского в скором времени был образован еще ряд «розыскных» канцелярий, следственные присутствия которых комплектовались почти исключительно строевыми офицерами гвардии и приданными им в помощь опытными дьяками. В их задачу входило расследование уголовных дел преимущественно по обвинениям высокопоставленных должностных лиц в опасных деяниях, посягающих на основы государственности, к которым, в первую очередь, относились коррупционные преступления (казнокрадство, взяточничество, служебные подлоги, мошенничество). Поскольку среди руководителей созданных следственных учреждений преобладали лейб-гвардии майоры, с легкой руки Петра I в обиход вошло собирательное наименование – «майорские канцелярии». В полном объеме функционирование «офицерских» следственных органов в качестве постоянно действующих элементов государственного аппарата

с признаками отдельной организационной структуры началось с подписанием 9 декабря 1717 г. Петром I Наказа «майорским» канцеляриям, заложившего правовую основу их деятельности [13; 17; 31; 34; 35].

На основании этого нормативно-правового акта сформированные следственные подразделения подчинялись непосредственно монарху. Он же лично назначал, освобождал от должности и привлекал к ответственности их руководителей. Ни один орган власти, включая Сенат, не был уполномочен каким-либо образом вмешиваться в работу «майорских» канцелярий. Показателен в этом отношении протокол заседания Сената от 17 октября 1722 г., рассмотревшего обращение Святейшего Синода с жалобой на действия одного из представителей следственной канцелярии И.И. Дмитриева-Мамонова. Протокольная запись по итогам рассмотрения жалобы гласила: «Ответствовать, что понеже оныя канцелярии Сенату не подчинены, того ради им, Правительствующему Сенату, о том и рассуждения никакого определить не надлежит» [18; 33; 36; 43].

Таким образом, был законодательно оформлен и в полной мере реализован на практике статус «офицерских» канцелярий как вневедомственных, по современной терминологии, следственных органов.

Чрезвычайно значимо и то, что с их учреждением и изданием отмеченного Наказа впервые в российской истории была выделена в уголовном судопроизводстве и получила организационное и процессуальное обособление стадия предварительного расследования [41].

Здесь сама собой напрашивается параллель с современностью, прямо подводящая к выводу о тесной близости моделей следственного органа петровской эпохи и сегодняшнего Следственного комитета. Доказательством служит неоспоримый факт: главные принципы функционирования этих органов, разделенных тремя столетиями, одни и те же – обеспечивающая вневедомственный статус подчиненность непосредственно главе государства, самостоятельность, независимость от каких-либо органов власти.

Важному предназначению сформированного царем следственного аппарата соответствовал по-государственному выверенный подход к его кадровому обеспечению: следователей в канцелярии набирали из наиболее подготовленных и грамотных кандидатов, в том числе офи-

церов Преображенского и Семеновского полков [18].

С учетом статуса должностных лиц «майорских» канцелярий, привлекавшихся к ведению следствия, можно заключить, что созданный Петром I *специализированный аппарат следствия является и первым прототипом современных военных следственных органов.*

К сожалению, век учреждений предварительного расследования, построенных на основе вневедомственной модели, был недолгим. В середине 1720-х гг. они прекратили свое существование и после кончины императора Петра I длительное время находились в незаслуженном забвении [10]. Следственная функция была возложена на лишенные организационной независимости неспециализированные судебные и административные органы, в процессуальной деятельности которых, в отличие от практики, принятой в петровскую эпоху, предварительное расследование в качестве стадии уголовного процесса не отделялось от судебного разбирательства.

Этот этап в истории отечественных следственных институтов можно охарактеризовать как период формирования административной модели организации предварительного расследования.

Однако постепенно на высшем государственном уровне складывается понимание необходимости принятия мер по восстановлению специализированного следственного аппарата, подвергшегося деформации в послепетровские времена. Первой из таких мер стало учреждение Указом императора Александра I от 29 августа 1808 г. должности следственных приставов, обязанных заниматься исключительно производством уголовных расследований. Они были включены в штат полиции, входившей в систему Министерства внутренних дел [38].

Следующим знаковым событием в истории отечественного предварительного следствия, касающееся его нормативного регулирования, стало издание в 1832 г. подготовленного под руководством М.М. Сперанского свода законов Российской империи. Часть 2-я 15-го тома свода – «Законы о судоустройстве по делам о преступлениях и проступках» явилась, по существу, первым отечественным уголовно-процессуальным кодексом, определившим стадию предварительного расследования [35].

В ст. 767 ч. 2 т. 15 указанного свода

формулировалось основополагающее на то время положение, определяющее модель построения следственного аппарата: «Производство следствия и все меры, к оному относящиеся, принадлежат полиции» [41].

Этот порядок предварительного расследования претерпел радикальные изменения с изданием Указа императора Александра II от 8 июня 1860 г. «Об отделении следственной части от полиции», в соответствии с которым вводились должности подведомственных Министерству юстиции судебных следователей для производства следствий о всех преступлениях и проступках, подлежащих ведению судебных мест [12].

Правовую базу, необходимую для реализации следственных функций в новых организационных рамках, создали утвержденные 20 ноября 1864 г. Судебные уставы, ознаменовавшие проведение судебной реформы и, по сути дела, окончательное формирование в Российской империи системы предварительного следствия. Как явствует из вышесказанного, в основу ее на этом историческом этапе была положена судебная модель следственного аппарата.

Заслуживает быть особо отмеченным тот факт, что в 1860-е гг. аналогично по судебной модели зародился также институт военных следователей, которые, согласно положениям Военно-судебного устава 1867 г., состояли при военно-окружных судах [30].

На основе судебной модели следственная служба развивалась вплоть до революционных событий 1917 г. [38].

После Октябрьской революции все учреждения, образовывавшие судебную и правоохранительную системы царской России, в том числе и институт судебных следователей, были упразднены. Вместе с тем функция по осуществлению предварительного следствия осталась за судом. Декретом «О суде» № 1 от 24.11.1917 производство предварительного следствия возлагалось единолично на народных судей уездных судов, наряду с которыми были учреждены следственные комиссии при местных Советах и революционные трибуналы [41].

Вскоре следственные подразделения были созданы практически при всех правоохранительных органах [32], а также в высшем органе чрезвычайной юстиции – Все-

российской чрезвычайной комиссии (ВЧК).

Военные следственные органы, процессуальные полномочия, права и обязанности которых были подробно закреплены в утвержденных Реввоенсоветом республики (РВСР) Инструкции военным следователям революционных военных трибуналов от 01.02.1919 и Положении о военных следователях от 30.09.1919, также оказались тесно связанными с исполнительной властью. Согласно ст. 1 указанного Положения они состояли при военных трибуналах, окружных и губернских военных комиссариатах. В соответствии же с приказом РВСР от 31.12.1919 в губернских военных комиссариатах организовались следственно-судебные части, а в штабах военных округов – следственно-судебные отделы [21].

В 1922 г. органы предварительного расследования подвергаются преобразованию. В конструкцию следственного аппарата включаются должности участковых народных следователей при народных судах, старших следователей при губернских судах, следователей по важнейшим делам при Верховном суде РСФСР, следователей по важнейшим делам при Наркомате юстиции, следователей военных и военно-транспортных трибуналов [38].

Таким образом, в годы Гражданской войны и последовавший вслед за ней период получил развитие и укрепился следственный аппарат, построенный на основе судебной модели.

Но это положение сохранялось недолго. В 1927 г. в Московской губернии в порядке эксперимента было осуществлено подчинение следователей органам прокуратуры. Счтя эксперимент успешным, коллегия Наркомата юстиции 12 апреля 1928 г. постановила передать следственный аппарат в полное распоряжение прокуратуры по РСФСР. Согласно ст. 4 постановления ЦИК и СНК СССР от 30 января 1929 г. военные следователи аналогичным образом перешли в подчинение органов военной прокуратуры.

Через непродолжительное время последовало изменение статуса органов прокуратуры и следствия, подведомственных в то время Наркомюсту: в силу ст. 2 постановления ЦИК и СНК СССР от 20 июня 1936 г. они отделились от наркоматов юстиции союзных и автономных республик и перешли в исключительное подчинение прокурора СССР. Соответственно по по-

становлению СНК СССР от 5 ноября 1936 г. «О структуре Прокуратуры Союза ССР» в Прокуратуре СССР был учрежден следственный отдел [38].

В 1938 – 1939 гг. дальнейшее развитие получил следственный аппарат в структуре исполнительной власти: обособленные следственные подразделения были учреждены в органах госбезопасности и милиции, подведомственных в то время НКВД СССР. В ходе дальнейших преобразований НКВД-НКГБ-МГБ-МВД их следственные органы неизменно сохранялись, причем они никак не регламентировались на законодательном уровне, а оформлялись исключительно ведомственными распоряжениями. После основания 13 марта 1954 г. Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР в его структуре также образовалось Следственное управление [11].

Из этих исторических фактов следует, что в конце 1930-х гг. институт судебного следствия, функционировавший в различных видах с 1864 г., бесповоротно прекратил свое существование, в стране утвердились прокурорская и административная модели организации предварительного расследования.

В середине 1950-х – начале 1960-х гг. следственные органы, функционировавшие на основе этих моделей, получили юридическое закрепление. Согласно ст. 28 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик от 25 декабря 1958 г. осуществление предварительного следствия возлагалось на следователей прокуратуры, а по специальной категории дел – на следователей КГБ. А на основании указа Президиума Верховного Совета СССР от 6 апреля 1963 г. функция предварительного расследования была предоставлена органам внутренних дел, в которых ранее следственный аппарат не предусматривался.

Сложившаяся в то время следственная система страны, основанная на параллельном функционировании следственных аппаратов в структуре прокуратуры и органов исполнительной власти, сохранялась неизменной на протяжении почти пятидесяти лет.

Рассмотрение этой системы в сравнении с предшествующими ей моделями предварительного следствия дает богатую пищу для размышлений о сложности, неоднозначности, противоречивости

процессов возникновения, становления и развития следственных органов в разные периоды отечественной истории, о влиянии на эти процессы объективных и субъективных факторов, в одних случаях задающих вектор совершенствования, роста качества системы предварительного следствия, а в других – его застоя, регресса.

Вот почему с огромным интересом воспринимаются исторические эпизоды, отражающие возрождение концепции вневедомственной модели организации следственных органов в новое время. Впервые эта идея была озвучена еще в 1930 г., но пока еще в сугубо локальном формате, а широкое распространение стала получать значительно позже, начиная с конца 1950-х гг., когда сложились условия для ее широкой поддержки.

Вынесенная на общественное обсуждение поначалу как мысль о построении единого аппарата предварительного расследования, она дала толчок бурным дискуссиям в научных кругах, на страницах центральной и юридической периодики, неоднократно становилась предметом рассмотрения в органах власти и по мере ее утверждения на политическом уровне начала переходить в практическую плоскость. При обсуждении данной проблемы в разные периоды выдвигались проекты следственных структур, различающиеся предложениями относительно их названий, систем подчиненности, степени независимости, но всегда тесно связанные общей целевой направленностью на интегрирование функций досудебного расследования в одном ведомстве.

Примечательно, что уже в первоначальной дискуссии, прошедшей в 1957 г., когда авторы проектов в своем подавляющем большинстве предлагали сосредоточить предварительное следствие, по разным вариантам, в прокуратуре, в МВД, в Министерстве юстиции, предполагая реформы исключительно в рамках существовавших на тот период моделей построения следственного аппарата, были высказаны мнения о целесообразности создания самостоятельного органа по расследованию всех уголовных дел. В последующем такие инициативы начали приобретать все большую актуальность. Так, во второй половине 1960-х – 1970-е гг. выдвигались предложения о создании: Следственного управления при Верховном Совете СССР, Следственного комитета при Совете Ми-

нистров СССР, Государственного комитета СССР по следствию. В годы перестройки предпринимались попытки образования не подверженного ведомственным и местным влияниям самостоятельного союзного Следственного комитета. Однако дальше рассмотрения указанных инициатив и, в практическом плане, разработки в отдельных случаях соответствующих законопроектов дело тогда не шло.

Подобным образом складывалась ситуация с реформированием следственных органов также в первой половине 1990-х – начале 2000-х гг.

Остался нереализованным смелый план создания независимого Следственного комитета в 1993 г.: внесенный на рассмотрение Верховного Совета России проект Закона «О Следственном комитете Российской Федерации» был уже принят в первом чтении, но драматические октябрьские события, роспуск Верховного Совета и последовавшие за этим политические коллизии надолго отодвинули давно назревшую реформу.

Не получил поддержки, правда, уже по другим причинам, представленный в 2002 г. в Государственную думу Российской Федерации законопроект, предлагавший создание единого ведомства – Федеральной службы расследований [11].

Между тем существовавший в стране институт предварительного следствия остро нуждался в реорганизации. Ее необходимость, как говорилось в одном из документов пакета законопроектов, подготовленных в конце 1990 г. межведомственной группой специалистов в ходе работы по созданию самостоятельного Следственного комитета, обосновывалась тем, что «не-совершенство... структуры и противоречащая закону ведомственная подчиненность и разобщенность следственного аппарата стали серьезным препятствием для коренного улучшения его деятельности. Высокие психофизиологические перегрузки, неудовлетворительная материально-техническая оснащенность, отсутствие юридических гарантий процессуальной независимости и социальной защищенности следователей не позволяют всесторонне, полно и объективно расследовать совершенные преступления, нередко влекут серьезные нарушения конституционных прав и законных интересов граждан» [29].

Лишь в 2007-м и 2011 гг., в сложившейся обстановке стабильности и консолида-

ции политических сил, когда созрели условия для успешного решения проблемы создания независимого следственного аппарата, стали возможными кардинальные реформаторские шаги, ознаменовавшие поэтапное восстановление петровской вневедомственной модели организации следствия, что с полным основанием можно классифицировать как начало нового витка в истории российских следственных органов.

В завершение краткого анализа исторического развития института предварительного следствия в целом и военных следственных органов в частности с позиций современной парадигмы досудебного производства видится логичным сформулировать ряд итоговых тезисов:

- первые российские специализированные органы предварительного расследования – учрежденные Петром I «майорские» канцелярии – являются прямыми предшественниками Следственного комитета Российской Федерации и его военных следственных органов. Не случайно постановлением Правительства Российской Федерации от 27.08.2013 дата учреждения первой следственной канцелярии – 25 июля – была установлена в качестве Дня сотрудников органов следствия Российской Федерации;

- история отечественных следственных органов с момента их возникновения и до настоящего времени представляет собой единый процесс, все этапы которого неразрывно связаны друг с другом;

- историко-правовой опыт, накопленный в ходе строительства, развития, функционирования отечественного следственного аппарата в разные эпохи заслуживает пристального внимания и тщательного изучения в целях его использования в грядущих преобразовательных шагах;

- в интересах дальнейшего совершенствования следственной деятельности представляется существенным сосредоточить первоочередное внимание на изучении преимуществ петровской вневедомственной модели следствия, причин ее длительного забвения и проблем восстановления этой модели.

* * *

В свете вышеприведенных рассуждений важно подчеркнуть особую значимость грядущей реформы военных следственных

органов, о которой говорилось выше.

Ее необходимость продиктована следующим обстоятельством: для эффективной реализации полномочий военных следователей в рамках введенной в практику вневедомственной модели предварительного расследования необходимо разрешить проблему, уходящую своими корнями в прошлое отечественной следственной системы.

Существо этой неснятой проблемы заключается в том, что должности военных следователей, являющихся сотрудниками Следственного комитета, содержатся за счет численности Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, подчиненных соответственно Минобороны России и иным госструктурам, которые обеспечивают военные следственные органы всем необходимым: от служебных помещений, автотранспорта, средств связи и криминалистической техники до денежного довольствия, оплаты экспертиз, услуг защитников и переводчиков. А это неизбежно ставит военные следственные органы в зависимое положение от обслуживаемых ими ведомств.

Очевидно, что данная ситуация противоречит логике функционирования самостоятельного следственного аппарата, мешает объективности, полноте и всесторонности расследования.

Подход к указанной проблеме на государственном уровне именно в таком принципиальном ключе, понимание необходимости неотложных мер по ее устранению обусловили принятие решения о реализации нового этапа реформы в системе досудебного производства. Правовой основой намеченных преобразований стал Федеральный закон от 04.06.2014 № 145-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам военной службы в органах военной прокуратуры и военных следственных органах Следственного комитета Российской Федерации» (далее – Закон № 145-ФЗ) [4].

Согласно данному законодательному акту с 1 января 2017 г. Генеральная прокуратура Российской Федерации и Следственный комитет Российской Федерации включаются в число органов, в которых законом предусмотрена военная служба. Одновременно численность военнослужащих

и гражданского персонала органов военной прокуратуры и военных следственных органов СК России исключается из численности Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов и включается в штатную численность органов прокуратуры Российской Федерации и следственных органов Следственного комитета Российской Федерации соответственно.

Помимо этого Закон № 145-ФЗ вносит в отдельные законодательные акты Российской Федерации изменения, касающиеся организационной структуры и численности, материально-технического и социального обеспечения военных следственных органов, подготовки кадров для них, прохождения военной службы в СК России, решения других важных вопросов.

Так, в систему военных следственных органов Следственного комитета войдут:

- Главное военное следственное управление Следственного комитета;

- военные следственные управления Следственного комитета по военным округам, флотам и другие военные следственные управления Следственного комитета, приравненные к главным следственным управлениям и следственным управлениям Следственного комитета по субъектам Российской Федерации;

- военные следственные отделы по объединениям, соединениям, гарнизонам и другие военные следственные отделы Следственного комитета, приравненные к следственным отделам и следственным отделениям Следственного комитета по районам, городам.

Численность военнослужащих и гражданского персонала военных следственных органов СК России будет устанавливаться Президентом Российской Федерации по представлению Председателя Следственного комитета пропорционально численности Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба.

Как и ранее, порядок прохождения службы военнослужащими военных следственных органов будет регулироваться Федеральным законом от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», но перечень воинских должностей военных следственных органов СК России будет определять Председатель Следственного комитета, за исключением

воинских должностей, подлежащих замещению высшими офицерами.

Также установлено, что присвоение первого воинского звания офицера, воинского звания полковника юстиции, воинского звания офицера досрочно, на одну ступень выше воинского звания, предусмотренного штатом для занимаемой воинской должности, воинского звания военнослужащим, успешно обучающимся по очной форме обучения в адъюнктуре, военной докторантуре, до полковника юстиции включительно производится Председателем Следственного комитета.

Заместитель Председателя Следственного комитета Российской Федерации – руководитель Главного военного следственного управления вправе присваивать воинские звания до подполковника юстиции включительно. Руководители военных следственных управлений Следственного комитета по военным округам, флотам и других военных следственных управлений Следственного комитета, приравненных к главным следственным управлениям и следственным управлениям Следственного комитета по субъектам Российской Федерации, – до майора юстиции включительно.

Воинские звания высших офицеров присваиваются Президентом Российской Федерации по представлению Председателя Следственного комитета.

Полномочия руководителей военных следственных органов Следственного комитета на применение поощрений и дисциплинарных взысканий в отношении подчиненных им военнослужащих определяются Председателем Следственного комитета.

В соответствии с новыми законодательными положениями обеспечение военных следственных органов транспортом, связью, средствами обработки информации и организационно-множительной техникой, служебными помещениями, хранение их архивов, вещевое и продовольственное обеспечение военнослужащих военных следственных органов осуществляется Министерством обороны Российской Федерации, Министерством внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службой безопасности Российской Федерации, иными федеральными органами исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, с осуществлением взаимных расчетов в порядке, установленном Прави-

тельством Российской Федерации.

Все ныне занимаемое недвижимое и движимое имущество с 1 января 2017 года закрепляется на праве оперативного управления за Следственным комитетом.

Что касается социального обеспечения, то наиболее важным на сегодня для личного состава военных следственных органов является решение жилищного вопроса. Законодателем установлено, что обеспечение военнослужащих СК России жилыми помещениями осуществляется за счет средств федерального бюджета путем предоставления сотруднику служебного жилого помещения или жилого помещения в собственность по решению Председателя Следственного комитета. На военнослужащих СК России распространяются нормы Федерального закона от 20.08.2004 № 117-ФЗ «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих».

Медицинское обеспечение, санаторно-курортное лечение, медико-психологическая реабилитация и организованный отдых военнослужащих военных следственных органов и членов их семей будут осуществляться в медицинских, военно-медицинских подразделениях, частях и учреждениях, санаторно-курортных и оздоровительных учреждениях Министерства обороны Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации, иных федеральных органов исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, с осуществлением взаимных расчетов в установленном порядке.

Законодатель определил и выплаты при увольнении военнослужащих с военной службы из органов Следственного комитета, имеющих право на пенсию за выслугу лет, а также при увольнении по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями. Им будет выплачиваться выходное пособие за полные годы выслуги в размерах, указанных в ч. 17 ст. 35 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации».

Пенсионное обеспечение лиц, уволенных с военной службы в военных следственных органах Следственного комитета и членов их семей после 1 января 2017 г. будет осуществляться Следственным комитетом.

Подготовка и обучения кадров для во-

енных следственных органов будет осуществляться Министерством обороны Российской Федерации, Министерством внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службой безопасности Российской Федерации, иными федеральными органами исполнительной власти, в которых предусмотрена военная служба, с последующим взаимным расчетом.

Закон предусматривает продолжение службы военнослужащими военных следственных органов на занимаемых должностях без переаттестации и переназначения.

Таким образом, грядущие преобразования создадут максимально благоприятные условия для эффективного осуществления деятельности военных следователей по борьбе с преступностью, укреплению законности, правопорядка и воинской дисциплины в силовых структурах, станут новым шагом в обеспечении преемственности глубоких исторических традиций и лучших достижений российского следствия.

Список литературы

1. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: Федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 24. Ст. 2830.

2. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 06.06.2007 № 90-ФЗ [Электронный ресурс] // Гарант: справ.-правовая система. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12053941/>.

3. О Следственном комитете Российской Федерации: Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ (в ред. от 30.12.2015) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108565/.

4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам военной службы в органах военной прокуратуры и военных следственных органах следственного комитета Российской Федерации: Федеральный закон от 04.06.2014 № 145-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163937/.

5. Вопросы Следственного комитета

при прокуратуре Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 01.08.2007 № 1004 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 32. Ст. 4122.

6. Вопросы деятельности Следственного комитета Российской Федерации (вместе с «Положением о Следственном комитете Российской Федерации»): Указ Президента Российской Федерации от 14.01.2011 № 38 (в ред. от 31.12.2015). [Электронный ресурс] // Гарант: справ.-правовая система. URL: <http://base.garant.ru/12181915/>.

7. О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 14 января 2011 года № 38 «Вопросы деятельности Следственного комитета Российской Федерации» и в перечень должностей в Следственном комитете Российской Федерации, по которым предусмотрено присвоение высших специальных званий, утвержденный этим Указом: Указ Президента Российской Федерации от 27.06.2014 № 481 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165048/.

8. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 3 декабря 2015 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189898/.

9. Материалы расширенного заседания коллегии Главного военного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации 25 февраля 2016 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт СК России. URL: <http://sledcom.ru/news/item/1019163>.

10. *Аверченко А.К., Серов Д.О.* Вневедомственный следственный аппарат России: замыслы и реальность // Журнал российского права. 2005. № 10.

11. *Аверченко А.К., Серов Д.О.* Организация следственного аппарата России: история и современность // Вестник НГУ. Сер. Право. 2006. Т. 2. вып. 1;

12. *Аверченко А.К.* Формирование и развитие уголовно-процессуального статуса судебного следователя в период судебных реформ Александра II (1860–1864 годы) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2014. № 9.

13. *Бабич М.В.* Майорские канцелярии [Электронный ресурс] // Официальный

сайт Международной военно-исторической ассоциации. URL: http://www.imha.ru/1144523985-majjorskie-kanceljarii.html#_Vyei6P1f0eF.

14. *Басков В.И.* О предварительном следствии // Советская юстиция, 1990. № 15.

15. *Бердичевский Ф., Чистяков О.И.* О реорганизации предварительного следствия // Социалистическая законность. 1957. № 7.

16. *Вахитов Ш.К.* Место следственного аппарата в системе государственных органов // Советское государство и право. 1988. № 2.

17. *Веретенников В.И.* История Тайной канцелярии петровского времени. Харьков, 1910.

18. *Веретенников И.Н.* Статус следователя в системе военных следственных органов России: история становления и развития // Экономика, социология и право. 2014. № 4.

19. *Голяков И.Т.* О едином следственном аппарате и функциях Министерства юстиции // Советская юстиция. 1957. № 7.

20. *Горский Г.Ф.* Научные основы организации деятельности следственного аппарата в СССР. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1970.

21. История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. 1917–1954 гг.: сб. док. / под ред. С.А. Голунского. М.: Госюриздат, 1955. 635 с.

22. История создания Следственного комитета Российской Федерации и его современный правовой статус [Электронный ресурс] // Официальный сайт СК России. URL: <http://www.sledcom.ru/history/>.

23. *Коротких М.Г., Сорокина Ю.В.* Реформа следственного аппарата России в 1860–1864 гг. // Советское государство и право. 1991. № 10.

24. *Крылов И.Ф., Бастрыкин А.И.* Розыск, дознание, следствие: учеб. пособие. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. 216 с.

25. *Ломов В.С.* Органы предварительного следствия Советского государства в первой половине 20-х годов. Волгоград: Высш. след. шк., 1994. 153 с.

26. *Мамонтов А.Г.* Реформа предварительного следствия во второй половине XIX века в России (историко-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996.

27. *Митричев С.* О едином следствен-

ном аппарате // Известия. 1957. 2 июля.

28. *Муравьев Н.В.* О судебной службе // Муравьев Н.В. Из прошлой деятельности. СПб., 1900. Т. 1.

29. О Следственном комитете РСФСР (проекты законодательных и нормативных актов, связанных с реорганизацией органов предварительного следствия) // Комитет Верховного Совета РСФСР по вопросам законности, правопорядка и борьбы с преступностью. М., 1990. С. 3.

30. *Петухов Н.А.* История военных судов России. М.: Норма, 2003. 352 с.

31. «Розыскать накрепко, правдою, без всяких приказных крючков»: указы Петра I, Екатерины I и Сената в области судостроительства и уголовной политики. 1716–1726 гг. / публ. Д.О. Серова // Исторический архив. 2000. № 6.

32. *Романовский Г.Б.* Правовой статус Следственного комитета Российской Федерации [Электронный ресурс] // Наука. Общество. Государство: электрон. науч. журн. URL: http://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/romanovskiy_gb_13_1_17.pdf.

33. РГАДА. Ф. 248. Кн. 1888. Л. 559.

34. РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 27. Л. 1.

35. Российское законодательство X–XX вв. / под ред. Б.В. Виленского. М., 1991. Т. 8;

36. *Серов Д.О.* Забытая страница истории уголовно-процессуального законодательства России XVIII в.: Наказ «майорским» следственным канцеляриям от 9 декабря 1717 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://pandia.ru/text/78/407/49554.php>.

37. *Смирнов А.В.* Эволюция исторической формы советского уголовного процесса и предварительное расследование // Советское государство и право. 1990. № 12.

38. *Смирнов Г.К.* Историческое развитие и перспективы реформирования следственного аппарата России // Законодательство. 2010. № 4.

39. *Сорокина Ю.В.* Реформа следственного аппарата и предварительного расследования в России 1860–1864 гг. (Механизм разработки и реализации законодательства): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1994.

40. *Строгович М.С.* О дознании и предварительном следствии и о «едином следственном аппарате» // Социалистическая законность. 1957. № 5.

41. *Цветков Ю.А.* Исторические этапы развития органов предварительного след-

ствия в России // История государства и права. 2015. № 3.

42. *Цветков Ю.А.* Процессуальная самостоятельность следователя в современной парадигме досудебного производства // Российский следователь. М.: Юрист. 2014. № 14.

43. *Шуаипов А.А.* Следственный комитет Российской Федерации: история становления и современный правовой статус // Молодой ученый. 2014. № 4.

Сведения об авторе

Сорочкин Александр Сергеевич, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, генерал-полковник юстиции, заместитель председателя Следственного комитета Российской Федерации – руководитель Главного военного следственного управления.

119034, Москва, пер. Хользунова, 14.

Тел.: (495) 693-64-75.

E-mail: gvsu.gov.ru

MILITARY INVESTIGATION BODIES ON THE DOORSTEP OF IMPORTANT CONVERSION

Aleksandr S. SOROCKIN

Abstract. The article discusses major innovations in the development of the military investigative bodies of the Investigative Committee of the Russian Federation, considers their new structure, active duty performance by the personnel of military investigative bodies as well as the system of their all-out support.

Keywords: military investigative bodies; transformation; transformation of status; active duty performance

Information about the author

Sorochkin Aleksandr Sergeevich, Cand. Sc. (Law), Honored Lawyer of the Russian Federation, Colonel General of Justice, Deputy Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation – Head of the Main Military Investigative Directorate. 14, Khol'zunova Lane, Moscow, 119034, Russian Federation.

Tel.: +7 (495) 693-64-75.

E-mail: gvsu.gov.ru

О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ И РАЗВИТИИ ТРАДИЦИЙ ВОЕННО-ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

В.И. МАРЧЕНКОВ,
доктор педагогических наук, профессор,
начальник Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации,
Москва
E-mail: vurf@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы влияния исторических традиций российского военно-юридического образования на формирование нового образовательного пространства в целом и организацию современной образовательной среды в Военном университете в частности.

Ключевые слова: военно-юридическое образование; традиции; Российская империя; Российская Федерация; Военный университет

Государственная стратегия развития российского образования, основанная на норме ч. 1 ст. 43 Конституции Российской Федерации [1], закрепляющей право граждан на образование, и п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [2], согласно которой образование есть «единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства», и направленная на повышение его качества и, соответственно, востребованности, а также конкурентоспособности страны в современном мире, обусловила необходимость не только присоединения Российской Федерации к Болонскому процессу, но и принятия нового поколения Федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования. Данные Стандарты направлены на внедрение в учебный процесс нового элемента образовательной парадигмы — компетентностного, что подразумевает «переход от классического к новому типу образования, требующий разработки и реализации новых ценностей, целей, содержания, форм, методов, средств и результатов обучения и контроля, изменения деятельности преподавателей и

студентов, самого уклада жизни образовательных учреждений» [4, с. 3].

Однако компетентностный подход не является единственным нововведением в российском образовании: в части создания новых элементов образовательной парадигмы можно назвать и кластерную форму организации образования, и социально ориентированный и личностно ориентированный подходы, и многие другие новации.

Не обошли эти перемены и Военный университет Министерства обороны Российской Федерации: с 2012 г. образовательный процесс здесь строится на основе образовательных стандартов третьего поколения, внедряются прогрессивные технические средства обучения и оснащения учебного процесса, с 2016 г. начался процесс создания электронных учебников по преподаваемым дисциплинам и электронной библиотеки для курсантов и слушателей и др.

Но технологизация обучения, рассматриваемая как метод формирования профессионально востребованных компетенций и внедрение технических средств обучения, в отрыве от понимания особенностей военной службы, требований, предъявляемых к офицеру Российской армии, в том числе — офицеру-юристу, общественно-исторического формата создания, становления и развития военного образования, не может обеспечить формирование специалиста, готового к осуществлению многогранной профессиональной деятельности военного юриста, сопряженной с оценкой фактов, действий, событий, сложных ситуаций, которые не всегда прогнозируемы и могут носить непредсказуемый характер и в которых от офицера требуется принятие самостоятельных оперативных решений и совершение эффективных действий, основанных на четком осознании своего предназначения

и места в военной организации государства [7, с. 45].

С другой стороны, военный юрист должен глубоко осознавать социальную значимость своей профессии, свою интегрированность в социально-экономические и политические процессы в обществе [8, с. 53]. И здесь весьма важным оказывается построение нацеленной на формирование специалиста будущего образовательной парадигмы, основанной на прочном фундаменте традиций военно-юридической школы России.

Другим элементом современной образовательной парадигмы выступает пришедший на смену деятельностно-центрированному подходу личностно-центрированный подход к подготовке юридических кадров, направленный на гуманизацию образования, замену авторитарной парадигмы на личностно ориентированную [6]. Это обусловлено тем, что в современном мире основной функцией высшего образования является не только передача знаний и выработка умений, но и воспитание профессионально значимых личностных качеств будущих специалистов, необходимых для осуществления профессиональной деятельности, что особенно важно в работе военного юриста, который часто осуществляет свои профессиональные функции в экзистенциально критических условиях, когда фактическая реализация конституционного права граждан на квалифицированную юридическую помощь существенно ограничена.

Эффективная организация образовательного процесса с целью формирования нравственных ценностей курсантов является одной из важнейших задач высшей военной школы: она должна ориентировать их на принятие ответственных профессиональных решений, выбор гуманистической стратегии поведения даже в условиях вооруженного конфликта, на следование общеустановленным принципам международного гуманитарного права. Особенно это касается курсантов, обучающихся по юридической профессии, так как объектом их профессиональной деятельности является конкретный человек, имеющий право на уважение к своему человеческому достоинству, справедливое и гуманное отношение, даже если он является представителем противоположной стороны конфликта. Как метко говорит Д. Вилькеев, отношение к знаниям, к их накоплению и применению должно стать системообразу-

ющим фактором отношения к жизни [3, с. 70].

Начало осознания роли и места военного юриста в вооруженных силах государства одновременно созданию Петром I в первой четверти XVIII в. регулярной армии и флота и учреждению в связи с этим специального военного суда (фергер-кригсрехта), целью которого было возможно полное установление мер по поддержанию в них должного воинского порядка и организованности.

В это время закладываются и традиции подготовки военных правоведов. Процесс становления и развития этих образовательных традиций представляет большой интерес с точки зрения исторических аспектов военно-правовой науки и заслуживает подробного рассмотрения.

В 1711 г. впервые в русской армии Указом Петра I были учреждены имеющие юридическое значение должности аудиторов. К аудиторам предъявлялись повышенные требования: от них ожидалось не только «доброе искусство в правах», но и умение «разуметь правду» и быть «осторожному и благой вести человеку»; они должны были быть сведущими в общем и в военном праве, поскольку будучи советниками строевых офицеров, составлявших ядро военного суда, по вопросам права, аудиторы в суде должны были «генералитету и прочим офицерам в сомнительных случаях изъяснить, что все народные права и военные артикулы о том гласят...». Таким образом, согласно Воинскому уставу аудитор одновременно выступал и руководителем военно-уголовного процесса, и следователем, и прокурором в одном лице, а в гражданском споре он исполнял также обязанности третейского судьи. Кроме того, по своим моральным качествам аудитор должен был выступать выразителем армейской совести [5, с. 8].

Исполнение этих обязанностей предполагало наличие у аудитора хороших знаний всех воинских артикулов, регламентов, уставов, умения грамотно их толковать и применять, что могло быть достижимо только при наличии специальных юридических знаний. Однако органа, в чьем ведении находились бы вопросы подготовки и аттестации соответствующих кадров, создано не было, и должность эта замещалась, как правило, людьми, не имевшими юридического образования, что не могло не сказаться на качестве выполнения ими своих должностных обязанностей и, как

следствие, не вызвать к ним негативного отношения среди воинских чинов.

В постпетровские годы подготовка военных правоведов осуществлялась канцелярским способом; источником пополнения рядов аудиторов были гарнизонные школы для солдатских детей, где в числе учебных дисциплин был Артикул воинский.

В 1732 г. императрицей Анной Иоанновной были учреждены шляхетский корпус с кафедрой для преподавания юридических наук «учеными-профессорами» и кадетский корпус, в котором было определено преподавать юриспруденцию тем из кадет, которые были не способны к строевой службе или считали себя более склонными к службе статской.

Развивать классы юриспруденции полагали и императрицы Елизавета II и Екатерина II.

В 1797 г. император Павел I учредил Генерал-аудиториат как «Суд высший Военный по гражданским и уголовным делам для всей армии» под председательством генерал-аудитора, на которого и было возложено снабжение войск аудиторами, коих стали готовить из воспитанников военно-сиротских школ, готовивших солдат. Воспитанники обучались шесть лет, «практически занимаясь делами» под надзором начальников и аудиторов, и должны были приобрести знание законов и узнать порядок судопроизводства военно-судебных дел. По выпуску аудиторам присваивался офицерский чин.

Эти меры хотя и являлись определенным шагом в развитии военно-юридического образования, фактически же были направлены на подготовку лиц, замещающих канцелярские должности, так как дать надлежащего юридического образования существовавшая не тот момент система обучения не могла. Также сословное устройство общества и, следовательно, армии того времени ставили аудиторов из кантонистов и писарей в сложное положение: даже хорошее знание законов не могло уравнивать их с офицерами из дворян, что тормозило продвижение военных юристов по служебной лестнице.

В 1827 г. при Санкт-Петербургском батальоне военных кантонистов был устроен Военно-учительский институт в целях подготовки учителей для военно-учебных заведений военного ведомства. Срок обучения составлял 4 года; из 16 дисциплин, изучаемых в институте, только одна — военно-уголовное право — была юридической. Более того, институт был обязан

«учеников, менее способных в учителя, готовить в аудитора», т. е. в аудитора отсылались худшие ученики.

С течением времени все же пришло понимание, что для образования военного специалиста в правовой сфере недостаточно одного навыка в делах без предварительно приобретенных общих научных знаний и специального изучения своего предмета, и уже император Николай I учредил учебное заведение, воспитанники которого предназначались исключительно для исполнения этой важной функции. На базе прекратившего свою образовательную деятельность Военно-учительского института в 1832 г. была открыта при Военном министерстве Аудиторская школа, предназначенная для снабжения Сухопутного и Морского ведомств аудиторами, специально подготовленными для исполнения обязанностей, соответствующих этому званию. Специализация обучаемых в ней была утилитарно-практической: из 13 изучавшихся предметов к юридическим дисциплинам относились только основания гражданского и уголовного права, история российского законодательства, российские законы, порядок дел следственных и порядок судопроизводства; остальные предметы — закон Божий, российское чистописание, российская словесность во всех основаниях, кроме поэзии, география, российская и всеобщая история, арифметика, алгебра и геометрия — давали будущим аудиторами начальные знания в области гуманитарных, естественных и точных наук. Такой подход к формированию учебного плана приводил к тому, что аудитор вынужден был предметно доучиваться на практике в канцелярии, хотя специальные юридические науки в Аудиторской школе преподавались профессорами Санкт-Петербургского университета.

В период назревания судебной реформы, в середине 40-х гг. XIX в., в государстве и армии возросла потребность в законооведах как для осуществления военного правосудия, так и для разработки военного законодательства, в связи с чем Аудиторская школа была реорганизована в Аудиторское училище и в учебном плане увеличивалось количество специальных юридических наук: были введены российское государственное гражданское законоведение, военные законы (аналог современной военной администрации), военно-уголовное законоведение и военное судопроизвод-

ство с практическими занятиями по делу-производству и др.

В 1863 г. Аудиторское училище получило еще более усовершенствованный учебный план, частично приближающий это учебное заведение к Императорскому училищу правоведения, но с тем отличием, что в Аудиторском училище преобладало изучение уголовного права.

В Аудиторском училище того периода изучались: энциклопедия законоведения, история российского законодательства, государственное право, российское гражданское право, гражданское судопроизводство, уголовное право, уголовное судопроизводство, военные законы (военная администрация), судебная медицина и др.

Существенное обновление военного законодательства, дальнейшая реформа военно-судебного устройства требовали хорошо подготовленных судей, прокуроров, защитников и при этом преимущественно из военнослужащих. Собственно, именно в результате судебной реформы аудиторская должность и изжила себя, так как в войсках были созданы постоянные коллегиальные суды, наблюдение за соблюдением законов вменялось в обязанность военному прокурору, а военные судьи, согласно требованиям военно-судебного устава, должны были иметь высшее юридическое образование. Все это и обусловило дальнейшее развитие военно-юридической школы в России.

В 1866 г. приказом по Военному ведомству объявлялось открытие при Аудиторском училище Военного министерства офицерских классов «для приготовления штаб- и обер-офицеров к занятию должностей по военно-судебному ведомству с преобразованием военно-судной части», в которые принимались офицеры всех родов войск, прослужившие не менее четырех лет. Слушатели изучали историю русского права, государственные законы России, гражданское право и судопроизводство, уголовное право и судопроизводство с практическими занятиями, полицейские законы, военную администрацию, военно-уголовный устав, военно-уголовные законы иностранных государств и др. Лекции слушателям-офицерам и воспитанникам читали известные юристы.

Однако в связи с продолжающимися реформами военного судопроизводства потребность в реформировании военно-юридического образования не исчезла, и в 1867 г. Аудиторское училище было

преобразовано в Военно-юридическое училище, а офицерские классы — в Военно-юридическую академию с предоставлением лучшим выпускникам одинаковых прав со студентами юридического факультета университета. В учебный план Военно-юридического училища были введены новые учебные дисциплины: военно-уголовное законодательство важнейших иностранных государств, государственное право, римское право, полицейское право, финансовое право, церковное и каноническое право, политэкономия, статистика и др.

В 1878 г. Военно-юридическое училище было упразднено, а Военно-юридическая академия была объединена с Военно-юридическим училищем и преобразована на новых началах.

Император Александр II утвердил Временное положение о Военно-юридической академии.

В этот же период профессорско-преподавательский состав академии, обеспеченный положением дел с правовыми науками, на конференции академии (орган, аналогичный нынешнему ученому совету) сформулировал следующий подход к преподаванию: Военно-юридическая академия призвана быть упреждением не только учебным, но и ученым и вместе со всеми другими высшими юридическими заведениями государства должна способствовать распространению юридических познаний, научной обработке права, созданию условий, необходимых для разработки наук военно-юридических [5, с. 19].

17 июня 1891 г. в приказе № 179 военным министром было объявлено об утверждении императором Александром III постоянного Положения об академии.

В 1899 г. академия получила наименование Александровской в честь погибшего императора Александра II.

В Положении об академии говорилось, что Военно-юридическая академия имеет целью доставлять высшее военно-юридическое образование офицерам, поступающим на службу по военно-судебному ведомству.

Статус выпускников Военно-юридической академии был высоким: они приравнивались к выпускникам, окончившим курс Академии Генерального штаба.

Академия комплектовалась сильным профессорско-преподавательским составом: профессиональный отбор был очень строгим. На главные предметы на кафедру

уголовного права и уголовного судопроизводства могли быть приглашены только те, кто имеет ученую степень не ниже магистра того же предмета, или же профессора, преподававшие в другом высшем учебном заведении, либо лица, известные своими научными трудами. Кандидат в профессора должен был представить и защитить на конференции академии диссертацию по определенной и утвержденной для него теме.

Преподаваемые в Военно-юридической академии предметы были разделены на главные и вспомогательные. К главным предметам относились: государственные законы России, уголовное право, уголовное судопроизводство и судопроизводство, военно-уголовные законы России и обозрение военно-уголовного законодательства иностранных государств, военно-уголовное судопроизводство и судопроизводство, военно-административные законы; к вспомогательным дисциплинам были отнесены: гражданское право и судопроизводство, энциклопедия законоведения, история русского права, церковное право, полицейские законы, финансовое право, международное право, судебная медицина (в рамках которой изучались вопросы криминалистики), психология, логика и иностранные языки. К сожалению, из учебного плана была исключена базовая дисциплина «Теория права», что, несомненно, вело к недопустимому упрощению логики прохождения и изучения остальных дисциплин.

Академия обладала очень солидной библиотекой: на 150 учащихся в 1899 г. насчитывалось 2110 наименований книг юридического содержания на русском языке, в том числе 319 по военному праву; на иностранных языках библиотека имела 1592 издания, из них юридического содержания — 1219. Кроме того, академия имела право беспрошленно и без досмотра цензурой выписывать книги из-за рубежа.

Следует отметить, что ученые Военно-юридической академии проделали огромную научную работу, хотя к моменту ее образования военно-правовых наук в собственном смысле слова не существовало нигде в мире: в деле подготовки военных юристов Россия оказалась впереди других европейских государств. Как справедливо отмечает профессор С.В. Маликов, «Россия к началу XX в. могла служить для других стран примером разцово-постановки дела юридического

образования и развития военно-правовой науки» [5, с. 22].

Однако в некоторый период все эти достижения оказались невостребованными. После революции 1917 г. был принят Декрет о создании Красной армии, при Народном комиссариате по военным делам в феврале 1918 г. было образовано Главное управление военно-учебных заведений. Военно-юридическая академия была упразднена.

Вплоть до 1936 г. в системе высшего юридического образования не было специальной подготовки военных юристов, а органы военной юстиции комплектовались выпускниками гражданских юридических учебных заведений.

Качественные изменения вооруженных сил, вызванное растущей внешней угрозой увеличение их численности, повышение требований к укреплению воинской дисциплины привели к необходимости создания высшего военно-юридического учебного заведения, и в 1936 г. при Всесоюзной правовой академии был открыт военно-юридический факультет, целями которого являлись подготовка юридических и научных работников РККА, а также разработка теоретических и практических военно-правовых вопросов.

5 ноября 1939 г. для подготовки высококвалифицированного военно-юридического состава создается Военно-юридическая академия, в которую передавались библиотечные фонды бывшей Александровской военно-юридической академии и часть фондов советских вузов.

За годы своего существования академия внесла неоценимый вклад в развитие военно-юридического образования и военно-правовой мысли. Многие ее выпускники стали руководителями работниками в системе военной юстиции и органов военного управления.

С 1956 г. подготовка офицеров-юристов осуществлялась на военно-юридическом факультете Военно-политической академии им. В.И. Ленина.

В 1974 г. военно-юридический факультет был исключен из штата академии и введен в состав Военного института Министерства обороны СССР.

За успехи в подготовке высококвалифицированных офицерских кадров институт в 1980 г. удостоился ордена Красного Знамени. В этом была и немалая заслуга руководства и профессорско-преподава-

тельского состава военно-юридического факультета, достойно продолжавших традиции своих предшественников.

Новый этап развития военно-юридического образования связан с деятельностью Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, созданного в 1994 г. на базе двух военных вузов — Гуманитарной академии и Военной академии экономики, финансов и права. В настоящее время в его состав входят два факультета, осуществляющих подготовку военно-юридических кадров: юридический и подготовки руководящего состава органов по работе с личным составом и прокурорско-следственный.

В формировании системы методов, способов и форм военно-юридического обучения Военный университет твердо стоит на фундаменте, созданном предшественниками, используя их лучшие научные и учебные достижения, и уверенно смотрит в будущее, внедряя инновационные формы обучения.

Военный университет является одним из основных, ведущих, продуктивных и наиболее востребованных элементов образовательного кластера как способа организации военно-образовательного процесса. Военно-образовательный кластер как открытая образовательная система, которая в результате сквозной вертикальной интеграции ступеней непрерывного образования и горизонтальной координации равновесных структур обеспечивает высокий уровень результатов деятельности всех участников процесса, позволяет оптимизировать само военное образование и его соответствие потребностям общества в условиях высокого уровня угроз национальным интересам России в мире.

Кластерная система дает возможность поддерживать в том числе и преемственность поколений офицеров Российской армии: так, на факультете юридическом и подготовки руководящего состава органов по работе с личным составом обучаются более 90 процентов курсантов — выходцев из семей военнослужащих, 2 выпускников суворовских и 7 выпускников кадетских училищ. Такой кластерный принцип построения образовательного пространства обеспечивает не только повышение мотивации у абитуриентов, но и их лучшую обучаемость в дальнейшем, поскольку «армейский дух», традиции, навык к соблюдению порядка, терпение в преодолении трудностей впи-

тываются ими с детских лет, становятся образом жизни.

Другим примером образовательного, но уже горизонтального, кластера, в который включен Военный университет, выступает Учебно-методическое объединение высших учебных заведений военного профиля, где осуществляются межвузовский обмен накопленным опытом, инновационными разработками, координация деятельности военно-учебных заведений по вопросам программ военно-юридического обучения, анализ проблем и перспектив развития военного образования в современной России.

Кроме того, курсанты вовлекаются в профессиональную деятельность посредством прохождения всех видов практик, в том числе войсковой (юрисконсультской), что обеспечивает не только развитие приобретенных на занятиях теоретических знаний, но и возможность перспективного вовлечения курсантов в правоприменительную деятельность. Курсанты осуществляют также военно-научную деятельность, проводя исследования по вопросам правового обеспечения военного строительства российского государства и принимая участие в научных и исследовательских мероприятиях других вузов и организаций, что позволяет расширить образовательное пространство, увидеть взаимосвязь военного права с повседневной жизнью общества.

Активно работает Военный университет и в сфере переподготовки и повышения квалификации военно-юридических кадров, что особенно важно в условиях динамично развивающейся правовой системы, появления новых объектов правовой защиты.

Такая активная учебная и внеучебная деятельность курсантов и слушателей позволяет Военному университету обеспечить высокий уровень сотрудничества с другими субъектами образовательного пространства, высокое качество, непрерывность, преемственность, доступность, конкурентоспособность военно-юридического образования, возможность непрерывного «погружения» курсантов в сферу их будущей профессиональной деятельности, способствует изучению и накоплению передового опыта, оперативной апробации достижений науки, совершенствованию организации и содержания профессиональной подготовки. Все это свидетельствует не только об академическом интересе, но и прак-

тически ориентированном направлении обучения военных юристов, о реализации задачи теоретико-практической трансформации знаний, наработок, технологий, которыми обладает Военный университет.

Таким образом, новые стратегические ориентиры в развитии социально-экономических процессов в обществе, высокие темпы его информатизации, интеграционные процессы между образованием и наукой, экономикой и образованием, усиление внешних угроз национальной безопасности России обуславливают повышение уровня предъявляемых государством и обществом требований к образованию как важнейшему фактору устойчивого развития общества, конкурентоспособности и национальной безопасности государства.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (в ред. от 21.07.2014 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Об образовании в Российской Федерации: Федер. закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.
3. Вилькеев Д. Формировать отношение к жизни через отношение к знаниям // Высшее образование в России. 2004. № 9. С. 70.
4. Ильязова М.Д. Формирование инвариантов профессиональной компетентности студента: ситуационно-контекстный подход: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2011.
5. Маликов С.В. Военно-юридическое образование в Российской империи (1717–1917) // Российский военно-правовой сб. № 10: 175 лет военно-юридическому образованию в России. Серия «Право в Вооруженных Силах — консультант». М.: За права военнослужащих, 2007. Вып. 83. С. 8–24.
6. Смирнов С.Д. Педагогика и психология высшего образования: от деятельности к личности. М.: Академия, 2003. 304 с.
7. Харитонов С.С. Совершенствование приобретения курсантами практических навыков профессиональной деятельности в рамках получения военно-юридического образования в современный период // Российский военно-правовой сб. № 10: 175 лет военно-юридическому образованию в России. Серия «Право в Вооруженных Силах — консультант». М.: За права военнослужащих, 2007. Вып. 83. С. 45–47.
8. Ягофаров Д.А. Юридическое образование как социальный институт // Юридическое образование в России: в поисках новой модели: сб. ст. Саратов–Екатеринбург: Центр содействия правовой реформе; УрАГС, 2005. С. 53–59.

Сведения об авторе

Марченков Валерий Иванович, доктор педагогических наук, профессор, начальник Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, Москва.
123001, Москва, ул. Большая Садовая, д. 14.
E-mail: vurf@mail.ru

ON THE SUCCESSION AND DEVELOPMENT OF TRADITIONS IN RUSSIAN MILITARY LAW EDUCATION

Valerii I. MARCHENKOV

Abstract. The article deals with the influence of historical traditions of the Russian military-legal education on both the formation of a new educational space in general and the organization of the modern educational environment in the Military University in particular.

Keywords: military legal education; traditions; Russian Empire; Russian Federation; Military University

Information about the author

Marchenkov Valerii Ivanovich, Dr. Sc. (Pedagogics), Professor, Chief of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation, Moscow.
14, Bol'shaja Sadovaja str., Moscow, Russian Federation, 123001.
E-mail: vurf@mail.ru

К ВОПРОСУ О КОНЦЕПЦИИ ВОЕННО-ПОЛЕВОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ

С.В. МАЛИКОВ,

доктор юридических наук, профессор

E-mail: a_vua@rambler.ru

*Военный университет Министерства обороны
Российской Федерации, Москва*

Аннотация. В авторскую концепцию военно-полевой криминалистики входят теоретические положения о правовом обеспечении и методике расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, об организации в данных районах следственной работы военных следственных органов.

Ключевые слова: военно-полевая криминалистика; район вооруженного конфликта; расследование преступлений; условия боевой обстановки

Реалии современной правоохранительной деятельности в Российской Федерации, к сожалению, демонстрируют не востребованность многих составляющих того положительного опыта, который накоплен предшествующими поколениями профессиональных юристов. Это напрямую относится и к опыту расследования преступлений в районах вооруженного конфликта. Неоднократно апробированный на практике, данный опыт нашел свое отражение в концепции военно-полевой криминалистики.

В содержание любой концепции, в том числе и концепции военно-полевой криминалистики, входят идеи и теоретические положения об объекте исследования, системе концепции, содержании ее отдельных элементов, месте в системе научного знания, значении для теории и практики следственной работы, задачах дальнейшего научного исследования [9, с. 22–34; 142–155].

Объектом концепции военно-полевой криминалистики в самом общем виде являются закономерности расследования преступлений. В юридической литературе различаются общие закономерности расследования преступлений, закономерности расследования групп криминалистически сходных видов преступлений и отдельных видов преступлений [5, с. 51]. В данном случае речь идет о закономерностях расследования групп криминалистически сходных видов преступлений – тех, которые совершаются в районах

вооруженного конфликта. Причем объектом концепции военно-полевой криминалистики являются лишь специфические закономерности, вызванные чрезвычайными условиями расследования в районах вооруженного конфликта. Аналогично в криминалистике выделяются, например, закономерности расследования преступлений по «горячим следам» [14, с. 37–41]; преступлений организованных преступных сообществ [11]; преступлений, совершаемых иностранцами [7] и т.п. При этом, в зависимости от конкретной стороны деятельности, различают специфические закономерности правового обеспечения, организации и методики расследования преступлений в районах вооруженного конфликта. Таким образом, объектом концепции военно-полевой криминалистики являются вызванные чрезвычайными условиями боевой обстановки специфические закономерности правового обеспечения, организации и методики расследования преступлений в районах вооруженного конфликта, причиной особенностей которых послужили именно эти условия.

Объект концепции в определенной степени определяет и ее систему. Основное содержание системы расследования преступлений составляют научно обоснованные и апробированные на практике криминалистические положения и рекомендации, касающиеся организации расследования, выбора и применения технико-криминалистических средств и криминалистических приемов с учетом специфических условий деятельности [2, с.170]. В таком понимании она подходит под определение частной криминалистической методики и составляет ее основу [17, с.182–223].

Однако содержание концепции военно-полевой криминалистики значительно шире, и криминалистическая методика является лишь одной из ее составляющих частей. Кроме методики, в ее содержание входят занимающие самостоятельное место научные положения о правовом обеспечении и организации расследования преступлений, совершаемых военнотру-

жащими в районах вооруженного конфликта.

В юридической литературе право, наряду с наукой и следственной практикой, рассматривается не только как источник, но и как определяющий фактор методических рекомендаций криминалистики [3, т. 3, с. 342]. Связь выражается в том, что криминалистика использует разрабатываемые в уголовном праве характеристики отражаемого объекта, пользуясь ими как данными. Так, нормы особенной части уголовного права, помимо своей классификационной роли, наполняют необходимым содержанием общую формулу предмета доказывания и определяют цели процесса расследования. Нормы уголовно-процессуального права, как в системе, так и в отдельности, в буквальном смысле слова определяют криминалистические методические рекомендации и являются их источником.

В концепции военно-полевой криминалистики право, наряду с методикой, является самостоятельным элементом. Это отнюдь не означает попытку лишить самостоятельности криминалистическую науку, включая в ее содержание право или приписывая ей аннексию правовых норм. Здесь налицо обычный процесс взаимопроникновения научных знаний в целях их обогащения и развития. В концепции военно-полевой криминалистики это обусловлено тем, что расследование преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, наряду с обычным законодательным регулированием нуждается в особом, адекватном чрезвычайным условиям боевой обстановки, правовом обеспечении.

Что касается связи организации и методики расследования преступлений, то вопросы организации расследования преступлений на уровне криминалистической методики как раздела науки должны составлять органическую часть всех ее составных элементов, но не выделяться из них в самостоятельный раздел или теорию [3, т. 2, с. 455]. При этом в организацию расследования включаются выполняемые в рамках отдельного уголовного дела традиционные мероприятия, направленные на создание оптимальных условий для определения и применения наиболее эффективных в конкретной следственной ситуации рекомендаций криминалистической методики в целях достижения максимальных результатов при минимальных затратах времени, сил и средств.

Однако при расследовании преступле-

ний, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, приходится предпринимать и иного рода организационные меры, выходящие уже за рамки отдельных уголовных дел. Как показал опыт работы органов военной прокуратуры в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994–1996) и проведения контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе (1999–2009) – это формирование самих военных следственных органов, их материально-техническое снабжение, организация взаимодействия с более широким кругом правоохранительных органов, имеющих различные задачи и подчиненность и т.д. Данные организационные меры, выходящие за рамки расследования отдельного уголовного дела, по своей сущности, не укладываются в криминалистическую методику. Следовательно, одна часть научных положений об организации расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, а именно организация расследования конкретных преступлений, входит в содержание криминалистической методики, а другая часть, касающаяся вопросов организации следственной работы, составляет самостоятельный, «управленческий» элемент концепции военно-полевой криминалистики, существующий наряду с правовым обеспечением и методикой. Другими словами, в концепции военно-полевой криминалистики выделяется уголовно-процессуальный, управленческий и криминалистический аспекты.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, в содержание концепции военно-полевой криминалистики входят теоретические положения:

1) о правовом обеспечении расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта;

2) об организации следственной работы военных следственных органов в районах вооруженного конфликта;

3) о методике расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта.

При этом правовое обеспечение, как элемент концепции военно-полевой криминалистики, предполагает, прежде всего, адекватное разрешение на основе ретроспективного анализа следственной практики военных следственных органов уголовно-процессуальных проблем, возникающих при применении в районах вооруженного конфликта обычного порядка

расследования. Однако его нельзя отождествлять с установлением особых форм следственной деятельности. Речь может идти о некоторых изменениях и дополнениях отдельных элементов существующего уголовно-процессуального порядка расследования, не затрагивающих его основ, но, однако, учитывающих чрезвычайные условия деятельности в районах вооруженного конфликта.

Правовое обеспечение, наряду с особенностями уголовно-процессуального порядка, включает в себя и исключительный (особый) правовой режим (контртеррористической операции, военного и чрезвычайного положения), который вводится в районах вооруженного конфликта и способствует проведению надлежащего расследования преступлений. Кроме того, существует потребность и в специальных нормативных предпосылках расследования преступлений в районах вооруженного конфликта, которые содержали бы правовой механизм, обеспечивающий проведение надлежащего расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта.

Как следует из вышесказанного, правовое обеспечение складывается из адекватного регулирования отношений, возникающих в районах вооруженного конфликта в связи с расследованием преступлений, нормами различных отраслей права. Поэтому было бы неточным говорить о правовом регулировании расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта. Во-первых, единого такого регулирования просто не существует. Во-вторых, правовые нормы касаются не столько самого расследования, сколько преимущественно иных возникающих в связи с ним отношений. Следовательно, применительно к расследованию преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, представляется более точным говорить о его правовом обеспечении.

Организация расследования преступлений, как отрасль науки управления в сфере правопорядка, включает в себя вопросы управленческого характера, касающиеся системы расследования преступлений, его ресурсного, информационного обеспечения, организации расследования отдельных видов преступлений в особых ситуациях [13, с. 65]. Однако в условиях боевой обстановки в районах вооруженного конфликта все эти вопросы организации следственной работы военных следственных органов обладают определенной спецификой, более того, среди этих вопросов

можно выделить ряд концептуальных, без решения которых нельзя провести расследование. Они касаются формирования и обеспечения работы военных следственных органов и характеризуют:

- специальное следственное подразделение оперативного реагирования Главного военного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации – как основу системы организации расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта;

- порядок создания следственной группы, материально-технического и тылового обеспечения ее деятельности;

- организацию взаимодействия с другими правоохранительными органами;

- использование специальных знаний в полевых условиях;

- др.

Совокупность теоретических положений по этим вопросам представляет собой управленческий элемент концепции военно-полевой криминалистики. Все же то, что касается деятельности следователя по конкретному уголовному делу, включая и организационные вопросы методического уровня, относится к предмету криминалистической методики.

Методика, как составной элемент концепции военно-полевой криминалистики, должна состоять из двух компонентов:

- во-первых, из обычной методики расследования отдельных видов преступлений (например, нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, убийств, уклонений от военной службы, грабежей и т.д.);

- во-вторых, из нетрадиционной методики большой степени общности, в основе которой лежит специфика ситуации, выражающаяся в том, что расследование проводится в районах вооруженного конфликта групповым (бригадным) методом по «горячим следам» в особых условиях производства следственных действий, связанных с ведением боевых действий.

Данная методика относится к числу новых методик, которые Р.С. Белкин охарактеризовал как комплекс частнометодических криминалистических рекомендаций большой степени общности, охватывающих несколько видов и даже родов преступных посягательств, но совершаемых не вообще, а в специальных условиях места, времени, либо лицами, характеризующимися тем или иным общим для них отличительным признаком. В качестве примера подобного рода методик он называл методики расследования преступлений, со-

вершенных рецидивистами, женщинами, невменяемыми, осужденными в ИТУ, иностранцами, в экстремальных климатических, природных, территориальных, производственных условиях и т.п. [3, т. 3, с. 340]. В данном случае речь идет о комплексе частнометодических криминалистических рекомендаций по осуществлению расследования в условиях боевой обстановки, сложившихся в районах вооруженного конфликта, – о методике расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта.

Приоритет в постановке данного вопроса принадлежит И.М. Лузгину, который, говоря о перспективах развития методики расследования, высказал суждение о целесообразности выделения в этом разделе криминалистики направления, посвященного выявлению общих закономерностей в расследовании нескольких видов преступлений и разработке на этой основе ситуационных моделей расследования [10]. В.А. Образцов обоснованно определяет такого рода методики как новое перспективное направление в криминалистике, источник конструктивного методического и общепредпосылочного научного знания, используемого при решении конкретных вопросов теории и практики расследования, научных исследований в области методики расследования, ее преподавания и изучения [12, с. 21].

Характеризуя подобные методики как комплексы частнометодических криминалистических рекомендаций более высокого уровня обобщения, Р.С. Белкин полагал, что такие комплексы отличаются от традиционных частных криминалистических методик и своей структурой, и своим содержанием. В сущности, они должны состоять из характеристики основания формирования комплекса (условий преступного посяательства, группы субъектов преступлений и т.п.) и раскрытия тех особенностей методики расследования, которые обусловлены данной характеристикой и в которых она проявляется [3, т. 3, с. 340].

Обладает спецификой и собственно методика расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта. Она отличается от традиционных методик как по своей структуре, так и по содержанию. Так, комплекс частнометодических криминалистических рекомендаций большей степени общности, охватывающих несколько видов и даже родов преступлений, должен содержать описание частных проявлений общих закономерностей из числа тех, которые изучает криминалистическая наука

в целом. В криминалистической методике частными проявлениями являются закономерности функционирования общего метода расследования преступлений как метода практической деятельности [16].

В структуру общего метода расследования входят три элемента:

1) криминалистический анализ исходной и дополнительной информации о преступлении;

2) адаптация в соответствии с ней конкретной частной криминалистической методики;

3) реализация адаптированной типовой программы [16, с. 89].

Первый элемент основывается на идее А.В. Дулова о криминалистическом анализе преступления как практической деятельности по его расследованию, осуществляемой на основе результатов изучения общих закономерностей криминалистически сходных видов преступлений [8, с. 3–9]. Второй элемент этого метода заключается в учете ситуационных особенностей расследования и соответствующей корректировке типовых методических рекомендаций, осуществляемых на всем протяжении расследования. Практический смысл и значение адаптации, приспособления частной криминалистической методики к особенностям и условиям конкретного акта расследования состоит в обеспечении максимального использования фактора внезапности, динамичности и непрерывности расследования, оптимального и строгого соответствия закону сочетания единоличного и коллективного труда всех участников доказывания, экономии их сил и средств, ситуационного характера применения тактических приемов и технических средств при расследовании [2, с. 250–260; 4, с. 282–283]. Все вышесказанное как нельзя лучше относится к структуре и содержанию методики, отражающей особенности расследования преступлений в районах вооруженного конфликта.

Так, в структуру нетрадиционной методики большей степени общности, в основе которой лежит специфика ситуации – проведение расследования в районах вооруженного конфликта, входят:

1) характеристика групп типичных следственных ситуаций, складывающихся при расследовании преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, в зависимости от вида боевых действий и условий конкретной боевой обстановки;

2) планирование расследования преступлений следственно-оперативными группами (звеньями) «по горячим следам»

в различных типичных следственных ситуациях, складывающихся при расследовании преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта;

3) особенности организации и тактики производства отдельных следственных и иных действий в районах вооруженного конфликта.

Специфика содержания методики расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, определяется преимущественно групповым (бригадным) методом расследования [6], расследованием по «горячим следам» и особыми условиями производства следственных действий в районах вооруженного конфликта, связанными с ведением боевых действий. Она касается как традиционных следственных действий (допрос, обыск, осмотр места происшествия и т.д.), так и новых для криминалистики приемов, получивших распространение на практике лишь в районах вооруженного конфликта (например, действия следователей при проведении специальных операций подразделениями и частями Внутренних войск МВД России).

Важное место в повседневной работе военных следственных органов в районах вооруженного конфликта занимает деятельность по криминалистическому обеспечению предупреждения преступлений военнослужащих. Именно быстрота предварительного расследования, расследование преступлений следственной группой по «горячим следам» должны обеспечивать высокое качество следствия, а сокращение времени между совершением преступления и вынесением приговора, в конечном итоге, способствует предупреждению преступлений военнослужащих в районах вооруженного конфликта [1].

В криминалистике в общую систему предупредительных мер по искоренению преступности включаются чисто криминалистические (технические и тактические) меры выявления и устранения обстоятельств, способствующих совершению отдельных видов преступлений, разработкой которых криминология не занимается. При этом задача криминалистического обеспечения предупреждения преступлений военнослужащих обязательно должна учитываться при планировании расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта.

Теоретической предпосылкой для научно-эмпирического обоснования криминалистических частнометодических реко-

мендаций большой степени общности, а следовательно, и методики расследования преступлений в районах вооруженного конфликта в целом, является ретроспективный криминалистический анализ криминалистически сходных видов преступлений и деятельности по расследованию преступлений как в научном, так и в прикладном аспектах. Теоретическая модель ретроспективного криминалистического анализа играет роль своего рода исследовательской программы, обеспечивающей постановку теоретических и практических задач по исследованию области противоправной деятельности и в области раскрытия, расследования и предупреждения преступлений [15, с. 49–50], в том числе и в районах вооруженного конфликта. Таким образом, она становится адаптированной к соответствующему эмпирическому материалу и криминалистическим частнометодическим рекомендациям большой степени общности.

Что касается содержания ретроспективного криминалистического анализа сходных видов преступлений, то С.Н. Чурилов определил его как путь познания их криминалистической характеристики, сущность которого заключается в выявлении корреляционных зависимостей между фактическими данными криминалистически сходных видов преступлений, выраженных количественными показателями и имеющих эвристическое значение при расследовании аналогичных преступлений [15, с. 147–148].

Суммируя изложенное выше, можно заключить, что объединенные одним объектом теоретические положения о правовом обеспечении, организации и методике расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, представляют собой целостную самостоятельную концепцию военно-полевой криминалистики. Эта концепция имеет как научное, так и практическое значение. Она позволяет объединить научные положения о деятельности военных следственных органов в районах вооруженного конфликта в единую систему, что, в свою очередь, позволяет выявлять неисследованные вопросы и системно разрешать возникающие проблемы. Для практики концепция военно-полевой криминалистики важна тем, что она вооружает следователей военных следственных органов научно обоснованными рекомендациями об организации следственной работы в районах вооруженного конфликта, а также методикой ее проведения.

Таким образом, концепцию военно-по-

левой криминалистики можно определить как имеющую важное научное и практическое значение комплексную частную криминалистическую теорию большой степени общности, объединяющую совокупность теоретических положений о специфических закономерностях, проявляющихся в сфере правового обеспечения, организации и методики расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта.

Список литературы

1. Баракшин А.А. Криминалистическое обеспечение предупреждения преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
2. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике. М.: Юрид. лит., 1988. 304 с.
3. Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3-х т. М.: Юристъ, 1997.
4. Белкин Р.С. Курс советской криминалистики. Т. 3. М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1979. 407 с.
5. Возгрин И.А. Криминалистическая методика расследования преступлений. Минск: Вышэйш. шк., 1983. 214 с.
6. Герасун А.А. Бригадный метод расследования в советском уголовном процессе: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1968; Тарасов А.А. Процессуальные и тактико-психологические проблемы расследования преступлений группой следователей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1990.
7. Дергай Б.И. Особенности расследования уголовных дел о преступлениях, совершенных иностранцами и в отношении иностранных граждан. Минск, 1979 и др.
8. Дулов А.В. К вопросу о криминалистическом анализе преступлений // Сб. реф. науч. сообщ. на теоретическом семинаре – криминалистических чтениях ВНИ-ИСЭ. М., 1977. Вып. 19.
9. Кохановский В.П. Философия и методология науки: учебник. М., Ростов н/Д.: Феникс, 1999. 576 с.
10. Лузгин И.М. Проблемы развития методики расследования отдельных видов преступлений // Методика расследования преступлений. М., 1976. С. 32–33; Лузгин И.М. Развитие методики расследования отдельных видов преступлений // Правоведение. 1977. № 2. С. 65.
11. Миньковский Г.М. Организованная преступность: проблемы теории и практики // В кн. Борьба с организованной пре-

ступностью: проблемы теории и практики. М., 1990 и др.

12. Образцов В.А. Проблемы совершенствования научных основ методики расследования преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1985.
13. Петелин Б.Я. Криминалистика и организация расследования преступлений // Предмет и система криминалистики в свете современных исследований: сб. науч. трудов. М., 1988.
14. Салтевский М.В. Раскрытие преступлений по «горячим следам» (понятие, содержание, структура) / В кн. Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1989. Вып. 38 и др.
15. Чурилов С.Н. Криминалистическая методика: История и современность. М.: Маркетинг, 2002. 370 с.
16. Чурилов С.Н. Криминалистическое учение об общем методе расследования преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995.
17. Чурилов С.Н. Проблемы общего метода расследования преступлений. М.: ВАЭФиП, 1993.

Сведения об авторе

Маликов Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор. Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, Москва. 111033, Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4. E-mail: a_vua@rambler.ru

ON THE CONCEPT OF BATTLEFIELD CRIMINOLOGY

Sergei V. MALIKOV

Abstract. The author's concept of the battlefield criminology includes theoretical principles on the legal support and investigation of crimes committed by the military in the areas of armed conflict, as well as the theoretical principles on the organization of military investigative procedures by the investigating authorities in these areas.

Keywords: battlefield criminology; armed conflict area; investigation of crimes; battlefield conditions

Information about the author

Malikov Sergei Vladimirovich, Dr. Sc. (Law), Professor. Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation, Moscow. 3/4, Volochaevskaya Str., Moscow, 111033, Russian Federation. E-mail: a_vua@rambler.ru

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ВОЕННОГО ПРАВА В ОБЕСПЕЧЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОГО МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

В. Н. СТАРЦУН,

*доктор юридических наук, профессор,
заведующий 27 кафедрой (гражданского права)*

E-mail: kaf-gp@mail.ru

*Военный университет Министерства обороны
Российской Федерации, Москва.*

Аннотация. В статье на основе анализа современных угроз международному правопорядку, миру и безопасности рассматриваются состояние и тенденции развития международно-правовых механизмов обеспечения национальной безопасности России, обосновывается базисная и объединяющая роль военного права Российской Федерации в процессе формирования новой военно-правовой доктрины, определяющей направленность современного военного законодательства и векторы институциональных изменений в области обороны и военной безопасности на современном этапе развития Российской государственности.

Ключевые слова: военное право; военно-правовая доктрина; современное военное законодательство; международный правопорядок; международно-правовые механизмы обеспечения национальной безопасности

Современный этап развития международных отношений в сфере обороны и безопасности характеризуется существенным снижением эффективности общепринятых норм международного права в целом и международного гуманитарного права в частности. Резко упала и действенность институциональных механизмов согласования базовых интересов самосохранения человечества, отдельных государств и народов – ООН [6], региональных союзов, межгосударственных образований.

В настоящее время фактически осуществлен возврат к таким правовым теориям, как «право сильного» и «право войны», которые признаются в качестве механизма регулирования межгосударственных отношений. Данное положение усугубляется тем, что ущерб, сопоставимый с ущербом от вооруженных конфликтов, наносят реализуемые в правоприменительной практике с целью смены власти в странах деструк-

тивные формы деятельности на основе:

- технологий «цветных революций», разработанных автором «теории ненасильственной политической борьбы» Джинном Шарпом [18];

- технологий политической дестабилизации, изложенных в работах Роберта Хелви, Самуэля Хантингтона, Майрона Вайнера, Брюса Дженкинса и др. [14];

- экономических и политических санкций в межгосударственных отношениях [17];

- перенесения противоборства в виртуальную среду – Интернет-пространство [3].

На смысловом уровне данный феномен обозначается понятием «гибридные войны» [4], которое все активнее переходит в лексикон политиков, военных, а также близко к включению в категориальный аппарат правовой науки.

Отечественные ученые создали определенный базис для изучения вышеперечисленных и иных правовых конструкций в сфере безопасности [19], что позволяет выявить существенные характеристики, современное состояние и тенденции развития системы ее обеспечения.

Глобальные изменения военно-политических, социально-экономических и нормативно-ценностных основ организации жизни объективно влекут за собой потребность в научном осмыслении процессов развития, новых феноменов правового регулирования. Научные наработки в этой области способны помочь субъектам властных отношений и лидерам культурного процесса, организаторам бизнеса оптимизировать усилия для целерационального преобразования мира.

Однако решению указанных задач на

современном этапе развития гуманитарного знания препятствует кризис доктринальных построений мироустройства. Это проявляется в явно обозначившихся проблемах:

- реализации идей толерантности и мультикультурализма [10];

- современного понимания прав человека в контексте одновременного обеспечения социальной гармонии и поддержания функциональности государственного механизма;

- организации учета личных и групповых интересов [7];

- др.

Общие проблемы научного знания были усугублены для отечественной науки отказом от существенных методологических, методических и практических разработок в контексте перехода в последнее десятилетие XX в. на рыночную модель отношений, принятия новой гуманитарной парадигмы, которой руководствовались страны англо-саксонской правовой традиции. Сильнейшим социально-психологическим фактором стало сопровождение данного процесса концепцией страны, проигравшей «холодную» войну. В свою очередь, подобные факторы подпитывались не только снижением национального научного потенциала, но и существенными потерями в территории, военно-промышленном потенциале, резким снижением геополитического присутствия в глобальном пространстве в зоне российских интересов.

Российская Федерация как суверенное государство существенным образом проявляла заинтересованность в решении военных проблем и проблем предотвращения террористических угроз, в том числе и вблизи своих границ.

Практика правового обоснования применения военной силы, иных насильственных форм воздействия на национальные государства вызывала активные возражения со стороны руководства российского государства, но, несмотря на это, становилась юридическим фактом реальности, существенно снижая уровень эффективности международного воздействия на конфликты.

Не были в достаточной степени учтены современными субъектами международного права предложения России по уре-

гулированию комплекса гуманитарных, национально-исторических и военно-политических проблем, возникших:

- во время грузинско-югоосетинского конфликта 2008 г.;

- при организации так называемой «арабской» весны;

- при искажении правового смысла резолюции ООН относительно предотвращения действий авиации в Ливии;

- при поддержке террористов в Сирии;

- при поддержке де-факто неизбирательного применения нынешними киевскими властями военной силы против части населения в юго-восточных регионах Украины.

Эти и другие события, включающие в себя риск возникновения локальных войн, потребовали активных действий высшего государственного руководства страны в режиме «здесь и сейчас», что показало свою релевантность для решения задач предотвращения военных угроз и гуманитарных кризисов в рамках действующего международного права, поддержания авторитета международного института ООН, ОБСЕ и др.

Активную позицию занимает Российская Федерация и при построении системы региональной безопасности с использованием возможностей ЕвроАзЭС, ШОС, ОДКБ, СНГ.

Для создания релевантной современным внешнеполитическим вызовам России нормативной правовой базы достижения целей военной безопасности принята новая Военная доктрина Российской Федерации (далее – Военная доктрина, Доктрина). Важным правовым условием осуществления мер, обеспечивающих реализацию этих стратегических целей в соответствии с нормами Доктрины, является централизация государственного управления в военной области.

Военная доктрина отражает приверженность руководства России использованию политических, дипломатических, правовых, экономических, экологических, информационных, военных и других инструментов защиты национальных интересов Российской Федерации и интересов ее союзников [1].

Обратим внимание: научные исследования международно-правовых аспектов военной безопасности в целом и применительно к интересам Российской Федерации в частности относятся к более ранним

историческим периодам [8], что снижает их актуальность для решения проблем современности.

Анализ указанных процессов в сфере обеспечения интересов обороны страны показывает, что правовая практика в области военной безопасности в силу динамичности изменений межгосударственных отношений ушла вперед, не дожидаясь доктринальных построений ведущих школ военной науки, что не может быть признано нормальным для статуса института науки как полноправного участника общественных преобразований. Это заставляет обратить самое пристальное внимание на необходимость обеспечения условий для перемещения науки в целом и науки военного права в частности из арьергарда процесса исторического развития в его авангард.

Этот и иные аналогичные примеры, свидетельствующие о существенном отставании современной военно-правовой науки от практики, предполагают принятие властными субъектами обеспечения военной безопасности решений на сокращенном базисе знаний, оценок, информации проектного характера.

Так, военное право в приоритетном порядке должно взять в научную разработку понятийно-категориальные конструкции, которые реально входят в межгосударственные правоотношения в кризисных ситуациях, условиях боевых действий, контртеррористических мероприятий – «гуманитарные конвои», «обмен пленных и заложников», «добровольцы из другой страны», «прозрачность границ и гуманитарные коридоры», «псевдонимы участников боевых действий», «миротворческие миссии в условиях боевых действий центральных государственных властей против населения части территории», «подразделения территориальной обороны, финансируемые частными лицами» и др.

Военным юристам – ученым и практикам – не менее важно переосмыслить опыт низкой эффективности правоприменения международного гуманитарного права в современных условиях, выявить причины появившихся проблем и выработать обоснованные предложения по модификации системы норм, которые составят международный базис обеспечения общей военной безопасности. На основании этого появится

возможность сделать анализ правовых актов межгосударственных отношений, реализации права народов на самоопределение, принятия решений на использование военной силы в целях «принуждения к миру».

Российская Федерация должна выступить самым заинтересованным участником научной деятельности по развитию международного права, учитывая актуальность доказательств правомерности действий:

- по оказанию помощи Южной Осетии и Абхазии в защите от грузинской агрессии [15],

- по обеспечению волеизъявления народа Крыма на референдуме за возвращение Республики Крым и Севастополя в состав Российской Федерации [2];

- по защите интересов населения Донецкой народной республики и Луганской народной республики;

- по недопущению гуманитарной катастрофы на территориях, примыкающих к Российской Федерации.

Имеются и другие важные вопросы, требующие активного развития теории военного права и решения в ее рамках на основе современных методологических позиций, с использованием эффективных методов научных исследований приоритетных задач военного строительства, применения военной силы, развития межгосударственных военных связей.

Вместе с тем, достаточно глубокое и системное самостоятельное решение этих и других проблем частной теории военного права только в рамках собственного объектно-предметного поля вряд ли возможно. Необходимо соотнести вопросы развития военного права с необходимостью разработки современной гуманитарной концепции развития Российской Федерации, ее народов, которая в существенной своей части будет строиться на учете реалий современного сложного мира и воплощать обоснованные пути поддержания военной безопасности в настоящее время и на перспективу.

Представляется, что адекватным методологическим подходом могла бы стать цивилизационная парадигма (с учетом «миссии Русского мира», идеи суверенности отечественной культуры), органично впитывающая в себя национальные духовные традиции, опирающаяся на устойчи-

вую к внешним негативным воздействию экономику и имеющую современную политико-правовую форму государственность, а также институты обеспечения ее военной безопасности [12].

Цивилизационная парадигма [13], как методологическая основа построения современного непротиворечивого гуманитарного знания, позволяет использовать достаточно активно разрабатываемый различными науками принцип суверенности, который объективно предполагает определенную автономию в проведении своей политики, образе жизни, бытовом укладе. Эта парадигма пронизана конкретно-историческим смыслом и в данном контексте предоставляет широкий перечень аргументации для укрепления институтов военной безопасности.

Именно цивилизационная парадигма позволяет более уверенно реализовывать прагматичный подход к межгосударственным отношениям, предполагая:

- правомерность упрочения и развития собственной культурно-исторической традиции, сбережения своего народа;
- выстраивание равноправных и опирающихся на мощный потенциал государства отношений с другими цивилизациями;
- более четкое соизмерение ресурсов, вкладываемых в другие страны (в том числе дружественные), с ресурсами, используемыми в собственных интересах.

Применение понятийно-категориального аппарата в рамках цивилизационного подхода позволяет по-новому осмыслить и более полно использовать в интересах совершенствования механизмов военной безопасности позитивный потенциал находящихся в сфере пристального критического внимания научной общественности в силу неоднозначности восприятия интегральных объяснительных теорий целенаправленной трансформации государственных институтов и обществ – идеократии [16], этатизма [11], эгалитаризма [5], элитаризма [9] и др.

С точки зрения теории военного права, как представляется, цивилизационная доктрина российской государственности, как форма реализации базовых проблем бытия российских этносов, создает, и совершенно справедливо, условия для статуйирования в качестве важнейшего субъекта развития юридической науки в стране, внесения существенных для военной безопасности России и, шире – национальной

безопасности, корректив в построение современного гуманитарного базиса.

Таким образом, военное право в настоящее время развивается под воздействием глобальных процессов реструктурирования межгосударственных и блоковых отношений, развития уникальной цивилизационной составляющей России, укрепления российской государственности, как полноправного субъекта реализации своих политических интересов в международном сообществе, и должно стать важным участником выработки научно обоснованных мер в ответ на вызовы военной безопасности.

Список литературы

1. Военная доктрина Российской Федерации: утв. Президентом Российской Федерации 25.12.2014 № Пр-2976. Пункт 4 [Электронный ресурс] // Консультант-Плюс: справ.-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172989/.
2. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 4 декабря 2014 г. [Электронный ресурс] // Президент России: официальный сайт. 2014. 4 дек. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47173> и др.
3. Бодунов А. НПО: сетевая война против России // Сетевые войны: угроза нового поколения. М.: Евразийское движение, 2009. 200 с.; Война, пропаганда и социальные сети: Израиль и Газа [Электронный ресурс] // URL: <http://www.imena.ua/blog/war/>; Горбачев Ю.Е. Сетецентрическая война: миф или реальность? // Военная мысль. 2006. № 1; Демидюк А.В., Хамзатов М.М. Молниеносная война нового поколения: возможный сценарий // Военная мысль. 2004. № 10; Дугин А. Мир охвачен сетевыми войнами // Независимое военное обозрение. 2005. № 4; Коровин В.М. Главная военная тайна США. Сетевые войны. М.: Яуза, Эксмо, 2009; Попов И.М. Сетецентрическая война Пентагона // Независимое военное обозрение. 2004. № 9; Раскин А.В., Пеляк В.С. К вопросу о сетевой войне // Военная мысль. 2005. № 3; Савин Л.В. Сетецентричная и сетевая война. Введение в концепцию. М.: Евразийское движение, 2011; Слипченко

В.И. Войны шестого поколения: Оружие и военное искусство будущего. М., Вече, 2002; *Хамзатов М.М.* Влияние концепции сетецентрической войны на характер современных операций // Военная мысль. 2006. № 7; *Шеремет И.* Компьютеризация как путь к победе в вооруженной борьбе // Независимое военное обозрение. 2005. № 42 и др.

4. Гибридная война [Электронный ресурс]. URL: <http://topwar.ru/56079-gibridnaya-voyna.html>; *Горохов А.* «Гибридные войны» – дело американских технологий [Электронный ресурс]. URL: <http://jvatnews.ru/obshestvo/gibridnyie-voynyi/> и др.

5. *Глухов А.П.* Проблема обоснования эгалитаризма в постиндустриальном обществе: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Томск, 2002 и др.

6. *Голованов Е.В.* Проблема соотношения универсальной и региональных систем безопасности и реформа Совета Безопасности ООН: автореф. дис. ... канд. политич. наук. СПб., 2013; *Мелькин А.С.* Международно-правовые проблемы миростроительства ООН в постконфликтных государствах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013; *Войтова Т.Н.* Нормотворческие полномочия совета безопасности ООН: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011; *Новиков С.С.* Деятельность миротворческих миссий ООН, ОБСЕ и Российской Федерации в разрешении конфликтов на территории бывшей Югославии: автореф. дис. ... д-ра истор. наук. Владимир, 2011 и др.

7. *Гудкова Е.В.* Глобальные отношения личности к себе и к миру: автореф. дис. ... канд. психолог. наук. Челябинск, 2010 и др.

8. *Егоров С.А.* Вооруженные конфликты и международное право: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999; *Ради Махмуд Ахмад Аль-Томайзи.* Принцип невмешательства во внутренние дела государств и современное международное право: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995; *Чехарин Ю.Е.* Внутренние конфликты и международное право: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1990; *Бикулов А.Е.* Координация деятельности международных организаций системы ООН и международное право: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1989 и др.

9. *Идрисова С.Ф.* Элитарная преступность как социальный феномен: автореф. дис. ... д-ра социолог. наук. Екатеринбург, 2012; *Минаков С.С.* Лейб-гвардии Семе-

новский полк: 1914–1924 гг.: Элитарная социокультурная корпорация в условиях войны и революции: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Орел, 2006; *Восканян А.Г.* Политические аспекты информационно-коммуникационного пространства: тенденции элитарной коммуникации в ЕС: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2013; *Костина А.В.* Соотношение и взаимодействие традиционной, элитарной и массовой культур в социальном пространстве современности: автореф. дис. ... д-ра культурологии. М., 2009 и др.

10. *Короткий Г.А.* Мультикультурализм как социо-культурная парадигма эпохи глобализации: автореферат дис. ... канд. философ. наук. М., 2012; *Арутюнова Л.В.* Мультикультурализм и его модели в современном мире: автореф. дис. ... канд. философ. наук. М., 2009; *Пригода Н.С.* Мультикультурализм как фактор формирования современного общества: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Омск, 2009 и др.

11. *Лубский Р.А.* Этатизм как принцип взаимодействия человека и государства в России // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 6. С.156–157 и др.

12. *Морозов Н.М.* Концептуализация исторического знания о российской цивилизации на рубеже XX–XXI вв. в отечественной историографии: автореф. дис. ... д-ра истор. наук. Кемерово, 2014; *Шуклин А.В.* Перспективы российской цивилизации и глобализация: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Тюмень, 2014; *Решетникова Н.С.* Культурно-цивилизационное своеобразие России как предмет философской рефлексии: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Астрахань, 2012; *Абубекеров Р.В.* Детерминанты глобального и локального в цивилизационном развитии: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Саратов, 2011 и др.

13. *Орлова И.Б.* Цивилизационная парадигма в исследовании социально-исторического процесса: автореф. дис. ... д-ра философ. наук. М., 1999; *Тишков С.А.* Деятельность многокомпонентных миротворческих миссий ООН: современная парадигма, императивы совершенствования: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Орел, 2011 и др.

14. *Почепцов Г.* Революция.com. Методы протестной инженерии. М.: Европа, 2005. 513 с. и др.

15. Принуждение к миру: хроника войны // Комсомольская правда. 2008. 10 авг.;

Хроника грузино-российского конфликта с 7 по 14 августа // Коммерсантъ. 2008. 18 авг.; *Путин В.В.* Об уроках войны 08.08.08 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dni.ru/polit/2009/8/9/172389.html>; *Идаятов А.К.* Медиакратия и ее роль в урегулировании политических конфликтов: на примере российско-грузинского конфликта 2008 г.: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2014 и др.

16. *Роббек О.В.* Идеократические механизмы функционирования общества: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Якутск, 1998; *Трухан А.В.* Общественный идеал в структуре идеократического сознания: реконструкция и интерпретация: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Ростов н/Д, 2003; *Крымов А.В.* Евразийская идеократия и государственно-правовое учение В.С.Соловьева: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Мытищи, 2009 и др.

17. *Рыжова М.В.* Экономические санкции в современном международном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006; *Амирреза С.А.* Развитие межрегиональной торговли в условиях режима санкции: на материалах Исламской Республики Иран. Душанбе, 2014 и др.

18. *Шарп Д.* От диктатуры к демократии: концептуальные основы освобождения. М.: Ультра. Культура, 2005. 224 с.

19. *Фатеев К.В.* Обеспечение военной безопасности Российской Федерации: теория и практика правового регулирования. М.: За права военнослужащих, 2005. 467 с.; *Демкин Д.В.* Военная безопасность как фактор обеспечения национальной безопасности России в начале XXI века: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2012; *Павлов А.Л.* Военная безопасность и особенности ее осуществления в воздушно-космическом пространстве: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ярославль, 2009; *Коровянский А.И.* Военная безопасность Российской Федерации и ее обеспечение в современных условиях: военно-политический анализ: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2007; *Мингариев Ф.К.* Военная безопасность Российской Федерации в условиях геополитических трансформаций: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2007; *Антюшин С.С.* Военная безопасность как фактор стабильности российского общества: Социально-философский анализ: автореф. дис. ... д-ра философ. наук. М., 2005; *Радиков И.В.* Военная безопасность

общества и государства: Политологический анализ: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2000; *Золотарев В.А.* Военная безопасность России: политико-правовые проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999 и др.

Сведения об авторе

Старцун Виктор Николаевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий 27 кафедрой (гражданского права) Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, Москва. 111033, Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4. E-mail: kaf-gp@mail.ru

SYNERGISTIC POTENTIAL OF THE MILITARY LAW IN THE MAINTENANCE OF INTERNATIONAL PEACE AND SECURITY AT THE PRESENT STAGE OF THE RUSSIAN STATEHOOD DEVELOPMENT

Viktor N. STARTSUN

Abstract. The article, based on the analysis of contemporary threats to the international order, peace and security, examines the state and trends of the development of international legal mechanisms to ensure Russian national security, explains the basic and unifying role of the military law of the Russian Federation in the creation of a new military-legal doctrine that identifies the trend in the current military legislation and directions of institutional changes in the defense and military security at the present development stage of the Russian statehood.

Keywords: military law; military doctrine; modern military legislation; international law; international legal mechanisms to ensure national security

Information about the author

Startsun Viktor Nikolaevich, Dr. Sc. (Law), Professor, Head of Department 27 (Civil Law) of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation, Moscow. 3/4, *Volochaevskaya Str.*, Moscow, 111033, Russian Federation. E-mail: kaf-gp@mail.ru

О РОЛИ И НЕОТЛОЖНЫХ ЗАДАЧАХ ВОЕННО-ПРАВОВОЙ НАУКИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

А. И. ЗЕМЛИН,

*доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
профессор 25 кафедры (военной администрации,
административного и финансового права)*

E-mail: zemlin.aldr@yandex.ru

*Военный университет Министерства обороны
Российской Федерации, Москва*

Аннотация. В статье представлены результаты анализа места военного права в системе российского права, выявлены особенности его предмета и метода, позволяющие рассматривать военное право как комплексную отрасль права и отрасль правовой и военной науки, раскрыты некоторые тенденции развития военно-правовой науки на современном этапе развития Вооруженных Сил Российской Федерации.

Ключевые слова: военное право в системе российского права; комплексная отрасль права; военно-правовая наука; тенденции развития военно-правовой науки

Исторический опыт со всей очевидностью свидетельствует о том, что любые государства, даже имеющие самое минимальное политическое либо экономическое значение для других государств, должны пребывать в постоянно вооруженном состоянии, по правилу *si vis pacem, para bellum*. Понимание публичной властью этой необходимости сформировалось исторически, в результате своего рода естественного отбора – государственные образования, сколь бы миролюбивыми они ни были, обрекали себя на скорую и неотвратимую гибель нежеланием содержать свои вооруженные силы либо отсутствием умения ими управлять.

В связи с этим все устремления Российской Федерации к миру должны непременно сопровождаться особо значительной и продуманной системой мер по реализации военной политики государства, направленной на обеспечение обороноспособности страны на уровне, достаточном для недопущения возникновения у кого-либо даже самой мысли о возможности посягательства на суверенитет и территориальную целостность России.

Внимание, уделяемое в последнее вре-

мя руководством государства развитию Вооруженных Сил Российской Федерации, созданию оптимальной системы и структуры военной организации государства, свидетельствует о понимании им сложившейся ситуации. В этих условиях особое значение приобретает военное право, которое в ракурсе онтологии должно пониматься как система юридических норм, регулирующих общественные отношения, возникающие в сфере воинской деятельности.

История Российской империи со всей очевидностью доказывает, что нет более легкого и незатратного пути уничтожения армии и самого государства, чем ослабление их посредством разрушения системы военного законодательства и права. Исторический анализ проведенных в конце XIX – начале XX в. так называемых реформ в военно-административной и военно-юридической сферах [3] со всеми впечатляющими подробностями показывает, как этот процесс, инициированный отчасти по скудоумию, а отчасти в силу гипертрофированных амбиций тогдашнего государственного и военного руководства в целях решения сиюминутных задач, принял необратимый характер, повлек за собой сначала потерю военного управления, утрату доверия офицерского состава к центральным органам управления и возмущение нижних чинов, затем коллапс государственного управления и революционизацию масс, а в последующем – и крушение империи в целом и вполне закономерное, правда излишне жесткое, физическое уничтожение инициаторов процесса, одинаково ненавидимых представителями обеих лагерей расколовшейся России.

Анализ российской истории демонстрирует некоторую зависимость, нуждаю-

щуюся в дополнительном историко-правовом исследовании: попытки уничтожения либо неуклюжее реформирование военной юстиции предпринимались крайне редко, и при этом наиболее слабыми и наименее авторитетными правителями страны, закончившими свою политическую карьеру не лучшим образом: Николаем II (Романовым), Н.С. Хрущевым и М.С. Горбачевым. Наиболее авторитетные руководители, а именно Петр I, Александр I и Александр III, И.В. Сталин, Л.И. Брежнев придавали развитию военной юстиции и военно-правовой науки особое значение. Чего стоит хотя бы факт перехода сразу после Сталинградской битвы на полный курс обучения в Военно-юридической академии.

Необходимо учитывать, что специфика военного права, определяющая его значимость и «стратегическое» положение в системе научного знания, заключается в том, что оно, являясь важной и неотъемлемой составляющей правовой науки, в то же время выступает в качестве полноправного элемента военной науки – научной отрасли, вырабатывающей систему целостных, системно упорядоченных знаний о военной деятельности государства в интересах обеспечения обороноспособности и военной безопасности государства. Как раздел военной науки военное право исследует именно правовой аспект указанных социальных явлений и процессов, объективно и исторически формируясь как совокупность правовых норм, регулирующих государственную управленческую деятельность в военной сфере. Основу, становой хребет военного права составляет, таким образом, право военно-административное, что никоим образом не умаляет значения и необходимости правового регулирования отношений, возникающих в процессе расследования военных преступлений, в сфере финансово-хозяйственной, экономической деятельности Вооруженных Сил, военно-социальных отношений и др.

Развитие военного дела, необходимость научного исследования закономерностей военного строительства и управления, обоснования направлений, форм и методов деятельности государства в военной сфере предопределили первоначально создание военной стратегии, объединявшей все области военных знаний, а затем, в середине XIX в., выделение из нее на правах относительно самостоятельных отраслей знаний (наук) военной админи-

страции и военного хозяйства.

В конце XIX профессор Александровской военно-юридической академии А.М. Добровольский, определяя сущность и содержание науки военного права, отмечал, что нормы, регулирующие жизнь армии, в своей совокупности конструируются в особую отрасль права – военное право, включающее в себя военно-административное, военно-уголовное и военно-судебное право. Особенности военного права он связывал с тем, что нормы права организуются в особую систему соответственно назначению армии и особенностям ее внутреннего быта. По А.М. Добровольскому, военно-административное право – это наука о правовых нормах, определяющих устройство, организацию, комплектование армии и снабжение ее всем необходимым, а также устройство, компетенцию и деятельность органов военной власти [6, с. 150–153].

В послереволюционный период с образованием советских военно-учебных заведений военная администрация стала преподаваться первоначально как элементарный курс. В 1919 г. были изданы «Записки по военной администрации» для курсов подготовки командного состава, в 1925 г. – учебник «Элементарный курс военной администрации».

Активизации разработки правовых проблем военного строительства способствовало образование в 1936 г. военно-юридического факультета Правовой академии, а затем – Военно-юридической академии. Первоначально военная администрация статуса самостоятельной учебной дисциплины не имела: преподавание военно-правовых вопросов осуществлялась в соответствующих разделах административного, уголовного и судебного права. В 1940, 1945 и 1951 гг. были изданы учебники по советскому военно-административному праву, написанные преподавателями академии С.С. Студеникиным, А.Е. Луневым, И.Ф. Побежимовым, Н.А. Виноградовым.

Длительное время разработкой курса военной администрации для военных юристов умело руководил профессор И.Ф. Побежимов. Существенный вклад в исследование научных проблем военной администрации, постановку и совершенствование преподавания этой дисциплины внесли профессора П.И. Романов, Н.В. Артамонов, Н.И. Кузнецов, Б.Ф. Старов.

Несомненной заслугой исследовате-

лей в области военной администрации следует признать то, что в процессе дискуссии о статусе военного права именно им удалось обосновать наличие объективных детерминант и иных критериев, позволивших характеризовать военное право как комплексное правовое образование, однозначно обозначить его как комплексную отрасль права. Именно военные юристы, анализирувавшие советское военно-административное законодательство, первыми обозначили проблему комплексных правовых общностей. На сессии совета Военно-юридической академии, состоявшейся в 1940 г., констатировался комплексный характер военного законодательства, включающего нормы разноотраслевой принадлежности [14]. При обсуждении теоретических вопросов военного законодательства на сессиях совета Военно-юридической академии в 1954 и 1956 гг. подавляющее большинство военных юристов признало, что советское военное законодательство – комплексная область законодательства [10].

В недавние времена, когда в силу решений тогдашнего руководства Минобороны России была проведена реорганизация юридической службы, реализованы иные не вполне однозначные и не всегда оправданные действия, повлиявшие на качество правового обеспечения военной деятельности, предпринимались попытки ревизии роли и структуры военного права.

Так, например, К.В. Кавериним на основе «обоснования необходимости доктринального определения и последующего развития новой правовой категории «институциональная недостаточность», выделения ее основных параметрических особенностей» сделан вывод о том, что военное право следует характеризовать как «формирующуюся подотрасль административного права» [9].

Вполне очевидно, что умозаключение поименованного автора изначально основывалось на ложной логической посылке, непонимании сущности и структуры военного права, наивном и безосновательном отождествлении военного права исключительно с военно-административным правом, что противоречит сложившимся фундаментальным подходам, теории права, паспорту научной специальности и т.д.

Говоря о признаках военного права как комплексной отрасли права, следует исходить из того, что разграничение ком-

плексных правовых образований, начало которому положено достаточно давно, остается тем не менее не только актуальной научной гносеологической проблемой, но и, как показывает практика правоприменения, имеет существенное значение в ракурсе правовой прагматологии.

Определяясь, в частности, в вопросе о месте комплексных отраслей права в системе российского права, по нашему мнению, следует исходить из того, что общепринято разграничивать отрасли права по предмету и методу правового регулирования. Как справедливо отмечал О.С. Иоффе, всякая отрасль права характеризуется двумя моментами: во-первых, определенным предметом регулирования, т.е. теми общественными отношениями, которые ею формируются, закрепляются и охраняются, и во-вторых, определенным методом регулирования, т.е. тем специфическим способом, при помощи которого законодатель на основе данной совокупности юридических норм обеспечивает нужное ему поведение людей как участников правоотношений [8, с. 7]. Совершенно очевидно, что предметом правового регулирования в отдельной отрасли права должен служить однородный круг общественных отношений. Но поскольку такие однородные общественные отношения складываются и развиваются под воздействием целого ряда других отраслей права (гражданского, административного, трудового и т.д.), возникает необходимость в дополнительных мерах, позволяющих определить предмет данной отрасли права. В этом смысле наиболее важное значение имеет метод правового регулирования, под которым понимается юридическое средство воздействия, применяемое при правовом регулировании общественных отношений. Только единство предмета и метода регулирования является правильным классификационным признаком распределения норм права по отраслям.

Что касается базовых отраслей права, здесь все просто: они обладают всеми присущими им признаками (структурными особенностями, юридическим своеобразием, наличием специфического предмета). Комплексные же отрасли – только частью этих признаков. Комплексные отрасли имеют лишь особый предмет (рассматриваемый в иной плоскости, нежели предметы основных отраслей) и некоторые черты юридического своеобразия, а

именно – самостоятельную область законодательства, некоторые единые принципы, положения, приемы регулирования. Однако у них нет главных черт юридического своеобразия – «своего» метода и механизма регулирования.

По нашему мнению, появление новой отрасли права возможно лишь там и тогда, где и когда можно сформулировать общие положения, отражающие единые для всех норм принципы и методы регулирования. Если же это невозможно, то нет оснований говорить о наличии самостоятельной отрасли права.

В научной литературе мы видим парадоксальную ситуацию: все те же предмет и метод правового регулирования применяются и к подотрасли, и к институту права, что позволяет беспрепятственно присваивать им ранг отрасли. Это дает возможность до бесконечности плодить новые и новые отрасли в современной системе права.

Так, например, в учебнике банковского права под редакцией Б.Н. Топорнина указывается, что предметом банковского права являются отношения, возникающие в процессе построения, функционирования и развития банковской системы Российской Федерации, в том числе в процессе регулирования банковской деятельности со стороны Банка России и других органов государственной власти, а также союзов и ассоциаций кредитных организаций, поэтому банковское право является самостоятельной отраслью российского права [4, с. 20]. С таким выводом согласиться не представляется возможным.

Действуя по той же схеме, В.М. Сырых обосновывает обособление образовательного права, в качестве самостоятельной отрасли, указывая на специфику метода регулирования соответствующих общественных отношений в «сочетании государственного контроля качества образования с автономностью образовательных учреждений, свободой, плюрализмом образования» [11]. К.Ю. Тотьев объявляет конкурентное право самостоятельной отраслью со специфическим предметом (отношения, связанные с конкуренцией и отношения в сфере монополий) и методом (сочетание диспозитивного регулирования и императивного воздействия) правового регулирования [13, с. 16–17].

В качестве предмета регулирования комплексных отраслей законодатель-

ства в юридической литературе выдвигаются отрасли хозяйства, культурного строительства; определенные сферы государственной, хозяйственной и социально-культурной жизни; определенный вид общественной деятельности [12]. Признавая существование комплексных отраслей законодательства, Н.В. Витрук считает, что их формирование идет: а) по видам общественных отношений, сферам общественной и государственной жизни, областям деятельности, функциям правовой системы в целом; б) по субъектам [5]. С.С. Алексеев обращает внимание на предметное и юридическое единство специальных норм, образующих комплексные отрасли [2, с. 193].

В пользу признания комплексных отраслей права высказался С.С. Алексеев, утверждая, что структура права не может быть с достаточной полнотой и точностью раскрыта, если не видеть ее органического единства с внешней нормой права, использование которой как категории комплексной отрасли права позволяет осветить механизм воздействия на систему права субъективного фактора развития законодательства [1, с. 148].

Идея основных и комплексных отраслей права была также поддержана О.С. Иоффе [7, с. 55–56], который, в отличие от В.К. Райхера, не признавал комплексные отрасли составными частями системы права, рассматривая их как продукт систематизации правовых норм, используемый в различных целях.

Очевидно, что базой, на которой развивается военное право, т.е. его методологическим фундаментом, являются общие основы юриспруденции, теория государства и права, военная наука. Исследования в этой области уже вышли за рамки чисто монографических исследований отдельных аспектов военной деятельности государства и являются основой теории военного права.

Предметом военного права как системы научных знаний является военное право как социальное явление. По сути, военное право – это военное законодательство в широком смысле, а также:

- а) общие и специальные принципы права, применяемые к военным отношениям;
- б) принципы военного права, закрепляемые в конституции и в военном законодательстве;
- в) прецеденты и разъяснения судебных

органов по вопросам военного права;

г) доктрина.

Исходя из этого, в предмет научного познания военного права включаются:

- категории военного права;
- принципы правового регулирования военных отношений;
- совокупность юридических норм, а также порождаемые ими правоотношения;
- исторический опыт и практика применения норм военного права.

Предмет науки неразрывно связан с ее методом познания. Если предмет отражает направленность исследования, то метод определяет инструментарий научного познания, систему приемов и способов исследования.

Метод правовой науки – это система методов познания, которые используются в конкретных юридических науках и составляют их методологическую основу.

Наука военного права использует общенаучные методы познания, в числе которых особое значение имеет методология системного анализа. Системный подход как один из общенаучных методов чаще всего связан с анализом, проектированием и конституированием объектов как систем. По своей природе он является междисциплинарным, общенаучным, его понятия, методы и принципы могут быть использованы как весьма приемлемый инструментарий и методологическая основа анализа системы военной безопасности страны.

В системе военной безопасности предметом военно-правового анализа в первую очередь выступают:

- ее структурная (организационная) составляющая;
- функциональная составляющая (составленно военная деятельность государства);
- содержательная составляющая (совокупность военных правоотношений, возникающих в процессе и по поводу осуществления военной деятельности).

Наиболее значимые исследования последних лет в области военно-правовой проблематики позволяют утверждать о наличии тенденции развития военного права не только экстенсивным (за счет вполне обоснованного расширения предметной области), но и интенсивным путем (посредством углубленной теоретической проработки и обоснования на этой основе наличия институциональных правовых

образований внутри самой комплексной отрасли). Речь может идти об оформлении в рамках военного права в качестве институциональных образований групп правовых норм, регулирующих военно-служебные отношения (*Лиховидов К.С.* Проблемы законодательного обеспечения и практики реализации юридической ответственности военнослужащих: дис. ... докт. юрид. наук. М.: ВУ, 2005; *Туганов Ю.Н.* Правовое обеспечение воинской дисциплины в Вооруженных Силах Российской Федерации: дис. ... докт. юрид. наук. М.: ВУ, 2005; *Дамаскин О.В.* Российская армия в современном обществе: проблемы и перспективы: монография. М., 2011); военно-социальные отношения (*Корякин В.М.* Правовое обеспечение военно-социальной политики в Российской Федерации: дис. ... докт. юрид. наук. М.: ВУ, 2005; *Старцун В.Н.* Социальные гарантии прав военнослужащих и граждан, уволенных с военной службы: дис. ... докт. юрид. наук. М.: ВУ, 2009); военно-финансовые отношения (*Землин А.И.* Правовое регулирование финансовой деятельности в Вооруженных Силах Российской Федерации: дис. ... докт. юрид. наук. М.: ВУ, 2006), отношения, возникающие в процессе расследования военных преступлений (*Маликов С.В.* Расследование преступлений в условиях вооруженных конфликтов: монография. М., 2005; *Винокуров А.Ю.* Международно-правовые и организационные основы расследования военных преступлений в отношении гражданского населения: дис. ... докт. юрид. наук. М.: ВУ, 2012 и др.).

Представителями органов власти, в которых предусмотрена военная служба, в рамках науки военного права на уровне докторских диссертаций основательно исследованы вопросы участия Внутренних войск МВД России, Пограничных войск ФСБ России, других войск и воинских формирований в решении задач обеспечения военной безопасности государства (*Бараненков В.В., Рыльская М.А.*)

Значимость военно-правовой науки заключается в том, что поскольку военное право дает возможность изучать военную деятельность с позиций обуславливающих ее факторов и правовых явлений, постольку оно способствует выработке наиболее оптимальных направлений военной политики государства.

Таким образом, научная разработка проблем военного права, имеющих самое

непосредственное значение для практики военного строительства, далеко не завершена. Научные изыскания в этой сфере в современных условиях развития Вооруженных Сил Российской Федерации должны быть направлены на научное решение проблем в области военного строительства, совершенствование его правовых основ, дальнейшее укрепление правопорядка, воинской дисциплины и законности.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Проблемы теории права. Курс лекций: в 2-х т. Свердловск, 1972. Т. 1. 396 с.
2. Алексеев С.С. Структура советского права. М.: Юрид. лит., 1975. 264 с.
3. Артамонова С.Н. Теория и практика правового регулирования деятельности отечественной военной юстиции России во второй половине XIX века [Электронный ресурс] // Военное право: электрон. науч. изд. 2012. № 1 и др.
4. Банковское право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под общ. ред. Б.Н. Топорнина. М.: Юристъ, 1999. 448 с.
5. Витрук Н.В. Система советского права и перспективы ее развития // Советское государство и право. 1982. № 7. С. 105.
6. Добровольский А.М. Военное право // Военная энциклопедия. Т. 1. СПб., 1911.
7. Иоффе О.С. Понятие и система хозяйственного законодательства // Систематизация хозяйственного законодательства. М.: Юрид. лит., 1971. 264 с.
8. Иоффе О.С. Советское гражданское право. Т. 1. М., 1967.
9. Каверин К.В. (Константин Викторович). Военное право как подотрасль административного права: Проблемы институционального развития и способы их преодоления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2010.
10. Материалы сессии совета академии. М., 1954. 159 с.; Труды Военно-юридической академии. Вып. 23. М., 1956. 214 с.
11. Сырых В.М. Образовательное право как отрасль российского права. 2-е изд. М., 2000. 347 с.; Исследовательский центр качества подготовки специалистов, 2000. С. 34.
12. Теоретические вопросы систематизации советского законодательства. М.: Госюриздат РСФСР, 1963. С. 239; Яковлев В.Ф. Отраслевая дифференциация и от-

раслевая интеграция как основы системы законодательства // Правоведение. 1976. № 1 и др.

13. Тотьев К.Ю. Конкурентное право. М.: Контракт; ИНФРА-М, 2000. 120 с.

14. Труды Военно-юридической академии. Вып. 1. М., 1940.

Сведения об авторе

Землин Александр Игоревич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор 25 кафедры (военной администрации, административного и финансового права) Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, Москва.
111033, Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4.
Тел.: (903) 291-42-03.
E-mail: zemlin.aldr@yandex.ru

ON THE THE ROLE AND URGENT TASKS OF THE MILITARY AND LEGAL SCIENCE IN MODERN CONDITIONS

Aleksandr I. ZEMLIN

Abstract. The article presents the results of the analysis of the role of the military law in the Russian legal framework, peculiarities of its subject and methods to consider the military law as a complex branch of law and a branch of legal and military science. It also reveals several trends in the legal science at the present development stage of the Armed Forces of the Russian Federation.

Keywords: military law in the Russian legal framework; integrated branch of law; military and legal science; development trends of legal science

Information about the author

Zemlin Aleksandr Igorevich, Dr. Sc. (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of Department 25 (military administration, administrative and financial law) of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation, Moscow.
3/4, Volochaevskaya Str., Moscow, 111033, Russian Federation.
Tel.: +7 (903) 291-42-03.
E-mail: zemlin.aldr@yandex.ru

ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВА: СТРУКТУРА, ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В.М. КОРЯКИН,

*доктор юридических наук, доцент,
профессор 25 кафедры (военной администрации,
административного и финансового права)*

E-mail: Korjakinmiit@rambltr.ru

*Военный университет Министерства обороны
Российской Федерации, Москва*

Аннотация. В статье на основе положений Стратегии национальной безопасности Российской Федерации и Военной доктрины Российской Федерации осуществлен анализ понятия «военная организация государства», ее задач и действующей структуры, а также рассмотрены изменения в составе военной организации государства в связи с вступлением в силу с 1 января 2017 г. Федерального закона от 04.06.2014 № 145-ФЗ.

Ключевые слова: военная организация государства; оборона; военная безопасность; государственные органы, уполномоченные в области обороны

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683, в числе национальных интересов России на долгосрочную перспективу называет укрепление обороны страны, обеспечение незыблемости конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации.

Согласно Федеральному закону от 31.05.1996 № 61-ФЗ под *обороной* понимается система политических, экономических, военных, социальных, правовых и иных мер по подготовке к вооруженной защите и вооруженная защита Российской Федерации, целостности и неприкосновенности ее территории. Стратегическими целями обороны страны, согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, являются создание условий для мирного и динамичного социально-экономического развития Российской Федерации, обеспечение ее военной безопасности. Достижение стратегических целей обороны страны осуществляется в рамках реализации военной политики путем стратегического сдерживания и пре-

дотвращения военных конфликтов, совершенствования военной организации государства, форм и способов применения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, повышения мобилизационной готовности Российской Федерации и готовности сил и средств гражданской обороны.

Из приведенных нормативных положений следует, что основным государственным институтом, предназначенным для обеспечения обороны страны, является военная организация. В связи с этим рассмотрим понятие «военная организация государства», ее структуру и возложенные на нее задачи более подробно.

Военная энциклопедия определяет данное понятие как совокупность вооруженных, а также военно-политических, военно-экономических, военно-научных и др. органов, организаций и учреждений государства, занимающихся военной деятельностью, т.е. созданием, а при необходимости и использованием средств вооруженной борьбы и других элементов военной мощи государства для достижения определенных государственных или социально-групповых целей [1, с. 126, 134].

Данная трактовка понятия «военная организация государства» носит общий, универсальный характер и может применяться к характеристике военной организации любого государства. Применительно же конкретно к нашей стране официальное определение понятия «военная организация государства» содержится в Военной доктрине Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации 25.12. 2014 г. № Пр-2976. Согласно подп. «к» п. 8 данного документа *военная организация государства* представляет собой совокупность органов государственного и военного управления,

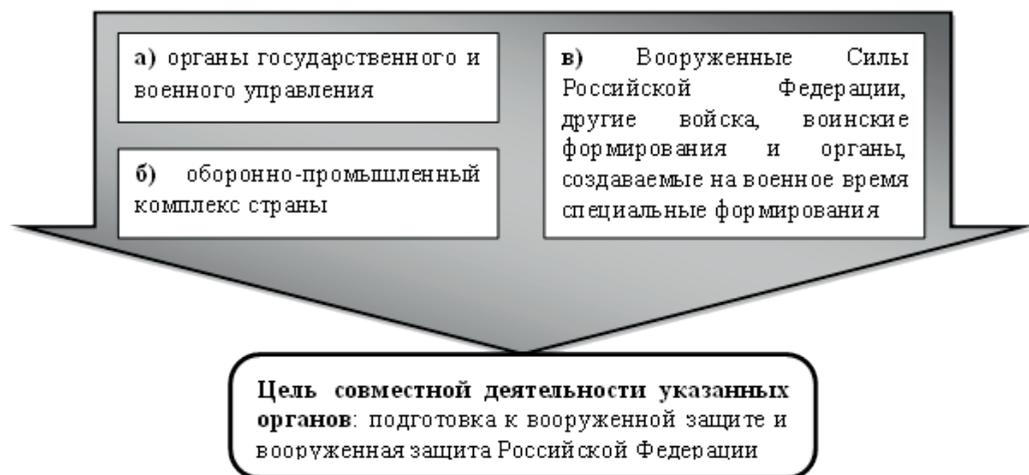

Рис. 1. Структура военной организации государства

Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, создаваемых на военное время специальных формирований, составляющих ее основу и осуществляющих свою деятельность военными методами, и оборонно-промышленный комплекс страны, совместная деятельность которых направлена на подготовку к вооруженной защите и вооруженную защиту Российской Федерации.

Анализ данного определения позволяет констатировать, что военная организация государства включает в себя три основных компонента (рис. 1):

а) органы государственного и военного управления;

б) оборонно-промышленный комплекс страны;

в) Вооруженные Силы Российской Федерации, другие войска, воинские формирования и органы, создаваемые на военное время специальные формирования.

Первый структурный компонент военной организации государства составляют *органы государственного и военного управления*. К ним относятся:

– Президент Российской Федерации – Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами Российской Федерации;

– Федеральное Собрание Российской Федерации;

– Правительство Российской Федерации, в составе которого функционируют федеральные органы исполнительной власти, выполняющие задачи в области обо-

роны страны и безопасности государства.

Полномочия указанных органов в области обороны определены в ст. 4–6 Федерального закона «Об обороне», а также в актах Президента Российской Федерации.

Другим компонентом военной организации государства является *оборонно-промышленный комплекс* (ОПК) страны, под которым понимается совокупность научно-исследовательских, проектно-конструкторских, испытательных организаций и производственных предприятий, выполняющих разработку и производство вооружений, военной и специальной техники, иного военного имущества [3]. Нередко в литературе данное понятие именуется военно-промышленным комплексом (ВПК), представляющим собой часть промышленного комплекса страны, специализирующимся на научной разработке и производстве оружия, военной техники, обеспечении ими Вооруженных Сил и других вооруженных формирований государства [1, с. 182].

Основу военной организации государства (или, по образному выражению А.В. Кудашкина, ее «ядро») [3] составляет третий компонент, включающий следующие элементы:

– Вооруженные Силы Российской Федерации;

– другие войска;

– воинские формирования;

– органы;

– создаваемые на военное время специальные формирования.

Главный признак, объединяющий эти

элементы, – осуществление ими своей деятельности военными методами, представляющими собой специфическое содержание деятельности, которое находит отражение в конкретных формах (операции, боевые действия и т.д.). Военные методы предполагают использование оружия и вооружения для решения задач военной безопасности [2, с. 91–92].

Что конкретно включают в себя перечисленные структуры (войска, воинские формирования и органы), раскрывается

в ст. 1 Федерального закона «Об обороне». Следует при этом отметить, что в законодательстве и научных публикациях по военному праву наряду с приведенным выше устойчивым словосочетанием «Вооруженные Силы, другие войска, воинские формирования и органы» очень часто используется словосочетание «федеральные органы исполнительной власти, в которых законом предусмотрена военная служба». Как соотносятся эти понятия? Если представить это соотношение в виде схе-

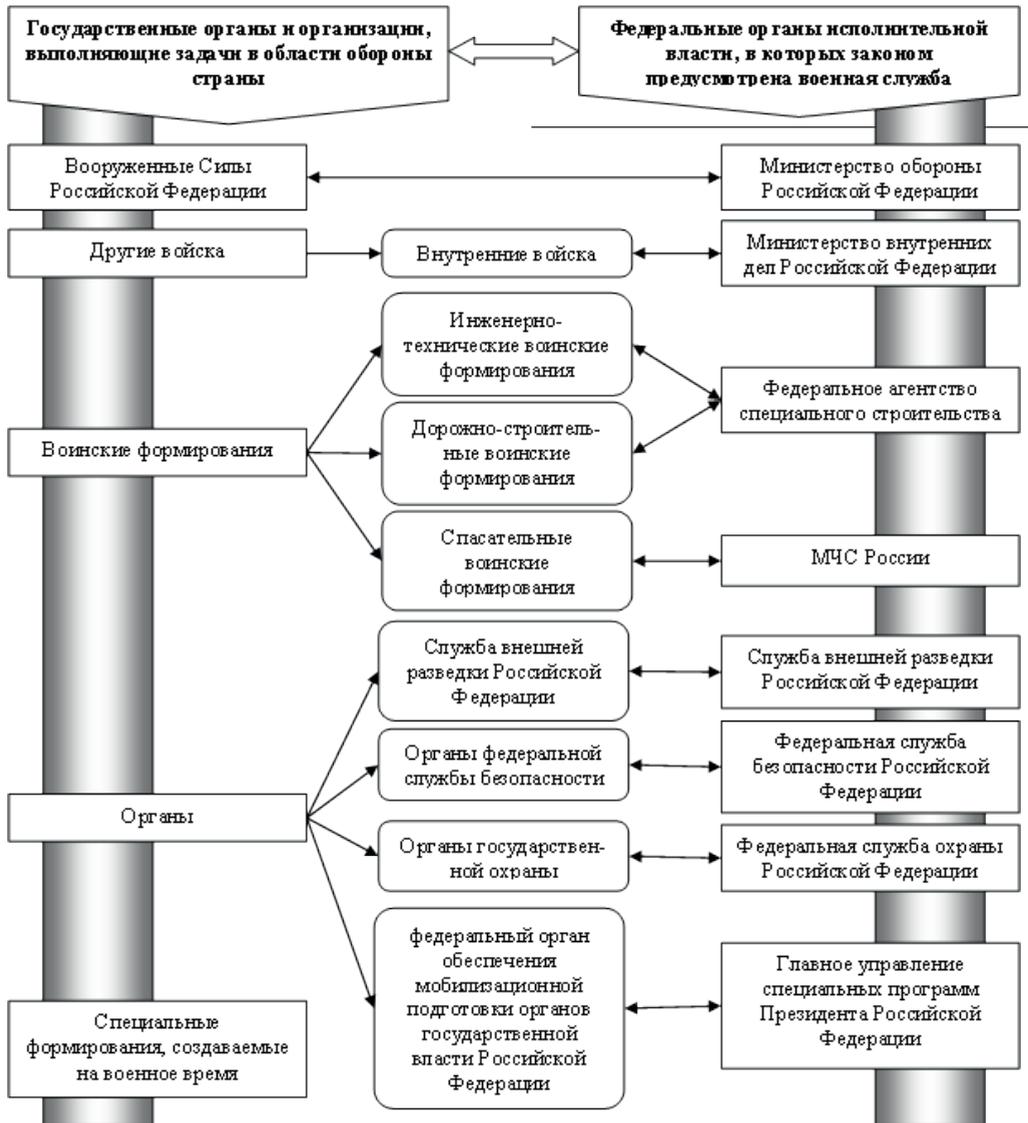

Рис. 2. Структура государственных органов и организаций, обеспечивающих решение задач в области обороны страны, и федеральных органов исполнительной власти, в которых законом предусмотрена военная служба (действует до 1 января 2017 г.)

мы (рис. 2), то становится понятным, что первое из этих словосочетаний включает государственные органы и организации, выполняющие задачи в области обороны страны, а второе – органы управления этими государственными институтами.

Исчерпывающий перечень органов и организаций, в которых предусматривается прохождение военной службы, приведен в ст. 2 Федерального закона от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе». Этот перечень в полном объеме воспроизводит перечень органов, указанных в ст. 1 Федерального закона «Об обороне» и показанных на рис. 2, но сверх того в нем значатся также воинские подразделения федеральной противопожарной службы. Из этого следует, что в воинских подразделениях федеральной противопожарной службы хотя и предусмотрено прохождение военной службы, однако к выполнению задач в области обороны страны они не привлекаются и каких-либо функций в данной области не выполняют; следовательно, в состав военной организации государства они не входят.

Основу военной организации государства составляют Вооруженные Силы, которые представляют собой государственную военную организацию, составляющую основу обороны Российской Федерации. Они предназначены для отражения агрессии, направленной против Российской Федерации, вооруженной защиты целостности и неприкосновенности ее территории, а также для выполнения задач в соответствии с международными договорами Российской Федерации.

Согласно п. 22 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации признается правомерным применение Вооруженных Сил, других войск и органов для отражения агрессии против нее и (или) ее союзников, поддержания (восстановления) мира по решению Совета Безопасности ООН, других структур коллективной безопасности, а также для обеспечения защиты своих граждан, находящихся за пределами Российской Федерации, в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации.

В соответствии с п. 2.1 ст. 10 Федерального закона «Об обороне» в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности формирования Вооруженных Сил могут оперативно ис-

пользоваться за пределами территории Российской Федерации в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации для решения следующих задач:

1) отражение вооруженного нападения на формирование Вооруженных Сил Российской Федерации, другие войска или органы, дислоцированные за пределами территории Российской Федерации;

2) отражение или предотвращение вооруженного нападения на другое государство, обратившееся к Российской Федерации с соответствующей просьбой;

3) защита граждан Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации от вооруженного нападения на них;

4) борьба с пиратством и обеспечение безопасности судоходства.

В состав Вооруженных Сил входят:

– центральные органы военного управления;

– виды Вооруженных Сил (Сухопутные войска, Воздушно-космические силы, Военно-Морской Флот);

– рода войск Вооруженных Сил (Ракетные войска стратегического назначения, Воздушно-десантные войска);

– войска, не входящие в виды и рода войск Вооруженных Сил Российской Федерации (см. рис. 3).

Основу боевой мощи Вооруженных Сил составляют *стратегические силы сдерживания и силы общего назначения*.

Стратегические силы сдерживания предназначены для сдерживания агрессии против Российской Федерации и ее союзников, а также разгрома агрессора (нанесения ему поражения), в том числе в войне с применением ядерного оружия. В их состав входят:

– Ракетные войска стратегического назначения;

– часть сил и средств Войск воздушно-космической обороны;

– авиационные стратегические ядерные силы:

– морские стратегические ядерные силы.

Силы общего назначения предназначены для сдерживания и отражения агрессии противника с применением обычных и ядерных средств поражения. Они включают:

а) объединения, соединения и части:

– Сухопутных войск;

– Воздушно-космических сил (без авиа-

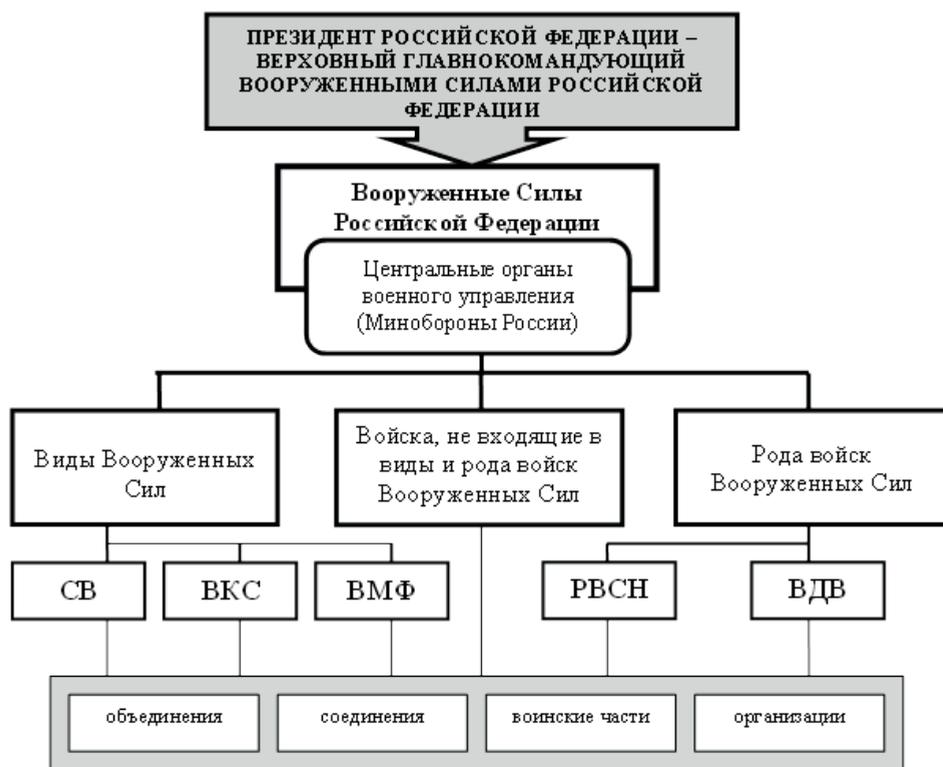

Рис. 3. Структура Вооруженных Сил Российской Федерации

ционных стратегических ядерных сил);

– Военно-Морского Флота (без морских стратегических ядерных сил), в том числе имеющие на вооружении нестратегическое ядерное оружие;

б) соединения и части Воздушно-десантных войск.

Военная организация государства постоянно совершенствуется. Военная доктрина Российской Федерации определяет следующие задачи ее развития:

– приведение структуры, состава и численности компонентов военной организации в соответствие с задачами в мирное время, в период непосредственной угрозы агрессии и в военное время с учетом выделения на эти цели достаточного количества финансовых, материальных и иных ресурсов;

– повышение эффективности и безопасности функционирования системы государственного и военного управления, обеспечение информационного взаимодействия между федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, иными государственными ор-

ганами при решении задач в области обороны и безопасности;

– совершенствование системы воздушно-космической обороны Российской Федерации;

– совершенствование военно-экономического обеспечения военной организации на основе рационального использования финансовых, материальных и иных ресурсов;

– совершенствование военного планирования;

– совершенствование территориальной обороны и гражданской обороны Российской Федерации;

– совершенствование системы создания запаса мобилизационных ресурсов, в том числе запасов вооружения, военной и специальной техники, а также материально-технических средств;

– повышение эффективности функционирования системы эксплуатации и ремонта вооружения, военной и специальной техники;

– создание интегрированных структур материально-технического, социального,

медицинского и научного обеспечения в Вооруженных Силах, других войсках и органах, а также учреждений военного образования и подготовки кадров;

- совершенствование системы информационной безопасности Вооруженных Сил, других войск и органов;

- повышение престижа военной службы, всесторонняя подготовка к ней граждан Российской Федерации;

- обеспечение военно-политического и военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами;

- развитие мобилизационной базы и обеспечение мобилизационного развертывания Вооруженных Сил, других войск и органов, а также совершенствование методов комплектования и подготовки мобилизационных людских резервов и мобилизационных людских ресурсов;

- совершенствование системы радиационной, химической и биологической защиты войск (сил) и населения.

Структура государственных органов, выполняющих функции в области обороны, и в которых предусмотрена военная служба, на протяжении последних полутора десятков лет неоднократно изменялась. Новые существенные изменения структуры указанных органов грядут с 1 января 2017 г. в связи с принятием Федерального закона от 04.06.2014 № 145-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам военной службы в органах военной прокуратуры и военных следственных органах Следственного комитета Российской Федерации»*.

Согласно данному законодательному акту с 1 января 2017 г. в число органов, уполномоченных на выполнение отдельных задач в области обороны, и в которых законом предусмотрено прохождение военной службы, будут включены органы военной прокуратуры и военные следственные органы Следственного комитета Российской Федерации. В связи с этим структура рассматриваемых органов будет иметь несколько иной вид, чем сегодня (см. рис. 4).

В связи с тем, что Генеральная прокуратура Российской Федерации и Следственный комитет Российской Федерации, в которых теперь учреждается военная служба,

не входят в систему федеральных органов исполнительной власти, то с 1 января 2017 г. вводится в употребление новое понятие: «федеральные органы исполнительной власти и федеральные органы государственной власти, в которых законом предусмотрена военная служба». Данное словосочетание Федеральным законом от 04.06.2014 № 145-ФЗ включено в 34 законодательных акта Российской Федерации путем внесения в них соответствующих изменений и дополнений.

Вступление в силу рассматриваемого законодательного акта обеспечит окончательную независимость органов военной прокуратуры и военных следственных органов от поднадзорных и обслуживаемых ими государственных органов и организаций. В частности, Федеральный закон от 04.06.2014 № 145-ФЗ предусматривает:

- исключение сотрудников органов военной прокуратуры и военных следственных органов из численности Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов с сохранением при этом за ними статуса военнослужащих;

- уточнение порядка социального обеспечения военнослужащих указанных органов: эта функция переходит соответственно к Генеральной прокуратуре Российской Федерации и Следственному комитету Российской Федерации;

- урегулирование вопросов, касающихся организационных мероприятий, связанных с указанными изменениями;

- сопутствующие предлагаемым изменениям терминологические уточнения отдельных законодательных актов Российской Федерации.

Согласно рассматриваемому Федеральному закону статус военнослужащих органов военной прокуратуры и военных следственных органов определяется как статус военнослужащих, проходящих военную службу не в Вооруженных Силах Российской Федерации (как это есть сегодня и сохраняется до 1 января 2017 г.), а в соответствующих федеральных государственных органах – в Генеральной прокуратуре Российской Федерации и в Следственном комитете Российской Федерации.

Соответственно и вопросы материаль-

* Подробный комментарий данного законодательного акта см.: Корякин В.М. Новая структура органов, созданных для обеспечения обороны страны, и органов, в которых предусмотрена военная служба // Право в Вооруженных Силах. 2014. № 8

но-технического обеспечения деятельности военной прокуратуры и военных следственных органов, а также вопросы социального обеспечения указанной категории военнослужащих передаются из Минобороны России в Генеральную прокуратуру Российской Федерации и След-

ственный комитет Российской Федерации. По замыслу инициаторов и разработчиков Федерального закона от 04.06.2014 № 145-ФЗ, его вступление в силу послужит делу оптимизации структуры указанных государственных органов, обеспечит эффективность руководства ими, положительно

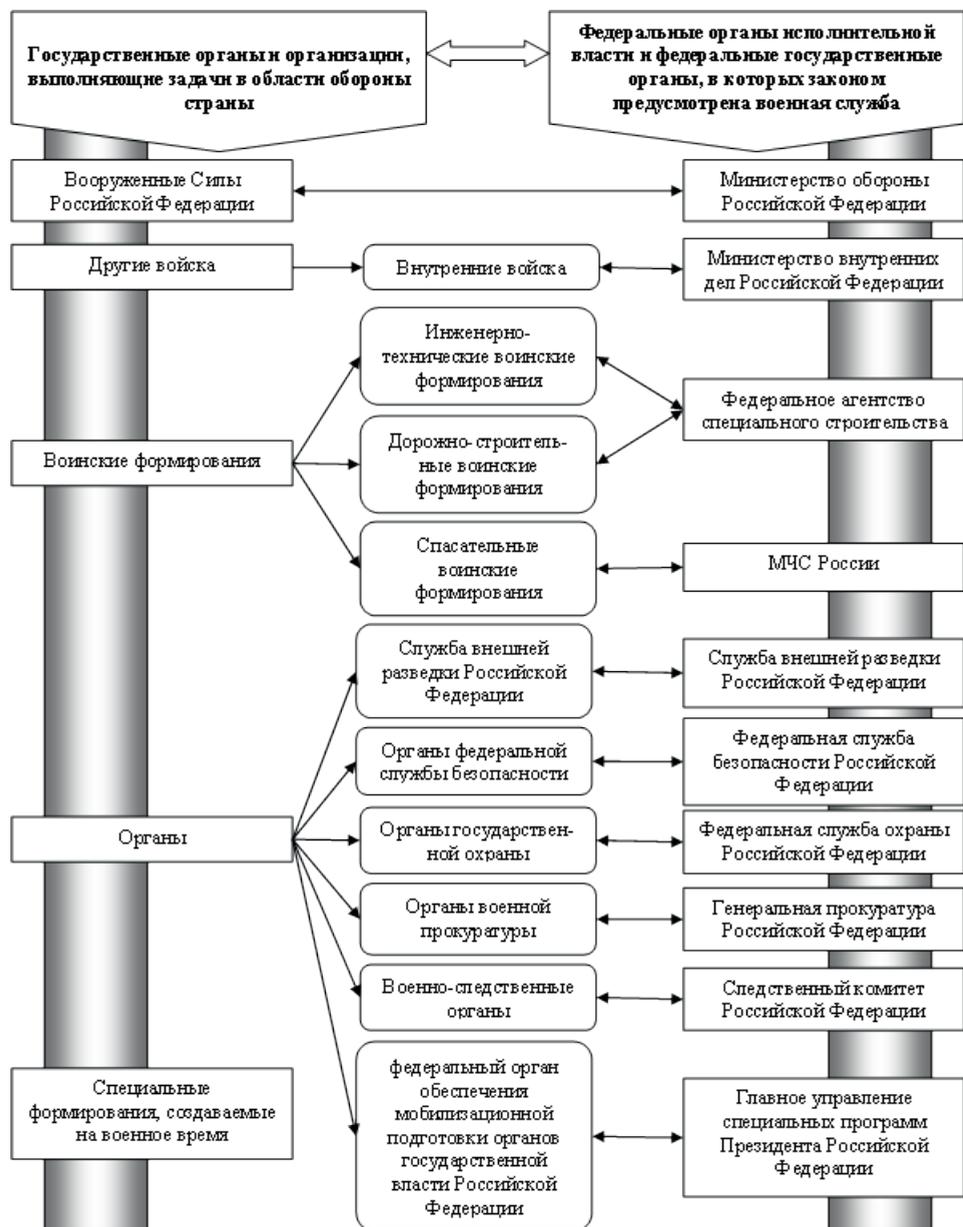

Рис. 4. Структура государственных органов и организаций, обеспечивающих решение задач в области обороны страны, а также федеральных органов исполнительной власти и федеральных государственных органов, в которых законом предусмотрена военная служба (вступает в действие с 1 января 2017 г.)

скажется на выполнении возложенных на них задач по обеспечению законности и правопорядка в военной организации государства.

Таким образом, основным предназначением военной организации Российской Федерации является обеспечение обороны страны. Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (п. 22) стратегическими целями обороны страны являются создание условий для мирного и динамичного социально-экономического развития Российской Федерации, обеспечение ее военной безопасности. Военная безопасность представляет собой состояние межгосударственной и внутригосударственной военно-политической обстановки, военно-стратегический компонент глобального геополитического противоборства, элемент внутренней и внешней безопасности государства, при котором обеспечиваются независимость, суверенитет, государственная и территориальная целостность, предотвращается военная агрессия против России и ее союзников, уменьшается угроза национальным интересам государства и вовлечения его в войну или вооруженные конфликты, а в случае возникновения внешней, внутренней или трансграничной военной угрозы жизненно важным интересам государства, общества и личности обеспечиваются условия для их мирного, демократического развития и их вооруженная защита [4, с. 9–10].

Именно этим целям подчинено совершенствование военной организации государства, которое, согласно п. 37 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, осуществляется на основе своевременного выявления существующих и перспективных военных опасностей и военных угроз, сбалансированного развития компонентов военной организации, наращивания оборонного потенциала, оснащения Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов современными вооружением, военной и специальной техникой, инновационного развития оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации.

Список литературы

1. Военная энциклопедия: в 8 т. М.: Воениздат, 1994. Т. 2. 538 с.
2. Военно-юридический энциклопеди-

ческий словарь / под общ. ред. А.В. Кудашкина, К.В. Фатеева. М.: За права военнослужащих, 2008. 367 с.

3. Кудашкин А.В. Военная организация государства: понятие, структура, правовое положение, проблемы институционализации [Электронный ресурс] // Военное право: электрон. науч. изд. 2015. № 1. URL: <http://www.voennoepravo.ru>.

4. Фатеев К.В. Правовое регулирование обеспечения военной безопасности Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.

Сведения об авторе

Корякин Виктор Михайлович, доктор юридических наук, доцент, профессор 25 кафедры (военной администрации, административного и финансового права) Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, Москва. 111033, Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4. E-mail: Korjakinmiit@rambltr.ru

STATE MILITARY ESTABLISHMENT: STRUCTURE, PURPOSE AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Viktor M. KORJAKIN

Abstract. The article, based on the provisions of the Russian National Security Strategy and the Military Doctrine of the Russian Federation, analyzes the concept of 'the state military establishment', its tasks and existing structure. It also examines changes in the state military establishment due to Federal Law 145-FZ of 4 June 2014, that entered into force on 1 January 2017.

Keywords: state military establishment; defense; military security; state bodies authorized in the field of defense

Information about the author

Koryakin Viktor Mikhailovich, Dr. Sc. (Law), Associate Professor, Professor of Department 25 (military administration, administrative and financial law) of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation, Moscow. 3/4, Volochaevskaya Str., Moscow, 111033, Russian Federation. E-mail: Korjakinmiit@rambltr.ru

МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОТИБОБОРСТВА В ГИБРИДНЫХ ВОЙНАХ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Б.Ю. ДЕРЕШКО,

*кандидат юридических наук, доцент,
генерал-майор внутренней службы,
заместитель начальника Всероссийского
научно-исследовательского института
Министерства внутренних дел
Российской Федерации по научной работе,
соискатель 25 кафедры (военной администрации,
административного и финансового права)
Военного университета Министерства обороны
Российской Федерации, Москва
E-mail: dbj2000@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена некоторым правовым аспектам морально-психологического обеспечения боевых действий в гибридных войнах современности. На основе анализа морально-психологического обеспечения действий противоборствующих сторон вооруженного конфликта в Сирийской Арабской Республике с 2011 г. по настоящее время автором предлагается ряд мер по совершенствованию правовых основ морально-психологического обеспечения боевых действий.

Ключевые слова: морально-психологическое обеспечение; вооруженное противоборство; гибридная война; правовые основы

Важнейшей характеристикой войн XXI века становится их гибридный характер. По мнению ряда ученых, развитие современных вооружений, особенно средств массового поражения, привело к невозможности их практического применения в локальных войнах и вооруженных конфликтах [10, с. 28]. С другой стороны, сам факт применения национальных вооруженных сил на территории других государств приводит к острому внутривнутриполитическим противоречиям, а потери в живой силе вызывают общественное возмущение и неприятие.

В этой связи для достижения политических целей военным путем на рубеже XX–XXI вв. стал использоваться новый вид вооруженного конфликта – так называемая «гибридная война» [7, с. 14; 19]. Одним из главных признаков такого вида военных действий является применение в качестве военной силы ирегулярных воинских формирований из состава наемников или

боевиков наряду, а зачастую и вместо вооруженных сил государства, ведущего гибридную войну.

Генезис гибридных войн насчитывает по меньшей мере шесть десятилетий. Своё происхождение гибридные войны ведут от партизанских и повстанческих войн второй половины XX в. Невозможность прямого военного столкновения между вооруженными силами Советского Союза и Соединенных Штатов Америки подталкивала к неминуемой военно-политической поддержке противоборствующих сторон в каждом вооруженном конфликте, начиная с Корейской войны (1950–1953 гг.). Распад СССР и Организации Варшавского договора в 1991 г. привел к формированию однополярного мироустройства с военным доминированием США и блока НАТО. Локальные войны и вооруженные конфликты в различных регионах планеты стали привычным инструментом военно-политического давления на те государства, которые не соглашались принять новую международную систему, основанную на праве силы.

В обход действующих норм международного права гибридная война стала идеальным инструментом современной политики агрессора. Сторона, развязавшая гибридную войну и добивающаяся своих целей в вооруженном противоборстве, официально не является стороной конфликта. Это позволяет откровенно пренебрегать и правом войны, и международным гуманитарным правом, и любыми международными обязательствами.

Само понятие «гибридная война» воз-

никло в конце XX в. Появление этого нового вида вооруженного противоборства, различное понимание данного термина, а также возможность применения его в военном праве предполагают необходимость проведения отдельного военно-правового исследования.

Ярким примером гибридных войн стали боевые действия на Ближнем Востоке с 2011 г. и в юго-восточной части Украины с 2014 г. Исследование характера и особенностей этих вооруженных конфликтов позволяют в первом приближении дать краткое их описание с точки зрения военного права, которое, с одной стороны, имеет особую актуальность в связи с их новизной и современностью, но с другой – не может быть завершенным в силу длящегося характера вооруженного противостояния в настоящее время.

Прежде всего, следует отметить тенденцию выстраивания своеобразных квазиправовых оснований для нарушения как общепризнанных норм международного права, так и собственных конституционных норм.

Так, решением украинского парламента действие Конвенции о защите прав человека и основополагающих свобод [2] и Европейской социальной хартии (пересмотренной) [3] не применяется на территориях Донецкой и Луганской областей Украины [5]. В это же время против мирного населения, культурных и экономических объектов на этих территориях подразделениями украинских вооруженных сил и добровольческими формированиями используется как обычное вооружение неизбирательного воздействия, так и средства, прямо запрещенные к применению международными конвенциями [12]. По свидетельству международных наблюдателей ООН и ОБСЕ, в ходу и пытки военнопленных, и убийства заложников из местного населения, другие военные преступления и преступления против человечности [20].

Другим признаком гибридной войны является активное применение невоенных способов воздействия на противника одновременно или заблаговременно до начала прямых военных действий. Используется широкий арсенал средств политического, экономического, социального и информационно-психологического характера

для нанесения урона противнику по всему спектру жизнедеятельности государства и общества. Целью воздействия становятся не только и не столько сами вооруженные силы, а все население страны, против которой ведется гибридная война [7, с. 58].

В условиях ведения гибридной войны существенно возрастает роль морально-психологического обеспечения вооруженного противоборства. Ход и исход военных действий напрямую зависит от способности противоборствующей стороны мобилизовать сознание и психику как военнослужащих, так и гражданского населения своей страны на достижение победы всеми средствами и способами и в то же время нанести урон морально-психологическому состоянию военнослужащих и населения страны противника.

Ряд исследователей вводят новый термин «морально-психологическая война» [7, с. 58], понимая под ним воздействие в целом на морально-психологическое состояние общества страны с целью его изменения в своих интересах. По мнению автора, такую постановку вопроса правомерно поддержать, однако скорее следует применять понятие не «война», а «противоборство», что точнее отражает суть вопроса. Тем более, что термин «война» имеет четко обозначенное правовое определение.

Исследования показывают, что морально-психологическому обеспечению боевых действий в гибридных войнах присущи такие характерные черты, как:

- высокая динамика развития морально-психологической обстановки;
- применение неконвенционных способов морально-психологического и вооруженного воздействия на личный состав противника;
- быстрое истощение морально-психологических сил противоборствующих сторон;
- высокая интенсивность информационно-психологического противоборства на всем протяжении гибридной войны.

Рассмотрим, каким образом решаются задачи морально-психологического обеспечения противоборствующими сторонами на примере вооруженного конфликта в Сирийской Арабской Республике.

В течение уже более пяти лет, с 2011 г., правительство САР ведет ожесточенную

вооруженную борьбу с различными повстанческими группировками боевиков. Общее их количество в различные периоды колебалось в пределах нескольких сотен, однако наибольшую угрозу для существования сирийского государства представляют международные террористические организации: так называемое «Исламское государство Ирака и Леванта» или «ИГИЛ» («ДАИШ» в арабской транскрипции), известное также с 2014 г. как «Исламское государство» (ИГ), и «Джебхат ан-Нусра», деятельность которых запрещена на территории Российской Федерации [9].

Данные о численности сторонников этих группировок также серьезно разнятся и в различных источниках различаются на порядки. Вместе с тем, по сведениям Министерства обороны Российской Федерации, ряды только ИГ в Сирии по состоянию на декабрь 2015 г. насчитывали 60 тыс. человек [18].

Террористический характер группировок, цели и задачи, направленные на устрашение противостоящих сирийских вооруженных сил и местного населения, определяют применяемые формы и способы морально-психологического воздействия. При этом новизна подхода к этой деятельности отличается признаками качественной подготовки, хорошей организации и практически неограниченного финансирования на начальных этапах вооруженного конфликта. Об этом свидетельствуют отлаженный механизм публикации в Интернете информационно-пропагандистских материалов боевиков, подготовленных на высоком профессиональном уровне, налаженная международная сеть вербовки новых сторонников в свои ряды, система идеологической обработки неопитов в лагерях подготовки, в том числе при подготовке террористов-смертников.

Анализ независимых характеристик и данных средств массовой информации позволяет условно выделить два этапа в динамике морально-психологического состояния боевиков:

первый – с начала вооруженного конфликта до осени 2015 г., когда в результате боевых действий против правительственных сил боевикам удалось захватить до 70% территории САР [18];

второй – с осени 2015 г. после начала применения по обращению законного пра-

вительства Сирийской Арабской Республики Воздушно-космических сил России [4], успешными действиями которых удалось обеспечить развитие наступления сухопутных войск сирийских вооруженных сил. Во втором периоде отмечены признаки паники в рядах противника, факты массового оставления занимаемых позиций, сдачи в плен и даже применения заградительных отрядов против своих же отступающих боевиков [6].

По этой же логике можно охарактеризовать морально-психологическое состояние правительственных войск САР и сил самообороны. В первом периоде в ходе отступления, сдачи городов и населенных пунктов боевикам на фоне негативного иностранного политического и экономического давления на «преступный режим Башара Асада», а зачастую и прямой военной поддержки действий боевиков морально-психологическое состояние военнослужащих правительственных сил находилось на недостаточном уровне, чтобы победить боевиков, хотя и позволяло в течение достаточно долгого времени (более четырех лет) оказывать сопротивление террористическим группировкам. С началом нанесения ВКС России воздушных ударов по базам и позициям боевиков, а затем и наземной наступательной операции ситуация в корне изменилась. Наступательный порыв вооруженных сил Сирии при поддержке российских ВКС позволил достичь перелома в ведении боевых действий и выйти на процесс мирного урегулирования [1].

Информационные сообщения, в том числе и американских информационных агентств и корреспондентов, свидетельствуют о подъеме морально-психологического состояния населения САР и поддержке действий правительственных сил [19], что также способствует успешному ведению боевых действий. Вместе с тем, следует отметить, что такая поддержка неоднородна и зависит от национального и религиозного состава местного населения.

Результаты боевого применения ВКС России в Сирии, доклады и информационные сообщения позволяют судить о высоком уровне морально-психологического состояния личного состава подразделений авиации, противовоздушной оборо-

ны, обеспечивающих подразделений и поддерживающих сил флота Российской Федерации, что позволяет успешно выполнять боевые задачи, создавая благоприятные условия для достижения поставленных военных и военно-политических целей.

При этом российские военнослужащие действуют в условиях ведения активных информационно-психологических операций со стороны как террористических группировок, так и иностранных государств, вовлеченных в конфликт. С самого начала военно-воздушной операции России в сентябре 2015 г. ленты информационных агентств регулярно выдают потоки неподтвержденных сообщений о нарушении российских норм международного гуманитарного права и резолюций ООН [13].

В этой связи, по мнению автора, следует развивать и совершенствовать пути поддержания устойчивого морально-психологического состояния военнослужащих, используя эффективные формы и методы воинского и правового воспитания, современные информационные и телекоммуникационные средства.

При этом важнейшим направлением работы с личным составом в сложившихся условиях представляется разъяснение военнослужащим целей и задач военной операции, методов и способов их достижения. Через демонстрацию прямого влияния конфликта в Сирии на состояние национальной безопасности России формирование у личного состава устойчивой убежденности в правоте своего дела и справедливом характере действий по борьбе с международным терроризмом.

Обеспечение широкой моральной поддержки российских военнослужащих, выполняющих боевые задачи в Сирии, со стороны граждан Российской Федерации достигается широким информированием общественности всеми доступными способами о ходе и результатах применения ВКС России, а также достоверным, подтвержденным неоспоримыми фактами разоблачением и опровержением пропагандистских акций в средствах массовой информации, направленных на дискредитацию российских Вооруженных Сил и России в целом.

Наглядным подтверждением такой поддержки являются организованные Управлением культуры и Главным управлением по работе с личным составом Вооруженных Сил Российской Федерации выступле-

ния широко известных творческих коллективов и артистов отечественной эстрады с концертами на авиабазе «Хмеймим» в Сирии [11, 15].

Другим важным элементом поддержания надлежащего уровня морально-психологического состояния российских военнослужащих станет законодательное закрепление правового статуса участников боевых действий в Сирийской Арабской Республике [8].

В целом краткий предварительный анализ морально-психологической обстановки и действий сторон за весь период конфликта в САР позволяет сделать ряд выводов, имеющих военно-правовое значение.

Во-первых, в условиях ведения гибридной войны морально-психологическая обстановка характеризуется высокой степенью нестабильности, постоянным морально-психологическим воздействием со стороны террористических группировок и на местное население в районах ведения боевых действий, и опосредованно через массмедиа и Интернет на население стран, причастных к вооруженному конфликту. Так или иначе, государства будут вынуждены применить меры правового регулирования к порядку использования современных телекоммуникационных средств связи и сетевых технологий в военных целях.

Во-вторых, профилактический потенциал существующих уголовно-правовых мер ответственности за военные преступления не позволяет надежно обеспечить соблюдение сторонами конфликта норм международного гуманитарного права. Требуется выработка новых подходов и уголовно-правовых способов предупреждения агрессии в отношении защищаемых международным правом лиц, страдающих от последствий гибридной войны, а также защиты культурных ценностей.

В-третьих, отдельным направлением развития правовых основ морально-психологического обеспечения боевых действий, по мнению автора, должно стать правовое регулирование защиты личного состава войск от информационно-психологического воздействия противника в общей системе информационно-психологического противоборства.

Все это предполагает необходимость серьезной масштабной международной деятельности по совершенствованию норм права войны и международного гумани-

тарного права, часть которых реализуется в процессе осуществления мероприятий морально-психологического обеспечения боевых действий.

Кроме того, на национальном и ведомственном уровнях необходимо изменения в системе организации морально-психологического обеспечения боевых действий с учетом опыта, приобретенного Вооруженными Силами Российской Федерации в ходе конфликта на территории Сирии, что также предполагает внесение изменений и дополнений в действующую нормативно-правовую базу морально-психологического обеспечения.

В заключение следует отметить, что вооруженный конфликт в Сирийской Арабской Республике далек от завершения, предпринятые миротворческие усилия Российской Федерации, Соединенных Штатов Америки и других государств в рамках ООН обозначают лишь путь, по которому должен двигаться мирный процесс. Поэтому о результатах, итогах, уроках и выводах, мерах по совершенствованию системы морально-психологического обеспечения и его правовых основ мы будем судить по окончании текущей гибридной войны на Ближнем Востоке.

Список литературы

1. Резолюция 2254 (2015), принятая Советом Безопасности на его 7588-м заседании 18.12.2015 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций: официальный сайт. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/443/37/PDF/N1544337.pdf?OpenElement>.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод ЕТС № 005 (Рим, 04.11.1950) (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // Гарант: справ.-правовая система. URL: <http://base.garant.ru/2540800/#ixzz41YvK4F77>.
3. Европейская социальная хартия (пересмотренная) (принята в г. Страсбурге 03.05.1996) // Бюллетень международных договоров. 2010. № 4. С. 17–67.
4. Об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации: постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 30.09.2015 № 355-СФ [Электронный ресурс] // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: офи-

циальный сайт. 2015. 30 сент. URL: <http://council.gov.ru/activity/documents/59395>.

5. Про затвердження Заяви про відступ України від зобов'язань, визначених Конвенцією про захист прав людини і основоположних свобод, Міжнародним пактом про громадянські і політичні права та Європейською соціальною хартією (переглянутою): постанова Верховної Ради України № 462-VIII від 21.05.2015 [Электронный ресурс] // Верховна Рада України: офіційний веб-портал. URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_2?id=&pf3516=2765&skl=9.

6. Боевики теряют силы: ИГ готовит смертников и использует заградотряды [Электронный ресурс] // Телерадиокомпания «Звезда». 2015. 19 окт. URL: http://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201510190737-mcow.htm.

7. Буренок В.М. Национальная безопасность России в эпоху сетевых войн: монография / В.М. Буренок, Е.В. Горгола, С.Ф. Викулов. М.: Издательская группа «Граница», 2015. 192 с.

8. В ГД рассмотрят ветеранский статус участников операции ВКС РФ в Сирии [Электронный ресурс] // РИА-Новости. 2016. 20 янв. URL: <http://ria.ru/society/20160120/1362374242.html>.

9. Верховный суд признал ИГ и «Джебхат ан-Нусра» террористическими организациями [Электронный ресурс] // ТАСС: информационное агентство России. 2014. 29 дек. URL: <http://tass.ru/politika/1677833>.

10. Война и мир XXI века. Международная стабильность и баланс нового типа / Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» / отв. ред. Ф.А. Лукьянов. М., 2016. 14 с.

11. Иосиф Кобзон и Центральный военный оркестр Минобороны РФ выступят на авиабазе Хмеймим [Электронный ресурс] // ТАСС: информационное агентство России. 2016. 28 фев. URL: <http://tass.ru/kultura/2702874>.

12. Международные наблюдатели из неправительственной организации HumanRightsWatch представили в Женеве свой независимый отчет о ситуации на юго-востоке Украины [Электронный ресурс] // Новости дня. 2014. 12 нояб. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0sOsdBA3SDw>.

13. МИД Саудовской Аравии обвинил Россию и Сирию в нарушении переми-

рия [Электронный ресурс] // РИА-Новости. 2016. 28 фев. URL: http://ria.ru/syria_chronicle/20160228/1381576636.html.

14. Минобороны РФ: Турция развернула против РФ информационную кампанию [Электронный ресурс] // ТАСС: информационное агентство России. 2016 16 фев. URL: <http://tass.ru/politika/2672858>.

15. Розенбаум и Хоркина поздравили с 23 февраля российских военных в Сирии [Электронный ресурс] // РИА-Новости. 2016. 23 фев. URL: http://ria.ru/syria_chronicle/20160223/1379337225.html.

16. Сирийские повстанцы видят в атаках сил Асада и российской авиации угрозу перемирию [Электронный ресурс] // Reuters. Россия и страны СНГ. 2016. 29 фев. URL: <http://ru.reuters.com/article/topNews/idRUKCN0W20VA>.

17. Совет Безопасности ООН единогласно одобрил резолюцию о прекращении огня в Сирии [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций: официальный сайт. 2016. 26 фев. URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?newsID=25510#.VtQhoI9OI2w>.

18. *Шойгу С.К.* Доклад на расширенном заседании коллегии Министерства обороны Российской Федерации [Электронный ресурс] // Президент России: официальный сайт. 2015. 11 дек. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50913>.

19. Isachenkov V. Russian airstrikes in Syria welcomed by refugees [Electronic resource] // Associated Press. The Big Story, 2015, 23 oct. URL: <http://bigstory.ap.org/article/db037169c1244c958063c750199962a2/russian-lawmakers-visit-syria>.

20. Report on the human rights situation in Ukraine 15 December 2014 [Electronic resource] / Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights. URL: http://www.ohchr.org/Documents/Countries/UA/ONCHR_eighth_report_on_Ukraine.pdf.

Сведения об авторе

Дерешко Богдан Юльевич, кандидат юридических наук, доцент, генерал-майор внутренней службы, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института Министерства внутренних дел Российской Федерации по научной работе, соискатель 25 кафедры

(военной администрации, административного и финансового права) Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, Москва.

123995, Москва, ул. Поварская, д. 25.

Тел.: (916) 276-75-40.

E-mail: dbj2000@mail.ru

MORAL AND PSYCHOLOGICAL SUPPORT IN HYBRID WARFARE: THE LEGAL ASPECTS

Bogdan Y. DERESHKO

Abstract. The article discusses certain legal aspects of the moral and psychological support of combat operations in the modern hybrid warfare. Based on the moral and psychological support for the opposing parties to the armed conflict in the Syrian Arab Republic, which has been conducted since 2011, it proposes a number of measures to improve the legal framework of the moral and psychological support of combat operations.

Keywords: moral and psychological support; hostilities; hybrid warfare; legal framework

Information about the author

Dereshko Bogdan Yul'evich, Cand. Sc. (Law), Associate Professor, Major General of Internal Service, Deputy Head for Research of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Degree Applicant of Department 25 (military administration, administrative and financial law) of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation, Moscow.

25, Povarskaya Str., Moscow, 123995, Russian Federation.

Tel.: +7 (916) 276-75-40.

E-mail: dbj2000@mail.ru

ОБОРОНА ГОСУДАРСТВА КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ПРИЗМУ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ДОКУМЕНТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И США

В.Н. ПАНКРАТОВ,
кандидат технических наук, доцент,
доцент 25 кафедры (военной администрации,
административного и финансового права)
E-mail: v.pankratov@list.ru
Военный университет Министерства обороны
Российской Федерации, Москва

Аннотация. Объектом исследования является документ «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации». Предмет исследования – термин «оборона». Размышляя о национальных интересах и стратегических национальных приоритетах России, автор приходит к выводу о том, что укрепление обороны есть одно из основных средств достижения национальных интересов. Проводя сравнительный анализ основополагающих политико-правовых документов обеспечения национальной безопасности России и США и степень их реализации на практике, автор указывает на принципиальные различия в целеполагании стратегий и обосновывает утверждение о низкой эффективности американской стратегии сдерживания России в Европе.

Ключевые слова: политико-правовые документы обеспечения национальной безопасности; стратегические национальные приоритеты; оборона; стратегия; национальная безопасность; военный потенциал; принуждение к миру; вооружение

Документ «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» (далее – Стратегия России), утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 [2], в силу всеобщего вовлечения общества и государственных структур в важнейший процесс жизнеобеспечения страны вызывает заинтересованность не только отраслевых специалистов.

В процессе изучения документа возник вопрос, почему действие, обозначаемое термином *оборона*, является одновременно и первостепенным *национальным интересом*, и первым в ряду *стратегических национальных приоритетов*.

Принципиально замысел статьи заключается в поиске ответа на философский

вопрос: может ли цель являться одновременно и средством реализации предмета целеполагания, и насколько такая цель эффективна?

Применительно к контексту рассматриваемого документа речь идет о соотношении таких важнейших категорий современной политики и права, как *национальные интересы* и *оборона*.

Термин *национальные интересы* сравнительно молодой. Его нет в толковых словарях русского языка В.И. Даля [5] и С.И. Ожегова [6].

Чтобы осмыслить этот термин, рассмотрим, как классические русские словари трактуют включенные в него понятия *интерес* и *нация*.

ИНТЕРЕС, - м. франц. польза, выгода, прибыль; | проценты, рост на деньги; | сочувствие в ком или чем, участие, забота. | Занимательность или значение, важность дела. | донск. земская повинность? Интересный, корыстный; | занимательный, завлекательный, заманчивый или любопытный, возбуждающий участие; забавный. Интересность ж. свойство, принадлежность интересного, занимательность. Интересант м. своекорыстный человек, оберегающий только свои выгоды. Интересовать кого, занимать, возбуждать участие, забавлять или завлекать. -ся, кем или чем; принимать участие в ком или чем. (Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка) [5].

ИНТЕРЕС, -а, м. 1. Особое внимание к чему-н., желание вникнуть в суть, узнать, понять. Проявлять и. к делу. Утратить и. к собеседнику. Обостренный и. ко всему новому. 2. Занимательность, значительность. И. рассказа в его сюжете. Дело имеет общественный и. 3. мн. Нужды, потребности. Групповые интересы. Защищать свои интересы. Духовные интересы. Это не в на-

ших интересах. 4. Выгода, корысть (разг.). У него здесь свой и. Играть на и. (на деньги; устар.). * В интересах кого-чего, в знач. предлога с род. п. - для пользы кого-чего-н., удовлетворяя потребность кого-чего-н. в чем-н. Действовать в интересах дела. (Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка) [6].

ИНТЕРЕС, - (от лат. interest - имеет значение - важно), 1) в социологии - реальная причина социальных действий, лежащая в основе непосредственных побуждений - мотивов, идей и т. п. - участвующих в них индивидов, социальных групп, 2) В психологии - отношение личности к предмету как к чему-то для нее ценному, привлекательному. Содержание и характер интереса связаны как со строением и динамикой мотивов и потребностей человека, так и с характером форм и средств освоения действительности, которыми он владеет. (Большой Энциклопедический словарь) [4].

НАЦИЯ, -и, жен. 1. Исторически сложившаяся устойчивая общность людей, образующаяся в процессе формирования общности их территории, экономических связей, литературного языка, особенностей культуры и духовного облика. 2. В нек-рых сочетаниях: страна, государство. Организация Объединенных Наций. | прил. национальный, -ая, -ое. (Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка) [6].

Как видим, к ключевым словам, определяющим понятие *интерес*, относятся: *нужда, потребность, выгода, целесообразность, мотивация, устремление*. Понятие *нация* определяется словами: *историческая общность людей, страна, государство*.

Далее, посмотрим значение исследуемого термина в современных словарях.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ – общественно политический и психологический феномен, отражающий ценности национальной общности, служащие сохранению ее единства и целостности. (Энциклопедический словарь по психологии и педагогике) [11];

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ – категория, отражающая меру самосознания и самовыражения народа, характеристика общественного единства, политический принцип и социальное чувство. (Социология: Энциклопедия) [10];

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ – совокупность сбалансированных интересов личности, общества и государства в экономической, политической, социаль-

ной, международной, информационной, военной, пограничной, экологической и др. сферах. (Словарь терминов МЧС) [9];

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ – совокупность сбалансированных ориентиров и стимулов личности, фундаментальных потребностей, ценностей и устремлений общества и государства, служащих их благу и безопасности. (Пограничный словарь) [8].

Фиксируем внимание на новейшем определении из «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»: «национальные интересы Российской Федерации (далее – национальные интересы) – объективно значимые потребности личности, общества и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития» [2]. Перечень объективно значимых потребностей изложен в п. 30 Стратегии России [2]. Первая из них – обеспечение *обороны страны*.

Теперь рассмотрим понятие *стратегические национальные приоритеты*. Согласно определению (ст.6 Стратегии России) *национальный приоритет* – это направление обеспечения национальной безопасности. Стратегия называет девять направлений. Первым из этих направлений является *оборона*. Полагая, что смысл определения *стратегические национальные приоритеты* не изменится в случае замены слова *направление* на более конкретное – *средство*, можно сделать вывод: *оборона – главное средство обеспечения национальных интересов*.

Проясним еще одну деталь. Для этого рассмотрим понятия *безопасность* и *оборона*. Первое характеризует состояние многоуровневой системы, включающей в себя личность, общество, государство. Второе – структуру другой системы, являющейся подсистемой и имеющей название «система обеспечения безопасности». Федеральный закон «Об обороне» (п. 1 ст. 1) определяет эту систему следующим образом: «Под обороной понимается система политических, экономических, военных, социальных, правовых и иных мер по подготовке к вооруженной защите и вооруженная защита Российской Федерации, целостности и неприкосновенности ее территории» [1].

Выводы из сказанного:

1. Категория *оборона страны* входит как в *национальные интересы*, так и в *национальные приоритеты*.
2. Отчетливо обозначен *главный интерес – укрепление обороны*.
3. Среди *стратегических национальных*

приоритетов первым определена оборона.

4. *Национальный интерес* – это важнейшие потребности и цели государства.

5. *Стратегические национальные приоритеты* – это средства обеспечения самых значимых потребностей и средства достижения наиболее актуальных целей.

Последовательность рассуждений приводит к поставленному в начале статьи вопросу: логично ли средство обеспечения, каковым является оборона страны, считать основным национальным интересом?

Возможна другая постановка вопроса: насколько корректно считать подсистему под названием *оборона* главным национальным интересом, если задача такой подсистемы состоит в том, чтобы обеспечить устойчивость и безопасность многоуровневой системы «личность, общество, государство»?

Целесообразно заметить, что такой элемент, как *оборона страны*, выполняя важнейшую функцию в системе *национальной безопасности* большинства государств мира и являясь необходимым условием обеспечения безопасности, все же может и отсутствовать в отдельных субъектах международного права. Например, Швейцарию более надежно защищают банковская система и политика нейтралитета, нежели ее хорошо подготовленные вооруженные силы.

Для России же отсутствие такого элемента, как *оборона*, делает всю систему *безопасности* бессмысленной. Даже несведущий в хитросплетениях политики и дипломатии человек понимает роль, значение и место России в мировой диспозиции сил. Это место отстаивалось на протяжении веков и четко зафиксировано историей. Поэтому сегодня для обеспечения эффективного функционирования системы *обороны* разрабатывается План обороны Российской Федерации, формируются силы и средства, обосновываются принципы и методы обеспечения государственного суверенитета.

Кроме того, *оборона* входит в качестве базового элемента в систему *обеспечения национальной безопасности*, которая, согласно Стратегии России, «представляет собой совокупность осуществляющих реализацию государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности органов государственной власти и органов местного самоуправления и находящихся в их распоряжении инструментов» [2].

Системный анализ такой сложной проблемы, как соотношение *обороны* и *нацио-*

нальных интересов, предполагает сравнение систем, сопоставимых по потенциалу и занимающих противоположные позиции в моделях двух- или многополярного мира. Имеются в виду Россия и США. В данном случае нас интересуют общие воззрения официального Вашингтона на национальную безопасность, национальные интересы, цели и направления главных ударов.

Новейший документ Соединенных Штатов в сфере государственной безопасности – «Национальная военная стратегия США» (далее – Стратегия США), опубликованная в июне 2015 г., – характеризует стратегическую обстановку как сложную и изменчивую, формируемую глобализацией, распространением технологий и демографическими сдвигами [12].

Главный компонент американской Стратегии – Интегрированная военная стратегия – декларирует: «военная цель США – защитить нашу Nation и победить в наших войнах. Мы добиваемся этого с помощью военных операций по защите нашей Родины, глобального строительства безопасности, прогнозирования и решительных побед» [12].

Обратим внимание на термин «наши войны». Речь не идет о защите только территории суверена (как предусмотрено в Стратегии России [2]) – говорится о Nation, которая может находиться в условиях глобализации практически в любой точке мира. Речь не идет о таком формате, как «принуждение к миру» (что было осуществлено Россией 8–12 августа 2008 г. в целях прекращения широкомасштабной агрессии Грузии против Южной Осетии), – США нужна только победа. Речь не идет о сфере, ограниченной только площадью в 9 519 431 кв. км [13] – американцев интересует глобальное «строительство безопасности». В новой национальной военной стратегии США получает продолжение и закрепление девиз «Novus Ordo Seclorum» («новый порядок веков»).

Каковы же государственные интересы и устремления США?

В соответствии с американской Стратегией они подразделяются на *постоянные национальные интересы* и *интересы национальной безопасности* [12].

Постоянные национальные интересы США:

- безопасность Соединенных Штатов, их граждан, союзников и партнеров;
- сильная, инновационная и растущая американская экономика, действующая в открытой международной экономической системе, которая способствует появлению

благоприятных возможностей и процветанию;

- уважение универсальных ценностей внутри страны и во всем мире;
- международный порядок, основанный на праве и развитый американским лидерством, обеспечивающий мир, безопасность, и возможности через укрепление кооперации перед лицом глобальных вызовов.

Интересы национальной безопасности США:

- выживание Нации;
- предотвращение катастрофических атак на территорию США;
- безопасность глобальной экономической системы;
- безопасность, уверенность и надежность союзников;
- защита американских граждан за рубежом;
- защита и распространение универсальных ценностей.

В новом документе по национальной безопасности определены также национальные военные цели США [12]. Они немногочисленны, но всеобъемлющи:

- 1) сдерживание, предотвращение и разгром противников страны;
- 2) разрушение, подрыв и разгром радикальных экстремистских организаций;
- 3) усиление глобальной сети союзников и партнеров.

К противникам США отнесены:

1. Россия.
2. Иран.
3. КНДР.
4. КНР.

Итак, в двух моделях систем национальной безопасности есть одна общая черта и ряд принципиальных различий.

Общее заключается в доминировании военной составляющей. В России оборона выступает и как *отдельный национальный интерес*, и как *средство обеспечения всей совокупности национальных интересов*. В США военная безопасность возведена в ранг национальной стратегии.

Говоря о различиях, в первую очередь необходимо остановиться на их причинах.

Первая причина лежит в плоскости вопроса: кто кого опережает и кто кого догоняет? Формальность текущего опережения: опережают США, их Стратегия датируется июнем 2015 г. Россия догоняет: Стратегия – декабрь 2015 г.

Реальность сводится к тому, что после распада СССР его правопреемнику очень сложно – практически нереально соперничать с американцами на равных. Даже про-

стейший анализ потенциалов сторон это подтверждает.

Сравним два функционала: $X1 = F(\{S1 N1 V1 H1\})$ и $X2 = F(\{S2 N2 V2 H2\})$ где:

- S – площадь в млн кв. км;
- N – население (млн чел.);
- V – внутренний валовой продукт в трлн долл.;
- H – индекс развития человеческого потенциала.

Очевидно, что даже с учетом специфики коэффициентов при S, N, V, H математика на стороне $X1$, поскольку:

$$F1 \{9,5; 320; 17,4; 0,9\} > F2 \{17,1; 146; 3,5; 0,8\}$$

Хорошо понимавший законы математики и умевший их применять на практике артиллерийский генерал Наполеон Бонапарт утверждал в подобных дилеммах: «Большие батальоны имеют больше прав».

Одновременно с этим постулатом реплика Наполеона «Нельзя быть сильным во всем» требует от тех, кто хочет выстоять, быть достаточно сильным в «чем-то одном». Это «что-то одно» – к примеру, концентрация сил и средств на направлении главного удара – может оказать чрезвычайно важное воздействие на развития ситуации на конкретном театре военных действий. Ссылка на девиз А. Суворова «Воевать не числом, а умением», которая исторически была неоднократно подтверждена не только Ф. Ушаковым при Тендре [3] и П. Нахимовым при Синопе, оставляет шансы если не опровергнуть законы математики, то хотя бы обеспечить временный паритет в дистанционном противостоянии для стороны, обладающей меньшими математическими показателями потенциала.

Вторая особенность различий определена сущностным содержанием и стилем трактовки национальных интересов и задач.

США – претензия на глобальную гегемонию; четкое определение противников; жесткость в постановке целей и явно назидательный тон.

Россия – приверженность открытой внешней политике, ставящей во главу угла принципы международного права, взаимного уважения народов, их культур, традиций и интересов; отсутствие деления стран на хорошие и плохие, определения отдельных государств в числе врагов или угроз; намерение осуществлять оборону в пределах исторических территорий; дипломатичность.

В основе военной составляющей российской и американской Стратегий на-

ходится *вооружение*. Есть особенность в мотивах его наращивания. Если государство с недостаточными финансовыми ресурсами мотивирует производство оружия только одной целью – необходимостью обеспечить войска для отражения агрессии и решает минимаксную задачу, т.е. при минимуме затрат стремится достичь максимального эффекта, то богатое государство для обоснования активизации выпуска оружия располагает более обширными аргументами. Поэтому в целях разработки вооружений на новых физических принципах создает НИИ и лаборатории с концентрацией лучших умов нации и определяет эту деятельность как стратегическую задачу. Тратит деньги на гипотетическое оружие, эффективность которого еще не очевидна, но это – реальная перспектива развития вооружений, которая в силу недостаточной финансовой мощи другому государству пока недоступна, что, естественно, ведет к увеличению его технического отставания от геополитического соперника. Владея современными технологиями, выпускает передовые образцы и пытается монополизировать рынок оружия. Может даже позволить себе создавать вооружения для обеспечения занятости рабочих мест, утилизировать устаревающее с годами оружие или продавать его по демпинговым ценам.

И, что немаловажно, богатое государство часть средств тратит на обеспечение противодействия ближайшим конкурентам с целью держать гарантированно лидерскую дистанцию.

Решая задачи наращивания вооружений в ходе политического противостояния, для государства, испытывающего финансовые проблемы, предпочтительнее будет руководствоваться девизом «Лучше меньше, да лучше».

На практике его реализация выглядит следующим образом.

С 2006 г. США имеют замысел размещения элементов противоракетной обороны (ПРО) в Европе. Общие расходы по строительству ракетной базы в одной из стран Центрально-Восточной Европы, по данным газеты *The Washington Post*, составят от \$1,2 млрд до \$1,6 млрд. При этом Чехия размещает радары слежения, Польша готовит место под стартовые позиции комплексов противоракет.

Сегодня главным российским козырем против ЕвроПРО являются находящиеся на боевом дежурстве стратегические ракетные комплексы Р-36М2 «Воевода» (15П018М) с многоцелевой межконтинен-

тальной ракетой тяжелого класса 15А18М (по классификации США и НАТО – SS-18 «Сатана») [7]. РВСН России на 2015 г. располагают 75 БРК, оснащенных этими ракетами (они имеют 750 ядерных боезарядов). Доработанная 15А18М способна нести платформы с несколькими десятками (от 20 до 36) ядерных РГЧ индивидуального наведения, а также маневрирующие головные части. Р-36М2 несут дежурство в сверхзащищенных шахтных пусковых установках, обладающих стойкостью к воздействию ударной волны на уровне около 50 МПа (500 кг/кв. см). В конструкцию Р-36М2 заложена способность стартовать непосредственно в период массированного ядерного воздействия противника по позиционному району и блокировки позиционного района высотными ядерными взрывами. Ракета имеет наивысшую из МБР стойкость к поражающим факторам ядерного взрыва [7].

В настоящее время успешно эксплуатируется ракета-носитель «Днепр» – незначительно доработанная российская межконтинентальная баллистическая ракета семейства Р-36М. Стоимость запуска одной такой ракеты-носителя находится в пределах 20–30 млн долл.

Имеем в итоге: при высоких затратах на гипотетически перспективную систему вооружений, состоящую из станций слежения и стартовых комплексов противоракет, европейские партнеры США получают в ответ проверенный практикой эффективный комплекс уничтожения со стороны России.

Соотношение эффективность–стоимость не в пользу ПРО США. Время развертывания, количество пусковых установок противоракет, разброс стартовых позиций, совершенство технологических решений системы ПРО США компенсируется повышенной мощностью боевых блоков, эффективной системой преодоления ПРО, низкой стоимостью МБР России. По оценкам автора, денежное выражение соотношения затрат на поддержание военно-технического противостояния составит 8:1.

Но самым веским ответом России на развертывание американской системы ПРО в Европе является намерение развивать ударные системы, способные преодолевать любые комплексы противоракетной обороны.

Это дает основание сформулировать главный итог сравнительного анализа основополагающих политико-правовых документов Российской Федерации и США

в сфере обеспечения национальной безопасности и их практической реализации: навязать России свою стратегию экономического разорения, как это было в недавнем прошлом, Соединенным Штатам уже не удастся.

Список литературы

1. Об обороне: Федеральный закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ [Электронный ресурс] // Российская газета: интернет-портал. 1996. 6 июня. URL: <http://www.rg.ru/1996/06/06/oborona-dok.html>.

2. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 [Электронный ресурс] // Российская газета: интернет-портал. 2015. 31 дек. URL: <http://www.rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>.

3. Аммон Г.А. Морские памятные даты. М.: Воениздат, 1987. 398 с.

4. Большой Энциклопедический словарь / ред. А.М. Прохоров. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. 1456 с.

5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. [Электронный ресурс]. ИДДК, 2004. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: ИТИ Технологии, 2008. 944 с.

7. Оружие России. М.: Издательский дом «Военный парад», 2000. 824 с.

8. Пограничный словарь. М.: Академия Федеральной ПС РФ, 2002. 260 с.

9. Словарь терминов МЧС. 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://enc-dic.com/mchs/Chs-2319>.

10. Социология: Энциклопедия / сост. А.А. Грицанов, В.Л.Абушенко, Г.М. Евелькин [и др.]. Мн.: Книжный дом, 2003. 1312 с.

11. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике [Электронный ресурс]. URL: http://psychology_pedagogy.academic.ru/.

12. The National Military Strategy of the United States of America 2015. URL: http://www.jcs.mil/portals/36/documents/publications/2015_national_military_strategy.pdf.

13. The world factbook 2014. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/bk.html>

25 кафедры (военной администрации, административного и финансового права) Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, Москва.

111033, Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4. Тел.: (915) 319-19-00.

E-mail: v.pankratov@list.ru

NATIONAL DEFENSE AS A MEANS TO SECURE NATIONAL INTERESTS: A VIEW THROUGH THE PRISM OF STRATEGIC POLITICAL AND LEGAL DOCUMENTS OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE USA

Vladimir N. PANKRATOV

Abstract. The National Security Strategy has become an object of this study, while the subject is the concept of 'defense'. While considering Russian national interests and strategic priorities, the author recognizes the strengthening of the defense as a major means to secure national interests. Upon conducting a comparative analysis of Russian and US strategic political and legal documents on the national security and the extent of their practical implementation, it highlights fundamental differences in the goal-setting of the two strategies and attempts to substantiate low efficiency of the US containment strategy towards Russia in Europe.

Keywords: political and legal documents on the national security; national strategic priorities; defense; strategy; national security; military capability; peace enforcement; weapons

Information about the author

Pankratov Vladimir Nikolaevich, *Cand. Sc. (Technical)*, Associate Professor, Associate Professor of Department 25 (military administration, administrative and financial law) of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation, Moscow. 3/4, Volochaevskaya Str., Moscow, 111033, Russian Federation.

Tel.: +7 (915) 319-19-00.

E-mail: v.pankratov@list.ru

Сведения об авторе

Панкратов Владимир Николаевич, кандидат технических наук, доцент, доцент

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ

О.В. ДАМАСКИН,

*доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин*

E-mail: dow39@mail.ru

**Московский пограничный институт
Федеральной службы безопасности
Российской Федерации**

Аннотация. В статье рассматриваются потребности и возможности повышения качества профессиональной подготовки сил безопасности в деятельности по противодействию терроризму в интересах обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова: терроризм; экстремизм; силы безопасности; профессиональная подготовка; национальная безопасность

Обзор современной ситуации в связи с деятельностью террористических групп позволяет констатировать их нарастающую готовность применять насилие к незащищенным мирным гражданам. Характерным при этом является отсутствие деклараций о мотивах и целях насильственных действий. Такая анонимность, очевидно, подразумевает стремление затруднить расследование возбуждаемых уголовных дел, обеспечить сокрытие причастных лиц и особенно организаторов.

Между тем криминологический анализ позволяет выявить особое стратегическое и тактическое поведение при подготовке, проведении терактов и последующих действий. Обнаружение структур подпольной сети позволило раскрыть интернациональные связи террористических организаций с субъектами других видов криминальной деятельности, включая организованную преступность. Это находит свое выражение в финансировании террористических актов, отмывании и перемещении денег, экономических и финансовых преступлениях, торговле наркотиками, оружием и людьми, вымогательстве, насилии, убийствах. Подпольные действия террористов обеспечиваются специальными лагерями подготовки, конспиративными квартирами и связью, фальшивыми документами.

Абсолютная готовность организаторов

террористических актов к применению насилия, сочетание религиозного фундаментализма и политизированной антироссийской идеологии представляют очевидную угрозу российскому обществу [1].

Отмечаются признаки возможной интеграции общеуголовной организованной преступности и преступности террористического характера. Об этом свидетельствуют результаты анализа материалов следственной и судебной практики, а также результаты анкетирования 1144 работников органов прокуратуры и Следственного комитета Российской Федерации [3].

Больше половины респондентов (62%) утвердительно ответили на вопрос: «Возможно ли объединение лидеров криминальной среды и лиц, осужденных за террористические преступления и выступление против администрации?» При этом интеграционные процессы могут оказать влияние на трансформацию структуры самой организованной преступности вследствие занятия в ней лидирующих позиций лицами, принимающими участие в террористической деятельности либо использующими практику террора для достижения поставленных целей.

Отмечается распространение, с использованием сети Интернет, идей национального, религиозного и расового превосходства, размещение видеороликов и других материалов экстремистского характера. В ряде регионов Интернет используется для оповещения и координации участников несанкционированных массовых мероприятий. При этом выявление лиц, совершающих такие правонарушения, их изобличение и привлечение к ответственности затруднено несовершенством нормативной правовой базы, факти-

ческой анонимностью пользователей сети и размещением провокационных сайтов преимущественно за пределами юрисдикции российских правоохранительных органов.

Анализ современной ситуации показывает, что совершаемые теракты, как правило, ориентированы на неопределенно широкий круг лиц, а потерпевшими становятся случайные люди. Таким образом, организаторами терактов минимизируется персонифицированный подход при выборе объекта посягательства, сохраняются возможности для конфиденциальных компромиссов с коррумпированными представителями отдельных структур органов государственной власти и управления.

Деятельность полиции и специальных служб, судя по результатам предпринимаемых ими усилий, в сопоставлении с их численностью, активностью и соответствующими общественными инвестициями, вызывает сомнение в эффективности осуществляемых подходов к решению рассматриваемой проблемы. В связи с этим вопрос о качестве работы правоохранительных органов становится все более важным. Утверждение, что увеличение количества сотрудников является эквивалентом лучшего контроля преступности и повышения безопасности общества, очевидно, не соответствует действительности.

Явная ориентация сил и средств органов обеспечения общественной безопасности преимущественно на присутствие при проведении мирных демонстраций граждан, спортивных состязаний, прибытии крупных руководителей не способствует удовлетворению потребности общества в защите от преступности. Цена, которую обществу приходится платить за это, весьма высока, а ее социальная и политическая рентабельность небесспорна.

Необходим системный подход к разрешению потенциальных конфликтов национального и международного уровня. Это вызывает необходимость интеграции политических, социальных, культурных, экономических усилий, направленных на повышение уровня защищенности граждан от криминальных и террористических угроз. При этом возрастают роль и значение сил безопасности как важнейшего ин-

струмента правоохранительной политики высших органов государственной власти и управления в процессе реализации задач по совершенствованию комплексного подхода к организации противодействию преступности, экстремизму, терроризму и достижению в этой сфере эффективных результатов, адекватных целям антикриминальной и антитеррористической деятельности.

Признание социальной природы преступности указывает на то, что ее динамика и структура обусловлены развитием общественных отношений, интенсивностью и характером общественных противоречий.

К противоречиям, воздействующим на конкретный уровень и характер общественных отношений, а также на поведение людей, в современных условиях относятся:

- противоречия, вызванные объективными и субъективными трудностями, вследствие чего происходит резкая дифференциация доходов, приостанавливается или откладывается удовлетворение жизненно важных потребностей широкого круга граждан;

- противоречия, возникающие как следствие установления частной собственности, ее передела, недостатков, имеющих место в организации общественной жизни, труда, распределения и социальной защиты лиц, в ней нуждающихся;

- противоречия между личными желаниями и общественными потребностями.

В связи с этим важнейшими факторами успеха в противодействии преступности, включая терроризм, становятся мероприятия, направленные на решение жизненно важных экономических и социальных проблем, ориентированных на повышение качества жизни, культуры, образования, здравоохранения, экономического и социального уровня, включая сферу государственной гражданской, правоохранительной и военной службы.

Современная законодательная практика внесения многочисленных, порой весьма противоречивых изменений в действующее уголовное законодательство в значительной степени связана с игнорированием криминологических аспектов формирования уголовной политики, что ведет к негативным последствиям право-

применительной деятельности. Поэтому системные криминологические исследования и прогнозы представляются необходимой составной частью планируемой борьбы с преступностью и терроризмом, формирования и реализации научно обоснованной и эффективной уголовной политики. Это особенно необходимо для центральных органов, определяющих концепцию и стратегию комплексного подхода к противодействию преступности. Такая информация должна отвечать на вопрос о том, какого развития преступности можно ожидать, какие изменения могут произойти в ее структуре в связи с эволюцией общества и с осуществлением конкретных мероприятий, проводимых в соответствии с положениями уголовной политики.

Эмпирической базой криминологических исследований в рассматриваемой сфере может и должен стать системный мониторинг профессионального и общественного мнения относительно состояния законотворческой и правоприменительной деятельности в сфере формирования и осуществления социально ориентированной уголовной политики в интересах законопослушного большинства общества [2].

В поле зрения криминологической науки должны находиться так называемые «фоновые» явления, которые создают питательную среду для преступности и терроризма. К ним относятся наркомания, алкоголизм и некоторые другие. Научное обеспечение предупреждения правонарушений должно учитывать особенности их причинной обусловленности на современном этапе строительства российского государства. Среди таких факторов следует отметить:

- обострение социально-экономических и внутривнутриполитических противоречий;
- идеологическое расслоение общества, утрату частью населения политического и мировоззренческого ориентиров;
- конфликтность межнациональных отношений;
- рост наркомании, пьянства, проституции;
- проявления агрессии, экстремизма;
- активное развитие корыстной мотивации, стяжательной ориентации;
- деградацию социального контроля, в

том числе в деятельности органов власти, правоохранительных органов;

- рост молодежной преступности;
- организованную преступность;
- коррупцию.

Актуализируется проблема связи совершаемых актов терроризма с религиозными группами и индивидами, провозглашающими правомерность террора в борьбе за достижение политических и религиозных целей. Спектр террористических актов, сопряженных с религиозной мотивацией, образует специфическую категорию религиозного терроризма.

Религиозный терроризм характеризуется доминированием фактической или демонстративной религиозной мотивации планируемых и совершаемых терактов.

Среди потрясающих современный мир многочисленных негативных явлений, несовместимых с принципами гуманизма и прогрессивными идеалами нынешней цивилизации, заметное место занимают экстремизм и терроризм, выступающие в облачениях ислама. За последние десятилетия в мире, включая Россию, под исламистскими лозунгами совершено множество поражающих своей жестокостью кровавых акций, направленных на запугивание населения и шантаж органов государственной власти и управления. Силовые структуры России ежегодно предотвращают десятки терактов и обезвреживают выявляемые организации исламистских террористов.

Очевидно, что для повышения результативности этой борьбы необходимо вооружиться конкретными знаниями о тех социально-мировоззренческих истоках, которые питают современные формы мусульманского экстремизма и терроризма. Незнание или игнорирование их ведет к существенным просчетам в теории и практике противодействия этому злу.

Основные факторы социально-мировоззренческой ориентации, дающие ключ к пониманию проблемы идейной основы исламистского терроризма, сводятся к следующему:

- экстремистские и террористические акты не имеют ничего общего с вероучением ислама и его высокоморальными принципами;
- антигуманные акции есть эпизоди-

ческие проявления отдельных элементов, использующих ислам как ширму для своих амбициозных целей;

– классический ислам не содержит аморальных принципов, которыми руководствуются современные асоциально-мусульманские элементы;

– ислам не содержит никаких антипрогрессивных идей и находится в полной гармонии с интересами мира, прогресса и гуманизма;

– ислам в целом не может нести ответственности за деяния отдельных лиц, фактически действующих вне руслу религии ислама.

Однако нельзя забывать о том, что эти утверждения в ряде случаев используются для сокрытия целей укрепления позиций ислама в мире, отведения от него критики со стороны общественности.

Следует признать: любая религиозная система в своем содержании имеет конкурентное отношение к другим религиям. Это отношение, приобретающее подчас гипертрофированные формы, может экстраполироваться на целые сообщества, находящиеся вне данного религиозного культа.

Справедливости ради необходимо отметить, что и другие религии, лежащие в основе обеспечения влияния на людей, в целях идейного властвования над ними прибегали к насилию, принуждению, выражавшимся в массовом уничтожении «иноверцев». Походы европейских христианских крестоносцев, уничтожение «язычников» при колонизации Африки, Америки – красноречивое тому подтверждение. Таким образом, ислам в этом объективно-закономерном процессе не является исключением.

Характерные особенности и цели религиозного терроризма вытекают из его смещения с национальным конфликтом, являются результатом смеси национализма и религии, идеологии и религии. Эта смесь религиозных и политических элементов выражается в различных формах.

В некоторых случаях мы наблюдаем применение «политической» теории и «политических» методов к религиозным проблемам (в форме терроризма). В других случаях происходит противоположное (в форме терроризма): религиозная теория и методы вместе с религиозной риторикой

применяются к политическим проблемам (в форме терроризма). В любом случае политика и религия используются для того, чтобы оправдать насилие. Эти случаи могут претерпевать трансформации, когда религиозный характер группы усиливается, а политический, следовательно, идет на убыль, и наоборот.

Группа может усиливать или ослаблять религиозный характер применяемых мер в связи с изменением обстановки или своей численности. Например, в отношении исламского движения Узбекистана, получающего финансовую поддержку из Ирана, Пакистана, Саудовской Аравии и Турции, утверждается, что оно изменило направленность деятельности, перешло от борьбы с несправедливостью внутри страны к подстрекательству исламских экстремистов к глобальному джихаду [7, с. 267]. Подобные смены ориентиров, кстати, не всегда приветствуются членами религиозных организаций: в частности, имеются свидетельства появления разочарования у кашмирских боевиков в связи с тем, что религиозная борьба, в которой они участвуют, стала вестись в интересах Пакистана. [7, с. 134–137].

Трансформация – одна из наиболее важных особенностей религиозных террористических групп. Поэтому надо пристально следить за изменениями форм проявления и направленности их активности.

В числе подлежащих решению проблем в данном аспекте следует выделить фиксацию процесса пересечения группами границы между секулярной и религиозной деятельностью, который многие аналитики считают также важнейшим шагом при определении размеров отдельной группы и масштабов ее деятельности.

С помощью непосредственного наблюдения необходимо выявлять тенденции к превращению религиозных групп в опасные, применяющие насилие террористические ячейки. Своевременно обнаруживать перегруппировку задач или средств их деятельности, влияющих на наступление опасных последствий.

В природе религиозного терроризма имеются различия, зависящие от районов, в которых он осуществляет свою деятельность. Некоторые аналитики проявляют большой интерес к изучению этого фено-

мена, применяя различные методы с учетом географической местности, где действуют религиозные группы.

Можно также произвести разграничение, отделив «религиозные» особенности террористических групп от их «секулярных» особенностей.

Религиозный терроризм и секулярный терроризм имеют различные системы ценностей, механизмы оправдания своих действий и концепции морали. Для религиозных террористов насилие является божественным долгом. Такое насилие, по их убеждению, является оправданным и необходимым с моральной точки зрения. Это дает основания для проведения широкой дискуссии относительно того, правомерно ли характеризовать акции некоторых групп как террористические или нет. Например, Эспозито полагает, что можно провести различие между исламским терроризмом и исламской деятельностью, когда мы говорим, например, о «ХАМАС» или «Хезболле» [4].

Характерными особенностями религиозного терроризма являются:

- повышенная религиозная мотивация;
- искренняя преданность своей религии;
- идентификация себя с исполнителем религиозной миссии, а не теракта;
- отнесение себя к избранным, ожидающим награду непосредственно от своего бога;
- четкое определение врага;
- использование простого, метафорического языка, с использованием библейских образов;
- преемственность традиций и соответствующих связей.

Важную теоретическое и практическое значение имеет проблема превращения молодых людей в религиозных террористов. Почему юноши и девушки становятся на путь террора, будучи просто приверженцами своей религии? Фукуяма считает, что возрождение религии связано с безличностью и духовным вакуумом либеральных потребительских обществ [5, с. 14]. В значительной мере практика подтверждает подверженность таким реакциям отдельной части молодежи с несформированными убеждениями, ограниченным жизненным опытом, неокрепшей психикой.

Целенаправленная психологическая

обработка молодых людей, как правило, сопряжена с применением простого, метафорического, образного языка, успокаивающего с помощью формирования доступных и находящих отклик представлений об обществе, о судьбе, о мире, друзьях и врагах. Язык террористов полон повторяющихся формул и самогипнотических медитаций, которые направлены на понижение способности к самостоятельному индивидуальному суждению.

Такие характерные черты, как личный выбор и искренняя преданность, трансформируются в фанатизм, экзальтацию, стремление стать центром внимания, усиливаемые ощущением таинственности, конспирации, своей значительности, укрепляющими их экзотерическое измерение.

Главное состоит в том, что терроризм становится смыслом существования человека как долга перед богом и получения от бога награды. Психологический механизм становления потенциального террориста – это путь от заниженной самооценки, неуверенности к эмоционально окрашенной религиозной вере, необходимости исполнения воли бога на основе имевшейся и гипертрофически усиленной склонности к риску.

Террористов набирают среди тех, кто ощущает себя отчужденным в культурном, социальном или политическом отношении, бессильным повлиять на дела общества в конкретных жизненных ситуациях.

Религиозные террористы не считают себя террористами: с их точки зрения, они применяют насилие, чтобы выполнить то, что рассматривается ими как «обязанность, которой пренебрегли» в рамках традиционной религии.

Представляется, что в основе стратегии религиозного терроризма лежит внешне рациональная логика, которая с количественной и качественной точки зрения вызывает ассоциацию с целью демонстрации уязвимости и слабых позиций врага.

Качественная направленность религиозного терроризма состоит в нападении на символы культуры, представляющие ценности врага, чтобы вызвать кризис на уровне системы ценностей.

Количественная направленность религиозного терроризма состоит в активной демонстрации своей силы нападениями, чтобы психологически вызвать массовый

ужас и дисбаланс на всех уровнях отношений и деятельности.

Склонность к более высокому уровню насилия и тщательный выбор целей, которые оказывают значительное влияние на население, становятся причинами роста религиозного терроризма. Однако в связи с ограниченностью доступа к оружию массового поражения гипотетический риск апокалипсических разрушений пока не предполагается.

Внутренний баланс в мусульманском мире на политическом и социальном уровнях, свидетельствует о том, что большинство мусульманских стран не будут оказывать полной поддержки террористам.

Отрезвляющий эффект произвели авиационные удары Воздушно-космических сил России по объектам террористов в Сирии. Вместе с тем деятельность Исламского государства (ИГИЛ), массовое перемещение мусульман в Европу остаются факторами, дестабилизирующими международную безопасность и обуславливающими противодействие беженцам, нарушающим правила поведения европейского общества.

Религиозный терроризм демонстрирует активное стремление к быстрому обновлению и способность адаптироваться к новым сценариям деятельности, которую обеспечивает его значительная гибкость и выживаемость. В настоящее время он характеризуется глобальной активностью, основывающейся на сетевых организациях, не обязательно организуемых в иерархическую структуру, однако способных осуществлять много контактов и широко распространять свое влияние, возможностях доступа к большим ресурсам, технологиям, коммуникациям, финансам, что может способствовать и доступу к оружию, от химического до массового поражения.

Рассмотрение проблем идентификации религиозных террористов на основе обзора суждений экспертов по терроризму дает возможность выделить ряд характерных признаков опасной религиозной группы:

- апокалипсическое мышление и представление о том, что мир приближается к своему концу и что истинно верующие смогут насладиться желаемыми наградами в момент конца;

- харизматическое руководство, где

лидер осуществляет власть над последователями религиозного экстремизма в духовной, эмоциональной и сексуальной сферах;

- демонизация и остракизм аутсайдеров, сопровождающиеся намеренной изоляцией в рамках замкнутого сообщества;

- организация вооружения, о чем обычно свидетельствует складирование оружия, ядов или оружия массового поражения.

При этом, по мнению большинства экспертов, доминирующим признаком опасности является апокалипсическое мышление [6; 8].

Обзор практики позволяет констатировать, что противодействие религиозному терроризму имеет свои особенности, как правило, в ситуациях, исключая ответственность силовых или дипломатических усилий.

Единая теория противодействия террористам, как и единый подход к налаживанию взаимодействия между силовыми структурами, обществом, церковью в борьбе с религиозным терроризмом, до настоящего времени отсутствуют. Так, контртеррористическая стратегия США опирается на устрашение и истощение, исходя из концепции, согласно которой для успешной борьбы с религиозным терроризмом необходимо принять тот же язык, что и террористы. Постоянные ссылки на такие фундаментальные ценности, как свобода и справедливость, завели столь далеко, что борьбу с терроризмом американцы стали называть новым крестовым походом. В отличие от США, контртеррористическая стратегия стран Европейского союза основывается на переговорах, финансовых и судебных мерах. Но и эти меры оказываются недостаточными, поскольку в них не учитывается этический компонент религиозного терроризма.

Основная проблема состоит в уточнении и конкретизации потребностей и поиске адекватных возможностей противодействия религиозному терроризму, обоснования действенного механизма контртеррористической деятельности.

Изменения в антитеррористических подходах уже происходят в некоторых странах. Так, в Италии обновленное судебное определение терроризма позволяет расширить рамки этого понятия до вклю-

чения в него такого аспекта, как привитие моральных ценностей и принципов. Если насаждаемые террористами учения попадают под категорию «теория террора», то в этом случае могут быть приняты адекватные правовые меры.

Разумеется, на практике это весьма деликатная ситуация, поскольку арестовывать религиозного проповедника за тезисы, которые он внушает людям, в современных демократических обществах недопустимо без убедительных доказательств, что проповедуемое учение имеет структурированное подрывное содержание.

Часть гражданского общества европейских стран осуждает такой подход как вторжение в частную жизнь, способ слежки за гражданами. Подобная «толерантность» приводит к плачевным результатам. Отсутствие консолидированной антитеррористической позиции гражданских обществ в ЕС создало предпосылки для громких террористических актов с религиозной мотивацией во Франции, Швеции, других странах.

Вывод напрашивается сам собой: правоохранительные органы, полиция и службы безопасности должны ускорить процесс криминологического обоснования эффективных правовых мер противодействия религиозному терроризму, обмена опытом сотрудничества и взаимодействия. Значительная роль в этом процессе принадлежит традиционным религиозным организациям, их международным связям, наработанным в ходе противодействия ИГИЛ и другим экстремистским и террористическим организациям.

Представляется необходимой и неотложной организацией системы целенаправленного комплексного позитивного воздействия на умы молодежи, формирование ее конструктивной социальной ориентации, способной противостоять стратегии вербовки потенциальных смертников в ряды религиозных экстремистов и террористов.

Следует интенсифицировать научную разработку криминологических причин предрасположенности к терроризму со стороны части молодежи в психологической, социальной, экономической сферах.

Необходимо признать как гипотезу, что эта предрасположенность является

результатом ощущения отчуждения, бесперспективности, чувства одиночества, социальной изоляции, незнания путей выхода из критической ситуации и может быть преодолена путем позитивного сотрудничества, социальной адаптации.

Нужно найти новые возможности для социальной интеграции, преодоления отчужденности, адекватные потребностям и ожиданиям нашего времени. Это позволит применить наиболее эффективную стратегию противодействия вербовке потенциальных террористов.

Если мы действительно желаем сохранить нашу молодежь и улучшить ее жизнь, следует заострить внимание на необходимости масштабных правительственных решений, отвечающих жизненно важным интересам нашего общества и национальной безопасности России. Эта совокупность основных интересов личности, общества и государства определяет национальные интересы России в области экономики, во внутривластной, международной, оборонной и информационной сферах, в социальной области, духовной жизни и культуре. Содержание этого процесса нуждается в адекватной юридической форме, а также в специальных правовых средствах защиты, обеспечиваемых государством в интересах личности и общества.

Противодействие подготовке и проведению террористических актов является задачей правоохранительных органов и спецслужб. Попытка некомпетентного участия в этом аморфной общественности, как показывает опыт Беслана, усугубляет растерянность и неорганизованность действий власти. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ), усложняющее работу правоохранительных органов, стало весьма распространенным, хотя квалифицируется как преступление.

Разработка эффективных мер противодействия терроризму предполагает квалифицированное использование возможностей законопослушной части общества с реализацией правовых, политических, социальных, экономических, идеологических, административных и воспитательных методов, учитывающих специфику регионов страны. В частности, предполагаются необходимыми:

– комплексный контроль миграционных потоков, их количественная и качествен-

ная характеристика, системный контроль криминогенных факторов и криминальной обстановки;

- разработка комплекса мер по предупреждению и пресечению террористических проявлений на объектах транспорта, энергетики и связи, в местах массового пребывания людей, в образовательных и медицинских учреждениях;

- создание условий, способствующих участию граждан и их объединений в предупреждении террористических проявлений;

- внесение предложений, направленных на выработку новых подходов к организации деятельности правоохранительных органов с учетом проведения мероприятий в рамках административной реформы;

- принятие мер по усилению контроля миграции населения, включая миграцию иностранных граждан, лиц без гражданства и нелегальную миграцию;

- разработка комплекса мер по улучшению охраны объектов жизнеобеспечения, здравоохранения, образования, с выделением денежных средств на содержание охранной службы этих объектов;

- организация контроля деятельности духовных образовательных учреждений, установление солидарной ответственности религиозных и иных общественных организаций за противоправное поведение членов этих организаций;

- разработку и контролируемое осуществление программ социально-экономического развития Южного федерального округа, снижения конфликтности на Северном Кавказе.

Проводимые антитеррористические мероприятия должны быть тщательно разработанными и пропорциональными возникающим угрозам. Поэтому подготовку правоохранительных органов и спецслужб, всю антитеррористическую деятельность необходимо осуществлять на основе вскрытия причин, порождающих терроризм, совершенствования политики государственного противодействия ему как социально-политическому явлению, согласованности усилий силовых структур и гражданского общества.

Силы безопасности призваны бороться с преступлениями против конституционных норм и предотвращать их, обеспечивать внутреннюю безопасность, защиту

от шпионажа, экстремизма и терроризма. Качественная подготовка сотрудников является необходимым условием успешности их деятельности. Специализированные квалификационные мероприятия должны сочетаться с профессиональными требованиями на управленческом и оперативном уровнях, отражаться на качестве организации и осуществлении процесса борьбы с экстремизмом и терроризмом. Это позволит эффективно учитывать в ходе планирования, подготовки и проведения антитеррористических мероприятий:

- потенциальные возможности управленческого аппарата;

- знания, умения и навыки сотрудников правоохранительных органов и спецслужб;

- уровень взаимодействия силовых структур и негосударственных организаций;

- уровень общественной поддержки антитеррора;

- качество выполнения, эффективность и результативность решаемых задач.

Такой подход актуализирует ориентированную на специализированное профессиональное развитие и основывающуюся на стимулировании, регулировании и коррекции концепцию обучения, включающую в себя:

- потребности и требования деятельности;

- анализ запросов и требований квалификации;

- анализ существующей и необходимой квалификации;

- концепцию квалификации и осуществление квалификационных мероприятий;

- передачу необходимых знаний, их оценку и систему обратной связи.

Квалификационные мероприятия должны охватывать основные вопросы предупреждения и пресечения экстремизма и терроризма на современном уровне научных знаний и потребностей практики.

В содержание обучения необходимо включить:

- криминологические аспекты;

- социальные и политические науки;

- межкультурные отношения;

- ситуативный анализ и разведку;

- юриспруденцию;

- прикладные криминалистические дисциплины;

- направления контроля преступности

путем предупреждения, пресечения;

- финансовые расследования, в том числе противоправных деяний, связанных с отмыванием денег;
- сотрудничество со службами безопасности;
- международное сотрудничество;
- применение технических и архивных материалов;
- тактику и технологию негласного надзора;
- систему и логику следствия, документацию юридических операций;
- порядок действий в прокуратуре и суде;
- качественные требования;
- поведенческое обучение: коммуникацию, методику общения, опроса свидетелей, боевые искусства, владение специальной техникой.

Таким образом, система повышения профессиональной квалификации должна стать необходимой частью процесса непрерывной оптимизации деятельности сотрудников правоохранительных органов и спецслужб. Обучение и практическую подготовку необходимо ориентировать на специфику контингента обучаемых и ожидаемые результаты обучения. А в целом концепция обучения должна отвечать высоким требованиям, предъявляемым к работе сил безопасности в интересах надежной защиты России от внешних и внутренних угроз.

Список литературы

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 [Электронный ресурс] // Российская газета: интернет-портал. 2015. 31 дек. URL: <http://www.rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>.
2. Основы государственной политики России в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан. Российская газета. 2011. 14 июля.
3. Состояние законности и правопорядка в Российской Федерации и работа органов прокуратуры. 2012 год: информационно-аналитическая записка / под общ. ред. ректора Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации д-ра юрид. наук, проф. О.С. Капинус. М., 2013. 343 с.
4. Esposito J. The Islamik Threat: Myth or

- Reality? NY Oxford Univ. Press, 1999, 243 p.
5. Fukuyama F. The End of History? The National Interest, Summer 1989, p. 14.
 6. Lewy G. Religion and Revolution. NY, Oxford Univ. Press, 1974, 694 p.
 7. Stern J. Terror in The Name of God: Why Religious Militants Kill. New York, Ecco, 2003, 368 p.
 8. White J. Terrorism: An Introduction. Belmont, CA, Wadsworth, 2002, 345 p.

Сведения об авторе

Дамаскин Олег Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Московского пограничного института Федеральной службы безопасности Российской Федерации. 129328, Москва, ул. Осташковская, 15. E-mail: dow39@mail.ru

TOPICAL ISSUES ON THE ORGANIZATION OF COUNTERACTING TO TERRORISM

Oleg V. DAMASKIN

Abstract. The article discusses the requirements and possibilities to improve security forces vocational training to counteract terrorism activities in order to provide national security.

Keywords: terrorism; extremism; security forces; vocational training; national security

Information about the author

Damaskin Oleg Valer'evich, Dr. Sc. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of Moscow Boundary Institute of the Federal Security Service of the Russian Federation. 15, Ostashkovskaya Str., Moscow, 129328, Russian Federation. E-mail: dow39@mail.ru

О РЕАЛИЗАЦИИ ВОЕННЫМИ ПРОКУРОРАМИ ПОЛНОМОЧИЙ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ ПО ИСТРЕБОВАНИЮ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА ИЗ ЧУЖОГО НЕЗАКОННОГО ВЛАДЕНИЯ

К.С. ЛИХОВИДОВ,
доктор юридических наук, доцент,
заместитель начальника 3 отдела
4 управления Главной военной
прокуратуры, Москва
E-mail: LKS-doc@mail.ru

Аннотация. Автор исследует в статье практику реализации военными прокурорами установленных законодательством полномочий по обращению в арбитражный суд с исками об истребовании из чужого незаконного владения федеральной собственности, находящейся в пользовании поднадзорных военной прокуратуре федеральных органов исполнительной власти, в которых законом предусмотрена военная служба.

Ключевые слова: арбитражный процесс; истребование государственного имущества; полномочия военного прокурора в арбитражном процессе; виндикационный иск

Работа военных прокуроров по отстаиванию в арбитражных судах экономических интересов государства направлена на устранение выявленных нарушений законодательства, регламентирующего сохранность федерального имущества, восстановление прав и интересов государства по владению, пользованию и распоряжению государственной собственностью, закрепленной за воинскими частями, организациями и учреждениями Минобороны России и других федеральных органов государственной власти, в которых предусмотрена военная служба [9; 17; 20; 23; 25].

В целях обеспечения защиты государственной и муниципальной собственности от различных посягательств Федеральным законом от 28.06.2014 № 186-ФЗ ч. 1 ст. 52 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (АПК РФ) дополнена положениями, устанавливающими полномочия прокурора по обращению в арбитражный суд с иском об истребовании государственного и муниципального имущества из чужого незаконного владения [12]. Правами по реализации указан-

ных полномочий Генеральный прокурор Российской Федерации, его заместители, прокуроры территориальных и специализированных прокуратур, в том числе военные прокуроры округов (флотов) и их заместители наделены с 6 августа 2014 г.

Поскольку деятельность военных прокуроров по реализации названных полномочий содержит определенную специфику, обусловленную, прежде всего, особым статусом прокурора как представителя государства и процессуального истца, осуществляющего функцию обеспечения законности, имеется необходимость раскрыть основное содержание предмета и оснований исковых требований, особенности предмета доказывания, методику подготовки и предъявления иска в арбитражный суд и поддержания в суде заявленных исковых требований.

Для эффективного использования военными прокурорами вышеуказанных полномочий необходимо обладать базовыми юридическими знаниями в области гражданского и предпринимательского права о содержании понятия права собственности, гражданско-правовых способов защиты этого права, организационно-правовых форм юридических лиц – титульных владельцев имущественных объектов, об особенностях владения, пользования и распоряжения объектами государственной собственности.

Согласно российской цивилистической доктрине право собственности представляет собой систему правовых норм, регулирующих отношения по владению, пользованию и распоряжению собственником принадлежащей ему вещи по собственному усмотрению и в своих интересах, а также отношения по устранению вмешательства третьих лиц в сферу его (собственника) хозяйственного господства.

При этом под правомочием владения

понимается основанная на законе возможность иметь у себя данное имущество, содержать его в своем хозяйстве, фактически и физически обладать им.

Владение можно рассматривать в различных аспектах, в частности как:

а) полномочие собственника (прямое, непосредственное, самостоятельное владение);

б) владение, отделенное от права собственности и переданное собственником иным лицам (титულным владельцам) на определенный договором срок или до востребования (производное, опосредованное, несамостоятельное, титульное владение);

в) иное законное владение, не связанное с правом собственности (к примеру, давностное владение);

г) незаконное владение (к примеру, противоправное завладение имуществом, владение объектом недвижимости при отсутствии договорных отношений с собственником).

Правомочие пользования представляет собой основанную на законе возможность эксплуатации, хозяйственного или иного использования имущества путем извлечения из него полезных свойств.

Вышеперечисленные правомочия тесно взаимосвязаны, поскольку, по общему правилу, пользоваться имуществом можно только владея им.

Правомочие распоряжения означает возможность определять юридическую судьбу имущества путем изменения его принадлежности, состояния или назначения (отчуждение по договору, передача по наследству, уничтожение и т.п.)

Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) [4] предусматривает, в частности, такие распорядительные действия в отношении своего имущества, как:

1) отчуждение в собственность других лиц (например, посредством продажи, дарения, завещания собственной вещи, передачи своего имущества в уставный (складочный) капитал хозяйственных товариществ и обществ, паевой фонд производственного кооператива);

2) передача права владения другим лицам без аннулирования имеющегося права собственности (арендные отношения, доверительное управление);

3) передача своего имущества в залог. Распоряжение имуществом происходит, как правило, на основе гражданско-правовых (односторонних или двусторонних) сделок либо путем физических действий самого собственника в отноше-

нии своей вещи (например, физическое уничтожение вещи). Закон предоставляет собственнику возможность отчуждать (передавать) часть своих правомочий по распоряжению своим имуществом, не аннулируя при этом свой статус собственника (п. 2 ст. 209 ГК РФ) [4]. К таким случаям относится передача своего имущества в доверительное управление на определенный срок на основе договора доверительного управления (ст. 1012 ГК РФ) [5] с предоставлением доверительному управляющему прав на совершение любых юридических и фактических действий в отношении этого имущества (включая продажу, обмен) в интересах собственника имущества или указанного им выгодоприобретателя.

Действующее российское законодательство допускает передачу собственником своего правомочия в сфере владения другим лицам на основе договорных отношений (к примеру, договора аренды), вследствие чего возникает титульное (производное, опосредованное) владение. В этом случае собственник, оставаясь законным владельцем вещи, делегирует часть своих полномочий по владению вещью другому, указанному в договоре, лицу, не теряя при этом воли владеть этим имуществом как своим.

Одним из предусмотренных ст.ст. 12, 301 и 302 ГК РФ [4] вечно-правовых способов защиты гражданских прав является истребование собственником своего имущества из чужого незаконного владения посредством заявления так называемого виндикационного (лат. *vim dicere* – буквально «объявляю о применении силы») иска невладельца собственника к владеющему несобственнику.

Предъявление такого иска возможно к любому незаконному владельцу вещи, не состоящему с собственником в договорных или иных правоотношениях, при условии указания обстоятельств выбытия спорного имущества из сферы хозяйственного господства собственника.

Виндикация допустима только в отношении сохранившейся в натуре индивидуально-определенной вещи, находящейся на момент предъявления иска у конкретного лица. Иначе виндикационный иск становится беспредметным. Если вещь погибла, защита интересов собственника опосредуется деликтным требованием о возмещении убытков (ст. 1064 ГК РФ) [5]. В случае выбытия вещи по каким-либо причинам из владения ответчика возника-

ет право на предъявление виндикационного иска к новому владельцу вещи.

При этом следует понимать, что с помощью виндикационного иска не могут защищаться права на бестелесные объекты (в частности, на акции, доли в хозяйственных обществах и т.п.).

Условиями удовлетворения виндикационных исков являются установленные судом юридические факты:

- 1) наличия у истца права собственности на имущество;
- 2) утраты им фактического владения имуществом;
- 3) конкретизации имущества при помощи индивидуально-определенных признаков;
- 4) нахождения вещи в незаконном владении ответчика.

Виндикационный иск необходимо отличать от иных вещно-правовых исков. Например, взаимно исключают друг друга виндикационный иск и негаторный иск – об устранении препятствий, не связанных с лишением владения, когда собственник владеет вещью, но лишен возможности ею пользоваться и (или) распоряжаться (ст. 304 ГК РФ) [4].

Следует также отличать от виндикационного иск о признании права собственности на имущество, посредством удовлетворения которого судом констатируется право собственности на стороне истца и (или) отсутствия права собственности на стороне ответчика в отношении индивидуально-определенной вещи, не связанное с передачей владения или с устранением фактических препятствий в реализации полномочий собственника (абз. 2 ст. 12 ГК РФ) [4].

Виндикационный иск также следует отличать от иска о признании права (обременения) отсутствующим, когда, например, право собственности на один и тот же объект недвижимости зарегистрировано за разными лицами.

В судебной практике также часто встречаются отличные от виндикации иски об установлении границ земельного участка, которые подаются владельцами земельного участка для устранения спора относительно положения участка на местности, его размера, наложения на соседний земельный участок.

Особое внимание следует уделять вопросам подготовки исков об истребовании имущества от добросовестного приобретателя (ст. 302 ГК РФ) [4], который, не зная и не имея возможности знать об отсутствии права продавца на отчуждение

имущества, приобретает это имущество на возмездной основе.

Если же имущество приобретено безвозмездно, интересы собственника признаются приоритетными, при истребовании имущества незаконный владелец не несет никаких имущественных потерь, обусловленных приобретением вещи, а ст. 303 ГК РФ [4] гарантирует последнему возмещение расходов по содержанию имущества.

Следует иметь в виду установленные законодателем ограничения в истребовании имущества из чужого незаконного владения.

Во-первых, имущество, приобретенное добросовестно и возмездно, должно выбыть из владения собственника вопреки его воле.

Во-вторых, установлен запрет на виндикацию добросовестно и, главное, безвозмездно приобретенных денег и ценных бумаг на предъявителя.

В-третьих, невозможна виндикация при наличии нескольких добросовестных приобретателей, при условии, что имущество истребуется у лица, которое безвозмездно получило его у добросовестного возмездного приобретателя (например, в результате дарения, наследования и т.п.).

Споры, связанные с защитой права собственности и других вещных прав, рассматриваются судами в соответствии с подведомственностью дел, установленной ГПК РФ и АПК РФ, а также иными федеральными законами [2; 21].

Поскольку иски об истребовании имущества из чужого незаконного владения относятся к искам о правах на недвижимое имущество, они в силу ч. 1 ст. 30 ГПК РФ [6] и ч. 1 ст. 38 АПК РФ [3] рассматриваются в суде по месту нахождения этого имущества (исключительная подсудность).

В соответствии с положениями ст. 52 АПК РФ [3] прокурору предоставлено право на защиту в порядке арбитражного судопроизводства только прав и законных интересов публичных образований (Российская Федерация, ее субъекты, муниципальные поселения), имущество которых находится в государственной или муниципальной собственности.

Следует помнить о том, что согласно ст. 214 ГК РФ [4] субъектами права государственной собственности являются Российская Федерация (федеральная государственная собственность) либо ее субъекты – республика в составе Российской Федерации, край, область, автономная область, автономный округ, города

Москва, Санкт-Петербург и Севастополь (государственная собственность субъекта Российской Федерации).

Причем нормы Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [8], конкретизированные в положениях приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 07.05.2008 № 84 «О разграничении компетенции прокуроров территориальных, военных и других специализированных прокуратур» [24], не наделяют органы военной прокуратуры полномочиями по надзору за исполнением законов органами государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления.

С учетом компетенции военные прокуроры вправе осуществлять надзорные функции в отношении федеральных органов исполнительной власти, в которых законом предусмотрена военная служба.

В этой связи военные прокуроры обладают полномочиями по обращению в арбитражные суды с исками об истребовании из чужого незаконного только федеральной собственности, находящейся в пользовании поднадзорных военной прокуратуре федеральных органов исполнительной власти, в которых законом предусмотрена военная служба.

При этом, в соответствии с п. «г» ч. 1 ст. 114 Конституции Российской Федерации [1], правомочия по управлению и распоряжению федеральной собственностью закреплены за Правительством Российской Федерации.

Перечень имущества, которое может находиться в федеральной собственности, определен в п. 11 ст. 154 Федерального закона от 22.08.2004 № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [10].

Согласно Указу Президента Россий-

ской Федерации от 09.03.2004 № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» [13] под функциями по управлению государственным имуществом понимается осуществление полномочий собственника в отношении федерального имущества, в том числе переданного федеральным государственным унитарным предприятиям, федеральным казенным предприятиям и государственным учреждениям, а также управление находящимися в федеральной собственности акциями акционерных обществ.

Так, в соответствии с подп. 71 п. 7 Положения о Министерстве обороны Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16.08.2004 № 1082 [14], Минобороны России осуществляет в пределах своей компетенции правомочия собственника имущества, закрепленного за Вооруженными Силами, а также правомочия в отношении земель, лесов, вод и других природных ресурсов, предоставленных в пользование Вооруженным Силам.

Аналогичные нормы закреплены в соответствующих нормативных правовых актах поднадзорных органам военной прокуратуры федеральных органов исполнительной власти, где органы военной прокуратуры осуществляют свои полномочия*.

Полномочия Минобороны России по управлению и распоряжению имуществом Вооруженных Сил Российской Федерации и подведомственных организаций подтверждены также постановлением Правительства Российской Федерации от 29.12.2008 № 1053 «О некоторых мерах по управлению федеральным имуществом» [17].

В соответствии с указанным постановлением Правительства Российской Федерации Министерство обороны Российской Федерации является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по управлению федеральным имуществом, находящимся на праве хозяйственного ведения или оперативного управления, земельными участками, находящимися на праве постоянного (бессрочного) пользования, имуществом подведомственных ему федеральных государственных унитарных предприятий и государственных учреждений, акциями

* См.: подп. 73 п. 9 Положения о Федеральной службе безопасности Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 11.08.2003 № 960; подп. 67 п. 12 Положения о Федеральной службе охраны Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 07.08.2004 № 1013; абз. 10 подп. 4 п. 7 Положения о Главном управлении специальных программ Президента Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 07.09.2004 № 1146.

открытых акционерных обществ и долями в уставных капиталах обществ с ограниченной ответственностью, созданных в результате приватизации находящихся в ведении Минобороны России федеральных государственных унитарных предприятий, акции и доли в уставных капиталах которых находятся в федеральной собственности.

Реализацию полномочий по управлению федеральным имуществом Министерства обороны Российской Федерации осуществляет Департамент имущественных отношений Минобороны России [24].

Согласно действующему законодательству федеральное имущество может находиться во владении, в пользовании и распоряжении не только федеральных органов исполнительной власти, но и юридических лиц, созданных в соответствии с требованиями ГК РФ, иных федеральных законов, регулирующих эти правоотношения.

Следует также понимать, что согласно Указу Президента Российской Федерации от 15.09.2008 № 1359 «Об открытом акционерном обществе «Оборонсервис» [15], постановлению Правительства Российской Федерации от 22.11.2008 № 875 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 15 сентября 2008 г. № 1359 «Об открытом акционерном обществе «Оборонсервис» [18] (постановлением коллегии Минобороны России от 19.08.2014 № 9/1/15 ОАО «Оборонсервис» переименовано в АО «Гарнизон»), иным нормативным правовым актом государство в лице Минобороны России, других федеральных органов исполнительной власти, в которых законом предусмотрена военная служба, является учредителем, участником или акционером значительного количества коммерческих и некоммерческих организаций. В каждом из этих юридических лиц есть доля участия Российской Федерации. Следовательно, все их имущество или его часть принадлежит на праве собственности Российской Федерации.

В этой связи органам военной прокуратуры поднадзорны также коммерческие и некоммерческие организации, подконтрольные федеральным органам исполнительной власти, в которых законом предусмотрена военная служба: акционерные общества, государственные унитарные предприятия, государственные учреждения, учредителем которых является Российская Федерация.

Таким образом, иски военных прокуроров также должны быть направлены на

возврат вышеуказанным коммерческим и некоммерческим организациям объектов государственной собственности из незаконного владения.

Реализация военными прокурорами полномочий по обращению в арбитражные суды с исковыми заявлениями об истребовании государственного имущества из чужого незаконного владения осуществляется, прежде всего, на основании результатов прокурорских проверок, проводимых в порядке надзора [23].

При этом полнота и качество проверок служат основой для установления всех фактических обстоятельств дела, имеющих правовое значение для правильного разрешения заявленных прокурором требований.

Результаты анализа надзорной практики свидетельствует о распространенности в деятельности должностных лиц органов военного управления нарушений закона при принятии и реализации решений о высвобождении и последующей передаче в муниципальную собственность земель обороны, в том числе с расположенными на них лесами и действующими объектами военной инфраструктуры.

Военными прокурорами накоплен опыт отстаивания интересов государства, установления и доказывания, в том числе с использованием судебных процедур, обстоятельств, свидетельствующих о юридической принадлежности земельных и лесных участков военному ведомству, их востребованности для нужд обороны и противоправном характере действий по высвобождению и передаче указанных объектов органам местного самоуправления.

При проведении прокурорских проверок данной направленности следует учитывать особенности правового регулирования оборота земельных участков, имеющих лесные насаждения, а также порядка принятия уполномоченным органом военного управления решения о безвозмездной передаче военного недвижимого имущества в собственность субъектов Российской Федерации и муниципальную собственность.

Так, обладая полномочиями по высвобождению и реализации недвижимого военного имущества, Министерства обороны Российской Федерации не вправе распоряжаться лесными участками. В соответствии с п. 12 Порядка закрепления лесов, расположенных на землях обороны, за федеральным органом исполнительной власти по вопросам обороны, утвержден-

ного постановлением Правительства Российской Федерации от 02.02.1998 № 135 [16], в случае прекращения права пользования участками земель обороны одновременно прекращается право пользования расположенными на них лесами, которые подлежат возврату в лесной фонд.

Кроме того, согласно п. 1 ст. 2 Федерального закона от 08.12.2011 № 423-ФЗ «О порядке безвозмездной передачи военного недвижимого имущества в собственность субъектов Российской Федерации – городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга, муниципальную собственность и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [11] безвозмездной передаче в собственность субъекта Российской Федерации либо муниципальную собственность не подлежат здания, сооружения, объекты, которые необходимы для обеспечения осуществления соответствующими федеральными органами государственной власти полномочий в области обороны страны и безопасности государства.

Несоблюдение должностными лицами штабов военных округов (флотов), территориальных подразделений Департамента материальных отношений Минобороны России этих положений законодательства при подготовке документов о передаче недвижимого имущества влечет незаконную передачу занятых лесом земельных участков, расположенных на них объектов военной инфраструктуры в муниципальную и иную собственность, что нередко сопровождается причинением ущерба государству и негативно влияет на боеготовность войск.

В целях выявления таких нарушений военными прокурорами должны проводиться сверки перечней планировавшихся к высвобождению и передаче объектов недвижимости Минобороны России на территории военного округа с данными об объектах, переданных органам местного самоуправления на основании приказов заместителя Министра обороны Российской Федерации.

Обоснованность иска прокурора должна подтверждаться документами, доказывающими право собственности на спорный объект, обладающий индивидуально-определенными признаками, а также подтверждающими факт утраты собственником права обладания имуществом и факт владения ответчиком истребуемым имуществом без надлежащего на то правового основания.

Согласно разъяснениям, изложенным в

действующем совместном постановлении Пленумов Верховного Суда Российской Федерации и Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 29.04.2010 № 10/22 [19], к числу юридически значимых обстоятельств, подлежащих установлению судом при рассмотрении виндикационного иска, относятся:

- наличие права собственности материального истца на истребуемое имущество;
- наличие спорного имущества в натуре и нахождение его у ответчика;
- незаконность владения ответчиком спорным имуществом;
- отсутствие между материальным истцом и ответчиком отношений обязательственного характера по поводу истребуемого имущества.

Вышеуказанные обстоятельства образуют предмет доказывания по делам названной категории.

В этой связи в ходе проведения прокурорских проверок законности использования находящихся в федеральной собственности земельных участков и (или) находящихся на этих участках строений, зданий, помещений необходимо, прежде всего, документально устанавливать, кто в настоящее время является законным владельцем объекта недвижимости.

При этом полнота проверки по данному вопросу может быть обеспечена только при истребовании и анализе всех имеющихся правоустанавливающих документов на объекты федеральной собственности.

В частности, для предъявления иска необходимо в качестве доказательств права собственности истребовать из территориального учреждения юстиции по государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним надлежащим образом заверенную копию свидетельства о государственной регистрации права, а из управления Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестра) по субъекту Российской Федерации – выписку из Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество, в котором произведена запись о регистрации этого права. Для уточнения информации о переходе прав на объект недвижимого имущества и о правах отдельных лиц на имевшиеся и имеющиеся в настоящее время объекты недвижимого имущества требуется также направлять запросы в филиал Федерального государственного бюджетного учреждения «Федеральная кадастровая палата Росреестра» по субъ-

екту Российской Федерации. При этом в целях определения балансодержателя государственного имущества из территориального управления Федерального агентства по управлению государственным имуществом по субъекту Российской Федерации необходимо истребовать выписку из реестра федерального имущества. Одновременно для подтверждения и уточнения запрашиваемой информации необходимо оперативно истребовать сведения об объектах недвижимости из территориальных управлений имущественных отношений Минобороны России.

Кроме того, для обоснования исковых требований требуется проверить приказы Минобороны России, передаточные акты на имущество, составляемые при соединении, реорганизации упомянутых территориальных управлений Минобороны России, а также уставы федеральных государственных учреждений (ФГУ), федеральных государственных казенных учреждений (ФГКУ), подтверждающие право владения и пользования объектами федеральной собственности.

При наличии в границах земельного участка лесных насаждений необходимо истребовать правоустанавливающие документы на лесной массив из расположенного в субъекте Российской Федерации филиала ФГКУ «Территориальное управление лесного хозяйства» Минобороны России и (или) его подразделений – участков лесничеств.

В практике прокурорского надзора нередко спорный объект недвижимости, находящийся в федеральной собственности, передавался территориальными подразделениями Росреестра в ведение квартирно-эксплуатационных органов (КЭЧ) Минобороны России, а впоследствии, после реорганизации этих органов на основании приказов Минобороны России – в ведение территориальных управлений имущественных отношений Минобороны России, имеющих организационно-правовую форму вначале ФГУ, а затем ФГКУ.

Причем зачастую свидетельства о регистрации за ФГКУ права постоянного (бессрочного) пользования объектами федеральной собственности на момент проведения прокурорской проверки и предъявления иска в арбитражный суд оформлены не были.

В ходе надзорных мероприятий необходимо устанавливать фактическое местоположение спорного имущества, его характеристики, а также фактические об-

стоятельства его незаконного использования.

В этих целях проводятся осмотры спорных объектов комиссиями в составе представителей законного владельца государственного имущества (например, ФГКУ). В ходе осмотров устанавливаются цели, виды деятельности и иные конкретные обстоятельства незаконного использования объекта федеральной собственности. Результаты осмотров, оформленные в виде акта, в качестве приложения к исковому заявлению направляются в арбитражный суд.

Фактически незаконное использование объекта федеральной собственности может быть подтверждено вступившим в законную силу судебным актом о привлечении лица к административной ответственности, например, за самовольное занятие земельного участка (ст. 7.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, далее – КоАП РФ) [7] либо нарушение порядка распоряжения объектом нежилого фонда, находящимся в федеральной собственности, и использовании указанного объекта (ст. 7.24 КоАП РФ) [7]. В этих случаях суду должны быть представлены копии судебных актов.

Важно понимать, что военный прокурор вправе использовать полномочия по обращению в арбитражный суд с иском об истребовании имущества из чужого незаконного владения только при условии, что:

- устранить иным способом нарушение закона не представляется возможным;
- юридические лица и индивидуальные предприниматели, в незаконном владении которых находятся объекты федеральной собственности, отказываются от их добровольного возврата титульному владельцу.

В случае волеизъявления ответчика об исполнении предъявленных к нему исковых требований в добровольном порядке военному прокурору необходимо осуществить выезд на место объекта и совместно с представителями его законного владельца убедиться, что занимаемый объект (земельный участок, здание, помещение, сооружение) освобожден от обременения, о чем составляется комиссионный акт.

При указанных обстоятельствах в ходе судебного заседания военным прокурором представляется письменное ходатайство в суд об отказе от иска с приложением упомянутого комиссионного акта. В соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 150 АПК РФ [3] арбитражный суд, рассмотрев указанное

ходатайство, принимает отказ от иска и прекращает производство по делу.

В заключение следует отметить, что защита права федеральной собственности, как и собственности юридических и физических лиц, в условиях рыночной экономики приобретает особое значение, поскольку это право составляет основу их хозяйственной деятельности. В этой связи наделение прокуроров (военных прокуроров) полномочиями по истребованию государственного имущества из чужого незаконного владения, безусловно, способствует эффективной защите от различных посягательств материальной основы боеготовности и боеспособности войск и, в конечном итоге, экономических интересов государства.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (в ред. от 21.07.2014) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.М. Мариничевой, А.В. Немировской, З.А. Скляновой и В.М. Ширяева: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21.04.2003 № 6-П [Электронный ресурс] // Гарант: справ.-правовая система. URL: <http://base.garant.ru/12130610/>.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Российская газета. 2002. 27 июля.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 52-ФЗ // Российская газета. 1994. 8 дек.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Российская газета. 1996. 6, 7, 8 фев.
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Российская газета. 2002. 20 нояб.
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Российская газета. 2001. 31 дек.
8. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 [Электронный ресурс] // Гарант: справ.-правовая система. URL: <http://base.garant.ru/10164358/>.
9. Об обороне: Федеральный закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ [Электронный ресурс] // Российская газета: интернет-портал. 1996. 6 июня. URL: <http://www.rg.ru/1996/06/06/oborona-dok.html>.
10. О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: Федеральный закон от 22.08.2004 № 122-ФЗ [Электронный ресурс] // Гарант: справ.-правовая система. URL: <http://base.garant.ru/12136676/>.
11. О порядке безвозмездной передачи военного недвижимого имущества в собственность субъектов Российской Федерации – городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга, муниципальную собственность и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 08.12.2011 № 423-ФЗ. Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 50. Ст. 7365.
12. О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 28.06.2014 № 186-ФЗ [Электронный ресурс] // Гарант: справ.-правовая система. URL: <http://base.garant.ru/70684716/>.
13. О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти: Указ Президента Российской Федерации от 09.03.2004 № 314 // Российская газета. 2004. 11 марта.
14. Положение о Министерстве обороны Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации от 16.08.2004 № 1082 [Электронный ресурс] // Гарант: справ.-правовая система. URL: <http://base.garant.ru/187301/>.
15. Об открытом акционерном обществе «Оборонсервис»: Указ Президента Российской Федерации от 15.09.2008 № 1359. [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и научно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902118923>.
16. Порядок закрепления лесов, рас-

положенных на землях обороны, за федеральным органом исполнительной власти по вопросам обороны: утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 02.02.1998 № 135 [Электронный ресурс] // Гарант: справ.-правовая система. URL: <http://base.garant.ru/2156120/>.

17. О некоторых мерах по управлению федеральным имуществом: постановление Правительства Российской Федерации от 29.12.2008 № 1053 [Электронный ресурс] // Гарант: справ.-правовая система. URL: <http://base.garant.ru/12164514/>.

18. О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 15.09.2008 № 1359 «Об открытом акционерном обществе «Оборонсервис»: постановление Правительства Российской Федерации от 22.11.2008 № 875 [Электронный ресурс] // Гарант: справ.-правовая система. URL: <http://base.garant.ru/194396/>.

19. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29.04.2010 № 10/22 // Российская газета. 2010. 21 мая.

20. О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.03.2012 № 15 [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и научно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902342263>.

21. Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с истребованием имущества из чужого незаконного владения: информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 13.11.2008 № 126 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82613/.

22. Положение о Департаменте имущественных отношений Министерства обороны Российской Федерации: утв. приказом Минобороны России от 30.04.2009 № 335 [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и научно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902361581>.

23. Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражда-

нина: приказ Генпрокуратуры России от 07.12.2007 № 195 [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и научно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902093021>.

24. О разграничении компетенции прокуроров территориальных, военных и других специализированных прокуратур: приказ Генпрокуратуры России от 07.05.2008 № 84 [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и научно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902156190>.

25. Об обеспечении участия прокуроров в арбитражном процессе: приказ Генпрокуратуры России от 25.05.2012 № 223 [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и научно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902360203>.

26. Об обеспечении участия военных прокуроров в арбитражном процессе: указание заместителя Генерального прокурора Российской Федерации – Главного военного прокурора от 05.07.2012 № 150.

Сведения об авторе

Лиховидов Константин Станиславович, доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника 3 отдела 4 управления Главной военной прокуратуры, Москва
E-mail: LKS-doc@mail.ru

ON THE IMPLEMENTATION OF THE AUTHORITY OF MILITARY PROSECUTORS TO RECLAIM ILLEGALLY POSSESSED STATE PROPERTY IN THE ARBITRAL PROCEDURE

Konstantin S. LIKHOVIDOV

Abstract. The article discusses the practice when military prosecutors appeal to the arbitration tribunal to reclaim the illegally possessed federal property, which is used by the federal executive bodies supervised by the Military Prosecutor's Office and where military service is stipulated by law.

Keywords: arbitral procedure; reclamation of state property; military prosecutor's authority in the arbitration tribunal; replevin

Information about the author

Likhovidov Konstantin Stanislavovich, Dr. Sc. (Law), Associate Professor, Deputy Head of Department 3 of Directorate 4 of the Chief Military Prosecutor's Office. Moscow, Russian Federation.
E-mail: LKS-doc@mail.ru

ПРОЦЕСС РЕКВИЗИЦИИ В ПЕРИОД ДЕЙСТВИЯ ОСОБОГО АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕЖИМА ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Т. С. ШНЯКИНА,
*старший преподаватель 25 кафедры
(военной администрации, административного
и финансового права)*
E-mail: tasha.87@mail.ru
**Военный университет Министерства обороны
Российской Федерации, Москва**

Аннотация. В статье рассматриваются особенности применения реквизиции в период военного положения в Российской Федерации с позиций административного, военного и процессуального права.

Ключевые слова: реквизиция; процесс; военное положение; военное право; административно-процессуальное право

Под процессом в обычном толковом словаре понимается ход, развитие какого-нибудь явления, последовательная смена состояний в развитии чего-нибудь; порядок разбирательства судебных дел и административных дел, само такое дело [20, с. 627].

Административный процесс, в отличие от уголовного [7], гражданского [5] и арбитражного [3] процессов, в силу сложности и многоплановости материи самого административного права и соответствующих его спецификам процессуальных действий понимается и определяется в науке неоднозначно. Так, в теории российского права разработано две принципиальные концепции: концепция «узкого» толкования административного процесса – юрисдикционная и концепция «широкого» понимания – управленческая. Представители первой: Н.Г. Салищева, В.С. Тадевосян, А.П. Шергин, М.Я. Масленников, С.В. Кошлев, О.В. Чекалина и другие. Представители второй: В.Д. Сорокин, С.С. Студеникин, Б.В. Россинский, Ю.Н. Стариков, Л.Л. Попов и др. Как пишет А.В. Кирин, управленческая концепция административного процесса, в противовес юрисдикционной, ориентирована на включение в структуру административного процесса всех существующих управленческих производств и процедур в сфере исполнительно-распорядительной

деятельности, урегулированных в той или иной мере нормами административного права [18, с. 142].

Независимо от подходов в понимании и определении административного процесса, ему присущи внесудебная форма реализации, а также общие стадии производства (анализ ситуации и возбуждение производства; рассмотрение дела и принятие решения; исполнение принятого решения). При этом каждая из стадий административного процесса (производства) обладает самостоятельной процессуальной формой, является совокупностью необходимых и достаточных процессуальных действий, обладает конкретной процессуальной задачей, содержит особый круг участников производства, завершается принятием свойственного только данной стадии акта управления (или процессуального документа). В своей совокупности и каждая в отдельности стадии конкретного административного процесса характеризуют его особенности, общее и частное в сравнении с другими видами административного процесса и иными видами юридических процессов.

Применение реквизиции в период военного положения в Российской Федерации по своей сущности является процессуальным правовым отношением, выступает как управленческий процесс. Оно отвечает признакам именно административного производства, но при этом обладает специфическими особенностями в силу наличия в своем составе военного элемента и исключительности обстоятельств и условий возникновения, изменения и прекращения (относится к правовому явлению крайней необходимости).

Однако до настоящего времени ни

обобщенно реквизицию, ни отдельно реквизицию в период военного положения в Российской Федерации не рассматривали с точки зрения их административно-процессуальной сущности.

Помимо всего прочего, не вносит положительного в понимание и определение реквизиции и современная судебная практика разрешения споров о наличии или отсутствии реквизиции в действиях государственных органов.

Так, например, схожий по своему содержанию спор о компенсации убытков, причиненных сносом аварийного здания по решению администрации, разрешается судами диаметрально противоположными способами.

В одном случае [16] судом было принято решение об отказе в производстве возмещения собственнику стоимости изъятых здания, ставшего аварийным в результате землетрясения и угрожающего жизни и здоровью граждан. Отказ мотивировался судом тем, что в указанном случае снос здания не является изъятием имущества в смысле ст. 242 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) [4]. Здание пострадало в результате стихийного бедствия, а значит, применяется ст. 211 ГК РФ, согласно которой риск случайной гибели или повреждения имущества несет его собственник. В другом случае [15] судом признается право собственника на компенсацию изъятых. Так, суд, сославшись на ст. 35 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция) [1], ст.ст. 242, 306 ГК РФ [4], пришел к выводу в аналогичной ситуации о том, что снос здания должен быть возмещен собственнику как реквизиция.

Е.В. Оболонкова [19], анализируя приведенные выше позиции судов, придерживается той точки зрения, что во всех случаях изъятия, производившиеся по решению государственных органов при наличии фактического основания – стихийного бедствия и цели – защиты интересов общества, должны признаваться реквизицией. В связи с чем ею поддерживается решение суда о необходимости возмещения стоимости снесенного здания, ставшего аварийным в результате стихийного бедствия, в порядке реквизиции. Однако Е.В. Оболонковой не учитывается одна важная особенность российской национальной реквизиции – ее экстренно-спасательный характер,

что означает производство реквизиции в условиях чрезвычайной обстановки и для ликвидации чрезвычайных обстоятельств. Как только чрезвычайные обстоятельства ликвидированы или отпали сами собой, имущество подлежит возврату либо выплачивается возмещение его утраты. Оба варианта компенсации есть последствия проведенных спасательных мероприятий. Другими словами, не само имущество представляет опасность для общества, а нечто иное выступает в роли угрозы, само же имущество – средство нейтрализации этого «нечто» либо предотвращения угрозы этого «нечто». Следовательно, не представляется возможным считать снос аварийного здания реквизицией, так как само аварийное здание и является источником опасности для общества. В приведенных судебных примерах лицам, пострадавшим от стихийного бедствия, государством в порядке предусмотренном Федеральным законом от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [8] должна была быть присуждена материальная помощь. Этот порядок нельзя отождествлять с реквизицией, так как государством не производилось изъятие имущества для использования его в процессе ликвидации чрезвычайной ситуации. Тем более, суд не должен был смешивать общие конституционные критерии ограничения прав собственников, предусмотренные ст. 35 Конституции, и специально применяемые согласно ч. 3 ст.ст. 55, 56 Конституции «право необходимости» [1].

Итак, главной отличительной особенностью реквизиции в период военного положения в Российской Федерации, в отличие от иных смежных правовых явлений, выступает ее принадлежность к «праву необходимости государства» [17, с. 5–6], которое вводится только при угрозе агрессии или непосредственной агрессии против Российской Федерации и применяется исключительно для нейтрализации угрозы или ликвидации агрессии против Российской Федерации.

Применение реквизиции в период военного положения в Российской Федерации производится в целях, строго определенных законодательными актами. Согласно ч. 3 ст. 55 Конституции такой целью является обеспечение обороны стра-

ны и безопасности государства [1], согласно ст. 87 Конституции и Федеральному конституционному закону «О военном положении» – создание условий для отражения или предотвращения агрессии против Российской Федерации [1; 2]. Кроме того, в первых пунктах ст.ст. 7, 8 Федерального конституционного закона «О военном положении» названа задача применения хозяйственной реквизиции в период военного положения в Российской Федерации – необходимость производства продукции, выполнения работ, оказания услуг для государственных нужд, обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, специальных формирований и для нужд населения [2]. Целью реквизиции согласно ст. 51 Земельного кодекса Российской Федерации является защита жизненно важных интересов граждан, общества и государства от возникающих в связи с чрезвычайными обстоятельствами угроз [6]. Федеральный закон от 26.02.1997 № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» различает цели производства реквизиции, применяемой в период военного положения в Российской Федерации, в зависимости от собственников реквизируемого имущества: к организациям реквизиция применяется с целью реализации мобилизационного плана при любых обстоятельствах (т.е. в любое время), к гражданам – с целью обеспечения обороны и безопасности государства в обстоятельствах военного времени [9]. Федеральный закон от 09.07.1999 № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» предусматривает применение реквизиции с целью обеспечения обороны страны и безопасности государства [10].

Таким образом, уполномоченное должностное лицо (государственный орган) в период действия военного положения в Российской Федерации должно проанализировать сложившуюся ситуацию для принятия решения о необходимости и возможности применения реквизиции в той или иной обстановке. Анализ должен заключаться в правильной оценке фактических обстоятельств произошедшего (предполагаемого происшествия), в четком понимании невозможности обеспечить режим военного положения иными средствами, в правильном выборе нормативной право-

вой базы, определяющей правовой режим сложившейся ситуации, в правильном определении цели, сил и средств применения того или иного вида реквизиции в период военного положения в Российской Федерации.

Применение реквизиции в период военного положения в Российской Федерации осуществляется в условиях действия особого правового режима – режима военного положения в Российской Федерации, а также сопутствующих ему фактических обстоятельств (угроза обороне страны и безопасности государства, акт агрессии или его угрозы против Российской Федерации, ведение военных действий, ведение боевых действий, нехватка материального обеспечения конкретными видами военного имущества и др.).

Согласно ст. 87 Конституции режим военного положения вводится в случае агрессии или непосредственной угрозы агрессии против Российской Федерации [1] и определяется Федеральным конституционным законом от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении» [2]. Непосредственно актами агрессии против Российской Федерации независимо от объявления иностранным государством (группой государств) войны Российской Федерации признаются:

- вторжение или нападение вооруженных сил иностранного государства (группы государств) на территорию Российской Федерации, любая военная оккупация территории Российской Федерации, являющаяся результатом такого вторжения или нападения, либо любая аннексия территории Российской Федерации или ее части с применением вооруженной силы;
- бомбардировка вооруженными силами иностранного государства (группы государств) территории Российской Федерации или применение любого оружия иностранным государством (группой государств) против Российской Федерации;
- блокада портов или берегов Российской Федерации вооруженными силами иностранного государства (группы государств);
- нападение вооруженных сил иностранного государства (группы государств) на Вооруженные Силы Российской Федерации или другие войска независимо от места их дислокации;
- действия иностранного государства

(группы государств), позволяющего (позволяющих) использовать свою территорию другому государству (группе государств) для совершения акта агрессии против Российской Федерации;

– засылка иностранным государством (группой государств) или от имени иностранного государства (группы государств) вооруженных банд, групп, иррегулярных сил или наемников, которые осуществляют акты применения вооруженной силы против Российской Федерации, равносильные актам агрессии, указанным в п. 2 ст. 3 названного федерального конституционного закона;

– другие акты применения вооруженной силы иностранным государством (группой государств) против суверенитета, политической независимости и территориальной целостности Российской Федерации или каким-либо иным образом, несовместимым с Уставом ООН, равносильные актам агрессии, указанным в п. 2 ст. 3 названного федерального конституционного закона.

Непосредственной угрозой агрессии против Российской Федерации могут также признаваться действия иностранного государства (группы государств), совершенные в нарушение Устава ООН, общепризнанных принципов и норм международного права и непосредственно указывающие на подготовку к совершению акта агрессии против Российской Федерации, включая объявление войны Российской Федерации.

Применение реквизиции в период военного положения в Российской Федерации основано на юридически властном начале и силе управленческого принуждения, т.е. достаточно односторонне-властного решения компетентного органа государственного управления (должностного лица), а согласие частного лица (наличие его гражданско-правовой воли) на применение реквизиции не имеет значения.

Законными основаниями для начала процесса применения реквизиции в период военного положения в Российской Федерации в соответствии с Федеральным конституционным законом от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении» могут выступать федеральный закон, имеющий свою силу для территорий, на которых не введено военное положение или введено военное положение, но не ведутся военные действия, или указ (указы) Президента

Российской Федерации – для территории, на которой введено военное положение, а также введено военное положение и ведутся военные действия [2].

Применение реквизиции в период военного положения в Российской Федерации направлено на достижение задач обеспечения обороны через разрешение конкретного индивидуального дела (реквизиционного дела) об изъятии имущества (или иной формы ограничения) и возмещении его стоимости, заключающегося в удовлетворении публичного интереса частными средствами, а иногда и силами.

Такое реквизиционное дело представляет собой возникший в сфере обеспечения государственной обороны вопрос, связанный с применением административно-правовых и военно-правовых норм и требующий в целях его разрешения распорядительных действий компетентных органов государственного управления и (или) их должностных лиц. В связи с чем объектом применения реквизиции в период военного положения в Российской Федерации будут выступать действия должностных лиц органов государственного управления и поведение граждан, у которых реквизируется имущество, а предметом реквизиции будет являться имущество, необходимое для создания условий по отражению или предотвращению агрессии против Российской Федерации. При этом чаще всего потребляемое имущество и скоропортящаяся продукция реквизируются безвозвратно, а непотребляемое (например, транспортные средства) и недвижимое имущество подлежат временному изъятию.

Имеется необходимость в определении имущества частных лиц, способного быть предметом реквизиции в период военного положения в Российской Федерации, а также запрещенного к реквизиции. На настоящий момент в Российской Федерации отсутствуют перечни таких видов имущества. Как представляется, названное обстоятельство объясняется отсутствием специального реквизиционного закона, устанавливающего сам порядок применения.

Проблему определения и отыскания имущества, необходимого для создания условий отражения или предотвращения агрессии против Российской Федерации в период военного положения в Российской

Федерации, можно назвать проблемой заблаговременного учета и контроля имущества, подлежащего реквизиции.

На настоящий момент относительно разработан заблаговременный порядок учета транспортных средств для исполнения гражданами и организациями военно-транспортной обязанности, т.е. реквизиции транспортных средств. Указом Президента Российской Федерации от 02.10.1998 № 1175 утверждено Положение о военно-транспортной обязанности [11], согласно которому военно-транспортная обязанность исполняется федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и организациями в мирное время – путем проведения мероприятий, связанных с учетом транспортных средств, а также путем заблаговременной подготовки транспортных средств, предоставляемых войскам, формированиям и органам, и обеспечения работы этих транспортных средств в соответствии с мобилизационными заданиями; в период мобилизации и в военное время – путем предоставления войскам, формированиям и органам транспортных средств и обеспечения их работы в соответствии с мобилизационными заданиями. Гражданами военно-транспортная обязанность исполняется исключительно в военное время путем предоставления войскам, формированиям и органам тех транспортных средств, которые в них применяются. При этом гражданам выдаются документы, подтверждающие предоставление ими транспортных средств.

Перечни транспортных средств, предоставляемых организациями и гражданами, устанавливаются Министерством обороны Российской Федерации по согласованию с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти [13; 14]. Ведение учета транспортных средств по указанным перечням возлагается на военные комиссариаты и на органы военного управления. Порядок учета таких транспортных средств определяется Минобороны России по согласованию с органами, осуществляющими государственную регистрацию транспортных средств [12]. Перечень владельцев транспортных средств, освобождаемых от предоставления транспортных средств, устанавливается Правитель-

ством Российской Федерации. Проверка технического состояния транспортных средств, предоставляемых войскам, формированиям и органам, проводится подразделениями Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации и другими органами государственного надзора и контроля за техническим состоянием транспортных средств в Российской Федерации с участием представителей войск, формирований и органов. Государственная регистрация, изменение регистрационных данных, снятие с учета транспортных средств, предоставляемых войскам, формированиям и органам, производятся по согласованию с военными комиссариатами (органами военного управления), осуществляющими их учет. Перечень мероприятий и обязательных требований, а также формы документов, определяющих мобилизационную готовность и обеспечение работы транспортных средств, предоставляемых войскам, формированиям и органам, определяются Минобороны России по согласованию с Министерством экономики Российской Федерации и Министерством финансов Российской Федерации с участием других заинтересованных федеральных органов исполнительной власти.

Порядок, пункты передачи и сроки предоставления транспортных средств войскам, формированиям и органам устанавливаются Минобороны России. Организации обязаны предоставлять транспортные средства в специально установленные сроки в пунктах передачи с соответствующей документацией, в технически исправном состоянии, а также обеспеченными по нормам, определенным соответствующими нормативными правовыми актами Российской Федерации по вопросам военно-транспортной обязанности.

В отношении иного имущества ситуация с правовым регулированием учета имущества, подлежащего реквизиции, или оставляет желать лучшего, или в принципе невозможна в силу специфики частной жизни и сущности самого имущества (например, продуктов питания, предметов, предназначенных для личного бытового использования).

Применение реквизиции в период военного положения в Российской Федера-

ции как административно-процессуальное отношение характеризуется особенностями его содержания. С одной стороны – это правомочие государства на применение реквизиции в форме принудительного изъятия имущества или иного ограничения права собственности, а также его обязанность произвести последующее возмещение стоимости реквизированного имущества. С другой стороны – это права гражданина или организации на получение стоимости реквизированного имущества и требования возврата по суду сохранившегося имущества после отмены (прекращения) режима военного положения, а также обязанность надлежаще исполнять реквизиционные требования и предписания государства о предоставлении имущества, информации о нем и не препятствовании процессу реквизиции.

Применение реквизиции в период военного положения в Российской Федерации имеет свои формы процессуального закрепления:

– Указ Президента Российской Федерации о введении режима военного положения в Российской Федерации;

– Указ Президента Российской Федерации о применении реквизиции в период военного положения в Российской Федерации в качестве одной из мер, его обеспечивающих;

– Указ Президента Российской Федерации о силах, применяющих реквизицию в период военного положения в Российской Федерации либо федеральный закон, предусматривающий применение реквизиции в период военного положения в Российской Федерации;

– приказ (директива) центрального органа военного управления об обеспечении и организации применения хозяйственной или оперативной реквизиции;

– постановления, распоряжения государственных органов исполнительной власти по обеспечению организации применения реквизиции;

– предписание органа военного управления на исполнение применения реквизиции в период военного положения в Российской Федерации;

– акт о приведении в исполнение реквизиции в период военного положения в Российской Федерации;

– акт об исполнении финансового рек-

визиционного обязательства государства перед частным лицом, к которому применялась реквизиция.

Применение реквизиции в период военного положения в Российской Федерации осуществляется во внесудебном порядке органами военного управления и государственными органами исполнительной власти.

Таким образом, в соответствии с п. 1 и подп. 7 п. 2 ст. 7, ст.ст. 8, 10 Федерального конституционного закона от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении» реквизиция в период военного положения в Российской Федерации должна применяться в особом процедурном порядке [2], именуемом автором настоящей статьи реквизиционным процессом. При этом особый процедурный порядок применения реквизиции в период военного положения в России надлежит разработать.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (в ред. от 21.07.2014) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

2. О военном положении: Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ // Российская газета. 2002. 2 фев.

3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Российская газета. 2002. 27 июля.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 52-ФЗ // Российская газета. 1994. 8 дек.

5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Российская газета. 2002. 20 нояб.

6. Земельный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Российская газета. 2001. 30 окт.

7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Российская газета. 2001. 22 дек.

8. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ // Российская газета. 1994. 24 дек.

9. О мобилизационной подготовке и

мобилизации в Российской Федерации: Федеральный закон от 26.02.1997 № 31-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 9. Ст. 1014.

10. Об иностранных инвестициях в Российской Федерации: Федеральный закон от 09.07.1999 № 160-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 28. Ст. 3493.

11. Об утверждении Положения о военно-транспортной обязанности: Указ Президента Российской Федерации от 02.10.1998 № 1175 // Российская газета. 1998. 7 окт.

12. Инструкция по учету в Вооруженных Силах Российской Федерации техники, гужевого и вьючного транспорта организаций и граждан, имущества организаций и ремонтных организаций [Электронный ресурс]: утв. приказом Минобороны России от 31.12.1999 № 628 (в ред. от 11.05.2005) // Электронный фонд правовой и научно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901756811>.

13. Перечни техники, гужевого и вьючного транспорта, предоставляемых организациями и гражданами войскам, воинским формированиям и органам: утв. приказом Минобороны России от 31.12.1999 № 628 (в ред. от 11.05.2005) [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и научно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901756811>.

14. Перечень морского транспорта, специальных судов и судов рыбопромыслового флота, предоставляемых войскам, воинским формированиям и органам и Перечень внутреннего водного транспорта, специальных судов и судов рыбопромыслового флота, предоставляемых войскам, воинским формированиям и органам: утв. приказом Минобороны России от 21.01.2014 № 15 // Российская газета. 2014. 22 авг.

15. Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 29.05.2007 № А57-9958/04 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. URL: <http://docs.cntd.ru/document/882608653>.

16. Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 26.01.2009 № Ф03-6339/2008 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. URL:

<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ADV;n=37904>.

17. Венецианов М.В. Экспроприация с точки зрения гражданского права. Казань: Типография Императорского университета, 1891. 114 с. [Репринтная копия].

18. Кирин А.В. Административно-делкатное право: Теория и законодательные основы: монография / М.: Норма; ИНФРА-М, 2012. 464 с.

19. Оболюккова Е.В. Отдельные вопросы применения правил о реквизиции в гражданском праве России // Адвокат. 2013. № 12. С. 51–56.

20. Ожегов С.И., Шведова Н.Д. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

Сведения об авторе

Шнякина Татьяна Сергеевна, старший преподаватель 25 кафедры (военной администрации, административного и финансового права) Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, Москва.

111033, Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4.
Тел.: (916) 969-20-99.

E-mail: tasha.87@mail.ru

THE PROCESS OF REQUISITION UNDER THE SPECIAL LEGAL REGIME OF THE MARTIAL LAW IN THE RUSSIAN FEDERATION

Tatiana S. SHNYAKINA

Abstract. The article discusses peculiarities of the requisition under the martial law in the Russian Federation from the viewpoint of the administrative, military and procedural law.

Keywords: requisition; process; military law; martial law; administrative procedural law

Information about the author

Shnyakina Tatiana Sergeevna, Senior Lecturer of Department 25 (military administration, administrative and financial law) of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation, Moscow, 3/4, Volochaevskaya Str., Moscow, 111033, Russian Federation.
Tel.: +7 (916) 969-20-99.

E-mail: tasha.87@mail.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ-МУЖЧИНАМИ ПРАВА НА ОТПУСК ПО УХОДУ ЗА РЕБЕНКОМ: РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПОЗИЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Г.Е. СЛЕПКО,

кандидат филологических наук, доцент

27 кафедры (гражданского права)

E-mail: geslepko@rambler.ru

М.В. ИВАННИКОВ,

старший сержант, курсант 5 курса

5 факультета (прокурорско-следственного),

член военно-научного общества

E-mail: ivannikovmaxim@yandex.ru

Военный университет Министерства обороны

Российской Федерации, Москва

Аннотация. Авторами рассматриваются вопросы правового регулирования осуществления родительских прав военнослужащими-мужчинами, а также соотношение норм семейного и военного законодательства и влияния на правоприменительную и судебную практику российских судов актов Европейского Суда по правам человека.

Ключевые слова: гендерное равенство; родительский статус; отцовство; военнослужащий

Вопросы гендерного равенства являются актуальными во всех странах мира [8; 11; 12; 15; 18; 19; 20]: это и равная оплата за тождественный труд, и доступность для женщин высших политических, экономических и воинских должностей, обеспечение имущественных прав неработающих женщин в отношении супружеского имущества и др., однако лишь некоторые авторы обращаются и к проблеме дискриминации мужчин, имеющих специальный правовой статус.

Одной из сфер общественных отношений, где присутствует дискриминация именно мужчин, является область военно-служебных отношений в части предоставления отцам-военнослужащим отпуска по уходу за ребенком. Так, согласно п. 13 ст. 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих» [6] отпуск по уходу за ребенком предоставляется только военнослужащим женского пола в порядке, установленном федеральными законами и иными нормативными правовыми актами. Аналогичное положение закреплено

п. 5 ст. 32 Положения о порядке прохождения военной службы [9]. Этим же пунктом предусмотрено сохранение за военнослужащим женского пола на время отпуска по уходу за ребенком места военной службы и воинской должности.

Вопрос о соответствии закрепленному в ч. 2 ст. 19 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция) принципу равенства прав и свобод мужчин и женщин [1] существующему положению об отсутствии у военнослужащих мужского пола права на предоставление отпуска по уходу за ребенком, вызвавший оживленную научную дискуссию [13; 14; 19; 21], был рассмотрен в определении Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный суд, Суд) от 15.01.2009 № 187-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы военнослужащего К.А. Маркина на нарушение его конституционных прав [3].

Суть дела: К.А. Маркину, проходившему военную службу по контракту, было отказано в предоставлении отпуска по уходу за ребенком до достижения возраста трех лет. Этот отказ был им обжалован в судебном порядке, однако требования о предоставлении отпуска суды не удовлетворили со ссылкой на п. 13 ст. 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих» [6]. К.А. Маркин, полагая, что данные нормативные положения являются дискриминационными и препятствуют осуществлению военнослужащими мужского пола, проходящими военную службу по контракту, пра-

ва на воспитание своих детей, обратился с жалобой в Конституционный Суд.

Суд, изучив представленные материалы, не нашел оснований для принятия жалобы к рассмотрению. Позиция Суда сводилась к следующему: по смыслу ч. 2 и 3 ст. 19, ч. 2 ст. 38 и ч. 3 ст. 55 Конституции [1] военная служба является особым видом государственной службы, непосредственно связанной с обеспечением обороны страны и безопасности государства и, следовательно, осуществляемой в публичных интересах, что нашло закрепление также и в ст. 2 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» [5]. Лица, несущие такого рода службу, выполняют конституционно значимые функции, что и обуславливает их специальный правовой статус, основанный на необходимости выполнения ими долга и обязанности по защите Отечества. Согласно абз. 1–3 п. 2 ст. 1 Федерального закона «О статусе военнослужащих» [6] военнослужащие обладают правами и свободами человека и гражданина с некоторыми ограничениями, установленными данным Законом, федеральными конституционными законами и иными федеральными законами.

Следовательно, при установлении специального правового статуса военнослужащих законодатель вправе в пределах своей правомочий устанавливать для них специальные ограничения в осуществлении гражданских прав и свобод, а также особые обязанности, обусловленные задачами, принципами организации и функционирования военной службы, специфическим характером деятельности лиц, проходящих военную службу. Таким образом, руководствуясь ч. 1 ст. 37 Конституции [1], Конституционный Суд констатировал, что, поступая на военную службу по контракту, гражданин реализует право на свободное распоряжение своими способностями и тем самым добровольно приступает к осуществлению такой профессиональной деятельности, занятие которой предполагает наличие определенных ограничений его прав и свобод, свойственных данной разновидности государственной службы. Соответственно, военнослужащий добровольно обязуется подчиняться требованиям закона, ограничивающим его

права и свободы, а также возлагающим на него особые публично-правовые обязанности.

Однако нельзя говорить и о том, что российский законодатель, регулируя выполнение обязанностей в интересах обороны и безопасности государства, устанавливает полный приоритет публичных интересов перед частными и игнорирует положения ст. 38 Конституции о государственной защите семьи и детей [1], развитые в семейном законодательстве: в п. 1 ст. 1, ст. 7 и др. Семейного кодекса Российской Федерации (СК РФ) в целом и абз. 2 п. 2 ст. 54 о праве ребенка на воспитание своими родителями, в частности [4].

Пункт 7 ст. 32 Положения о порядке прохождения военной службы закрепляет [9], что военнослужащий мужского пола, проходящий военную службу по контракту, имеет право на однократное предоставление по его просьбе дополнительного отпуска сроком до трех месяцев в случае смерти жены при родах, если он воспитывает одного или нескольких детей в возрасте до 14 лет (детей-инвалидов в возрасте до 16 лет) без матери (в случае ее смерти или гибели, лишения ее родительских прав, длительного ее пребывания в лечебном учреждении и других случаях отсутствия материнского попечения о детях), цель которого – предоставление военнослужащему-мужчине возможности в течение разумного срока решить вопрос об организации ухода за ребенком и, в зависимости от результатов, о дальнейшем прохождении военной службы. Если военнослужащий принимает решение лично осуществлять уход за ребенком, он имеет право на досрочное увольнение с военной службы по семейным обстоятельствам (абз. 5 подп. «в» п. 3 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» [5]).

Само же право военнослужащего-мужчины на отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет действующим законодательством не предусмотрено, и согласно позиции Конституционного Суда не допускается совмещение военнослужащими мужского пола, проходящими военную службу по контракту, исполнения служебных обязанностей и отпуска по уходу за ребенком для воспитания

малолетних детей, что, с одной стороны, обусловлено спецификой правового статуса военнослужащих, а с другой – согласуется с конституционно значимыми целями ограничения прав и свобод человека и гражданина (ч. 3 ст. 55 Конституции [1]) в связи с необходимостью создания условий для эффективной профессиональной деятельности военнослужащих, выполняющих долг по защите Отечества.

Поскольку прохождение военной службы осуществляется в специфических условиях, то возможность массового неисполнения военнослужащими своих служебных обязанностей без ущерба для охраняемых законом публичных интересов исключена, и, соответственно, отсутствие у военнослужащих мужского пола, проходящих службу по контракту, права на отпуск по уходу за ребенком не может рассматриваться как нарушение их конституционных прав и свобод, в том числе гарантированного ч. 2 ст. 38 Конституции [1] права на заботу о детях и их воспитание, а заключение контракта о прохождении военной службы является добровольным волеизъявлением со стороны военнослужащего.

Закрепляя в порядке исключения право на отпуск по уходу за ребенком исключительно за военнослужащими-женщинами, законодатель, согласно позиции Конституционного Суда, исходил из весьма ограниченного участия женщин в осуществлении военной службы и особой, связанной с материнством, социальной роли женщины в обществе, что согласуется с положением ч. 1 ст. 38 Конституции [1]. Следовательно, ограничение права отца-военнослужащего на отпуск по уходу за ребенком до трех лет не может расцениваться и как нарушение конституционных (ч. 2 и 3 ст. 19 [1]) принципов равенства прав и свобод человека и гражданина, а также гендерного равенства.

Этот подход Конституционного Суда К.А. Маркина не удовлетворил, и в 2006 г. он подал жалобу в Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ). 7 октября 2010 г. ЕСПЧ вынес противоположное позиции Конституционного Суда Российской Федерации решение по делу «Константин Маркин vs Россия» (жалоба № 30078/06): непредставление военнослужащим муж-

ского пола права на отпуск по уходу за ребенком при наличии такого права у военнослужащих женского пола разумно не обосновано.

В своем постановлении ЕСПЧ отметил факт нарушения ст. 14 Конвенции о защите прав человека и основных свобод во взаимосвязи с ее же ст. 8, подчеркнув, что оно основано на содержащихся в п. 13 ст. 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих» и Положении о порядке прохождения военной службы пробелах, умалчивающих о военнослужащих мужского пола, что и подвергает их дискриминации при осуществлении их права на уважение семейной и личной жизни [17].

Данное дело получило широкую общественную огласку, Россия признала нарушение норм Конвенции, К.А. Маркин получил справедливую компенсацию за допущенные нарушения, а Правительство Российской Федерации разработало и внесло законопроект о внесении изменений в Федеральный закон «О статусе военнослужащих» по устранению дискриминационной нормы.

В свете вопросов защиты государством материнства и отцовства интересным представляется тезис ЕСПЧ о том, что понимание именно женщины как главного воспитателя детей является «гендерным предрассудком», и его критическое отношение к позиции Конституционного Суда Российской Федерации об особой, связанной с материнством, социальной роли женщины в обществе. Более того, не имея прецедентных решений по спорному вопросу, ЕСПЧ использовал правовую позицию по делу «Смит и Грейди vs Соединенное Королевство» относительно увольнения из вооруженных сил гомосексуалистов, что представляется еще более странным, поскольку не имеет никакого отношения к правам ребенка, которые оказываются ущемленными в результате ограничения семейных прав отца-военнослужащего.

Кроме того, конституционный принцип равенства (ч. 1 и 2 ст. 19 Конституции Российской Федерации) [1] гарантирует равные права и обязанности для субъектов, относящихся к одной категории, и не исключает возможность установления раз-

личных норм в отношении лиц, принадлежащих к другим категориям. Следовательно, данный принцип не может считаться нарушенным, если различия между теми или иными категориями лиц являются достаточными для того, чтобы предусмотреть для них различное правовое регулирование [2].

Однако, рассматривая принцип равенства граждан, следует задаться вопросом: что имеет приоритет – права отдельной личности или права общества, как совокупности равных личностей в целом. С одной стороны, общество, как целостное объединение отдельных граждан, может существовать, только если существуют сами граждане, если обеспечены и защищены их права и свободы. С другой стороны, и гражданин не может существовать вне социума, который и определяет условия его жизни посредством установления нормативного регулирования отдельных сфер жизни, в том числе – и обороны самого общества (государства), даже жертвуя определенными правами и свободами своих граждан. Обеспечение могущества, процветания и благоденствия общества – задача приоритетная, первостепенная, во имя реализации которой вполне допустимо умаление интересов отдельных частей [16], поскольку именно обязанности составляют фундамент взаимной безопасности членов общества и объективно необходимое условие их взаимодействия [22].

Наибольшее применение такой подход находит в особых сферах отношений – оборона и обеспечение безопасности государства, защита основ конституционного строя и т.п. При этом он основывается на необходимости обеспечить в первую очередь не права индивида, а интересы социума, что обусловлено особой важностью таких отношений, и определяет специфический правовой статус органов и должностных лиц, участвующих в них. В этом случае неравенство правового положения граждан может устанавливаться законом, однако исключительно в публично-правовых интересах.

Конституционный Суд Российской Федерации указал, что, определяя средства и способы защиты государственных интересов, законодатель должен использовать

лишь те меры, которые необходимы, строго обусловлены этими целями и исключают для конкретной правоприменительной ситуации возможность несоразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина. Публичные интересы, перечисленные в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации [1], могут оправдывать правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения адекватны социально необходимому результату; цели одной рациональной организации деятельности органов власти не могут служить основанием для значительного ограничения прав и свобод [3].

Следует отметить еще одну проблему непредоставления военнослужащим мужского пола отпуска по уходу за ребенком, которая является весьма важной, но упускается из виду: обеспечение конституционного права ребенка на приоритетное воспитание своими родителями (п. 3 ст. 1 и п. 2 ст. 54 СК РФ) [4]. Как правило, данный отпуск истребуется отцами в случае отсутствия матери ребенка (ее смерть, безвестное отсутствие, лишение дееспособности и пр.). И в этом случае лишение отца права личного воспитания ребенка (абз. 3 п. 1 ст. 63 СК РФ) [4] в итоге приводит к тому, что ребенок остается без родительского попечения. Более того, иные родственники чаще не могут (или не хотят) принять на себя осуществление функций по воспитанию ребенка. Таким образом, ребенок фактически превращается в сироту при живом отце, что просто недопустимо не только с точки зрения интересов самого ребенка, но и социальных и демографических интересов государства.

С другой стороны, позиция Конституционного Суда «об особой связанной с материнством социальной роли женщины в обществе», в силу которой военнослужащие женского пола, не являющиеся матерью ребенка (бабушки, тети, другие родственники или опекуны), имеют право на предоставление отпуска по уходу за ребенком, вызвала совершенно необоснованное расширение перечня категорий военнослужащих женского пола, не связанных с детьми прямым близким родством, имеющих право на предоставление соответствующей гарантии. При этом игнорируются нормы

п. 1 ст. 61 СК РФ о равенстве прав и обязанностей родителей в отношении своих детей [4] и абз. 3 п. 1 ст. 63 СК РФ о преимущественном праве родителей перед иными лицами на воспитание и обучение своих детей [4], а также абз. 2 п. 2 ст. 54 СК РФ, устанавливающей право ребенка на воспитание своими родителями [4].

И в этом случае проблема соотношения и применимости норм СК РФ и Федерального закона «О статусе военнослужащих» переходит на новый уровень: что имеет приоритет – право государства на обеспечение его обороны или право ребенка на семейное воспитание своими родителями. Учитывая, что не так много мужчин-военнослужащих нуждаются в предоставлении им отпуска по уходу за ребенком, можно утверждать: единичные случаи предоставления такового на обороноспособность и безопасность государства не повлияют. А нарушение права ребенка на воспитание своими родителями (речь идет об отце, который стремится исполнять свои родительские обязанности надлежащим образом, в интересах ребенка) может привести к тому, что воспитанием и образованием ребенка будут заниматься лица, которые не имеют такой же высокой, как и отец мотивации в его развитии, воспитании. И здесь перспективный вред государству должен рассматриваться как более угрожающий интересам государства, чем вред от предоставления отцу-военнослужащему оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком. Таким образом, спорные положения полностью оставляют без внимания права ребенка, которые согласно и международным, и российским нормативным правовым актам должны подлежать приоритетной защите со стороны государства [4; 7].

Итак, на основании вышесказанного, полагаем возможным отметить, что проблема соразмерности ограничения прав и свобод человека и гражданина и достигаемых в результате этого социально значимых результатов всегда является актуальной не только для отраслевого (военного) законодательства, но и для правовой системы в целом. В части исследуемого вопроса отметим, что в основе принципа гендерного равенства при про-

хождении военной службы должен лежать подход, учитывающий физиологические особенности военнослужащих разного пола, специфику правового положения лиц с семейными обязанностями и исходящий из разумного уравнивания интересов несовершеннолетнего ребенка и особенностей выполнения военнослужащими обязанностей по защите Отечества. Так, в качестве обязательного условия для предоставления соответствующих социальных гарантий и компенсаций военнослужащим женского пола должны являться состояние беременности и (или) наличие несовершеннолетних детей, а для военнослужащих мужского пола – воспитание детей без матери, что позволит соблюсти необходимый баланс между интересами военной службы и социальными правами военнослужащих и конституционными и семейными правами и законными интересами ребенка.

Для разрешения существующего противоречия представляется целесообразным использовать норму абз. 7 ст. 54 Положения о службе в органах внутренних дел 1992 г. [10], зарекомендовавшей себя с положительной стороны практикой ее применения, и внести соответствующие изменения и дополнения в п. 13 ст. 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих» [6]. Также авторы уже обращались к данной проблеме ранее [19] и предлагали возможную формулировку ч. 13 ст. 11 названного Закона [6], которая бы учитывала права, обязанности и законные интересы военнослужащего как отца и необходимость обеспечения обороноспособности государства.

В июне 2014 г. на рассмотрение Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (ГД ФС РФ) был внесен законопроект № 540300-6, предусматривавший предоставление военнослужащим-мужчинам, проходящим военную службу по контракту и являющимся отцами или усыновителями, отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет, если они воспитывает ребенка без матери: в случае ее смерти, лишения родительских прав, отказа от ребенка, длительного пребывания в медицинских организациях и т.п. К сожалению,

3 декабря 2015 г. данный законопроект был снят с рассмотрения Советом ГД ФС РФ.

В целом, по рассматриваемому вопросу недопустимо принятие половинчатого решения, а необходим комплексный подход, чтобы его результатом стало как совершенствование социального положения военнослужащих разного пола, так и укрепление боеспособности и боеготовности Вооруженных Сил Российской Федерации, а также защита прав и законных интересов ребенка.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (в ред. от 21.07.2014) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Силина Сергея Константиновича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 Правил получения отдельными категориями военнослужащих денежной компенсации вместо предметов вещевое имущество личного пользования, положенных по нормам снабжения вещевым имуществом военнослужащих в мирное время: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17.07.2007 № 580-О-О [Электронный ресурс] // Консультант-Плюс: справ.-правовая система. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=1913>.
3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Маркина Константина Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 13 и 15 Федерального закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», статей 10 и 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих», статьи 32 Положения о порядке прохождения военной службы и пунктов 35 и 44 Положения о назначении и выплате государственных пособий гражданам, имеющим детей: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15.01.2009 № 187-О-О [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87365/.
4. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.1995 №223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.
5. О воинской обязанности и военной службе: Федеральный закон от 23.03.1998 № 53-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 13. Ст. 1475.
6. О статусе военнослужащих: Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 22. Ст. 2331.
7. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.1998 №124-ФЗ // Российская газета. 1998. №147.
8. О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих: Федеральный закон от 20.08.2004 № 117-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 34. Ст. 532.
9. Вопросы прохождения военной службы (вместе с «Положением о порядке прохождения военной службы»): Указ Президента РФ от 16.09.1999 № 1237 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 38. Ст. 4534.
10. Об утверждении Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и текста Присяги сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации: постановление Верховного Совета Российской Федерации от 23.12.1992. № 4202-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 2. Ст. 70.
11. О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2014 № 8 // Российская газета. 2014. 4 июня.
12. *Елсуков С.Н.* О праве супруга (супруга) военнослужащего на жилое помещение, приобретаемое в рамках накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих // Право в Вооруженных Силах. 2010. № 4.
13. *Зайков Д.Е.* Современные проблемы реализации принципа равенства мужчин и женщин при прохождении военной службы // Право в Вооруженных Силах. 2007. № 1.
14. *Зайков Д.Е.* К вопросу о предостав-

лении военнослужащим мужского пола отпуска по уходу за ребенком // *Право в Вооруженных Силах*. 2009. № 8.

15. *Итяшева И.А., Слепко Г.Е., Стражевич Ю.Н.* Правовые проблемы реализации конституционной обязанности родителей по воспитанию детей в случае расторжения брака // *Научные труды. РАЮН. Выпуск 12: в 2 т. М.: Юрист, 2012. Т. 1. С. 847–851.*

16. *Керимов А.Д.* Современное государство: вопросы теории. М., 2008.

17. *Маврин С.* Решения Европейского суда и российская правовая система [Электронный ресурс]. URL: <http://ksrf.ru/Press-srv/Smi/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=2289>.

18. *Слепко Г.Е.* Гендерное равенство и его отражение в семейном и военном законодательстве и судебной практике // *Семейное и жилищное право*. 2014. № 6. С. 29–33.

19. *Слепко Г.Е.* О некоторых ограничениях и нарушениях принципа гендерного равенства в семейном праве и отраслевом законодательстве / Г.Е. Слепко, Ю.Н. Стражевич // *Научные труды. РАЮН. М.: Юрист, 2015. С. 719–723.*

20. *Слепко Г.Е.* Основания возникновения общей собственности и использование презумпции общности имущества применительно к супругам, один из которых является военнослужащим / Г.Е. Слепко, Ю.Н. Стражевич, А.И. Ткачев // *Военное право*. 2015. № 2. С. 12–27.

21. *Стренина Е.А.* Возможно ли предоставление военнослужащему мужского пола отпуска по уходу за ребенком // *Право в Вооруженных Силах*. 2006. № 7.

22. *Эбзеев Б.С.* Личность и государство в России: Взаимная ответственность и конституционная обязанность. М., 2007.

Сведения об авторах

Слепко Галина Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент 27 кафедры (гражданского права) Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, Москва.

111033, Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4.

E-mail: geslepko@rambler.ru

Иванников Максим Валерьевич, старший сержант, курсант 5 курса 5 факультета (прокурорско-следственного), Военного

университета Министерства обороны Российской Федерации, член военно-научного общества, Москва.

111033, Москва, ул. Волочаевская, д.3/4.

E-mail: ivannikovmaxim@yandex.ru

ENFORCEMENT OF THE RIGHT FOR A PARENTAL LEAVE BY A SERVICEMAN: LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND APPROACH ADOPTED BY THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

**Galina E. SLEPKO,
Maksim V. IVANNIKOV**

Abstract. The article discusses legal regulation of the enforcement of parental rights by a serviceman as well as the correlation between the standing family and military legislation and the influence of the European Court of Human Rights and Russian courts on the law enforcement and judicial practice.

Keywords: gender equality; parenthood; paternity; serviceman

Information about the authors

Slepko Galina Evgen'evna, *Cand. Sc. (Philology)*, Associate Professor of Department 27 (civil law) of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation.

3/4, Volochaevskaya Str., Moscow, 111033, Russian Federation.

E-mail: geslepko@rambler.ru

Ivannikov Maksim Valer'evich, *Sergeant Major*, 5th Year Cadet of the Department (prosecution and investigation) of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation, member of the military research society, Moscow.

3/4, Volochaevskaya Str., Moscow, 111033, Russian Federation.

E-mail: ivannikovmaxim@yandex.ru

О ПУТЯХ РАЗРЕШЕНИЯ ВОПРОСОВ ВЫЗОВА В СУД СУДЕБНОЙ ПОВЕСТКОЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ, ПРОХОДЯЩИХ ВОЕННУЮ СЛУЖБУ ПО ПРИЗЫВУ

А. Н. ПОВАЛЯЕВ,

судья

E-mail: povalyaev200907@yandex.ru

Московский гарнизонный военный суд

Аннотация. Статья посвящена не урегулированным в законодательстве вопросам явки в суд военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, возможности их убытия в судебное заседание по увольнительной записке, выданной на основании судебной повестки, а также порядка убытия военнослужащих в суд для участия в судебном заседании в целях защиты своих прав.

Ключевые слова: повестка; гражданский процесс; военнослужащий по призыву; увольнение; гарнизон

Задачами гражданского судопроизводства, в соответствии со ст. 2 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ), являются правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, в том числе военнослужащих [1].

Выполнение указанных задач достигается при неукоснительном соблюдении принципов осуществления гражданского судопроизводства, в частности, равенства всех перед законом и судом, разумного срока судопроизводства и осуществления правосудия на основе состязательности и равноправия сторон.

Одна из наиболее важных гарантий соблюдения прав человека в гражданском судопроизводстве заключается в обеспечении его беспрепятственного участия в судебном заседании как стороны либо иного лица, участвующего в деле, чье право затрагивается при рассмотрении дела. Без обеспечения доступности участия граждан в судебном заседании невозможно достичь правильного, всестороннего и объективного рассмотрения гражданского дела по существу, а, следовательно, и решить указанные в ст. 2 ГПК РФ [1] задачи

гражданского судопроизводства.

В связи с этим возникает вопрос: каким образом обеспечить беспрепятственное участие в судебном заседании военнослужащего, проходящего военную службу по призыву (далее – военнослужащий по призыву), относящегося к категории граждан, которые в связи с исполнением ими обязанностей по поддержанию обороноспособности страны, боеготовности и боеспособности Вооруженных Сил ограничены в правах, поскольку они лишены возможности на законных основаниях самовольно, по своему усмотрению, без соответствующего разрешения покинуть расположение воинской части (отдельного подразделения)?

Остановимся на данном вопросе более подробно.

Статьями 239–251 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации (далее – Устав) предусмотрено, что военнослужащий по призыву может покинуть расположение полка в случае его увольнения из расположения полка, отпуска либо командировки [2].

Иных законных оснований для убытия военнослужащего по призыву из расположения полка действующее законодательство не предусматривает¹.

Важно отметить, что военнослужащие по призыву вправе свободно передвигаться лишь в расположении части, их выезд за пределы местного гарнизона (за исключением убытия в отпуск или командировку), в соответствии со ст. 239 Устава, запрещен [2].

В случае увольнения военнослужащего по призыву из расположения полка ему старшиной роты вручается увольнительная записка. Как правило, военнослужащие увольняются в выходные и праздничные дни с целью отдыха, встречи с родителем

¹ Убытие военнослужащего из расположения полка в связи с его болезнью (госпитализацией) как основание для убытия на судебное заседание в данной статье не рассматривается, поскольку такое убытие военнослужащего вызвано необходимостью его лечения, которое зачастую занимает продолжительный период времени.

ми, друзьями. Кроме того, увольнение осуществляется в строго определенные часы и регламентирует как время убытия военнослужащего из расположения части, так и его прибытие до вечерней поверки, которая проводится в 22.00 ежедневно.

Законным основанием для убытия военнослужащего из расположения полка является его отпуск или служебная командировка на основании приказа командира полка и выданного ему в связи с этим командировочного удостоверения.

Ограничение военнослужащих в их конституционном праве свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства (ст. 27 Конституции Российской Федерации) связано с необходимостью поддержания боевой готовности воинских частей и обеспечения своевременности прибытия к месту службы, т.е. отвечает принципу, закрепленному в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которым права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только федеральным законом, в том числе в целях обеспечения обороны и безопасности [5].

Как отмечено И.В. Душкиным, регулирование вопросов, связанных с обеспечением явки военнослужащего по вызову в органы предварительного расследования и в суд, относится к компетенции федеральных органов исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, что, в частности, вытекает из положений ч. 5 ст. 188 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, согласно которой вызов военнослужащего на допрос осуществляется через командование воинской части [4].

Вместе с тем, ни Устав, ни иные нормативные акты не определяют, каким образом необходимо действовать военнослужащему по призыву или его командиру при получении ими судебной повестки о вызове военнослужащего в суд как в качестве истца или ответчика, так и в качестве третьего лица. До настоящего времени данный вопрос действующим законодательством не урегулирован, несмотря на то, что без обеспечения доступа к участию в судебном заседании невозможно добиться равноправия и состязательности сторон в судебном разбирательстве, о чем говорилось выше.

Рассмотрение какого-либо гражданского дела без военнослужащего по призыву, извещенного надлежащим образом о времени и месте судебного заседания и по объективным причинам не прибыв-

шего в суд и не известившего суд об этом, осуществляться не должно, на основании положений ст. 167 ГПК РФ такое судебное заседание откладывается на более поздний срок [1]. Указанное обстоятельство нередко приводит к нарушению сроков рассмотрения гражданских дел. Однако следует отметить, что в данном случае своевременность рассмотрения гражданских дел зависит не только от своевременности извещения лиц, участвующих в деле, о месте и времени судебного заседания, но и от действий как командира полка, так и от самого военнослужащего. Более того, суду при назначении и проведении судебного заседания необходимо учитывать статус военнослужащего и в случае его неприбытия в суд выяснять причины, способствовавшие этому. Только так можно добиться справедливого, объективного и своевременного рассмотрения дела, что не повлечет за собой отмену принятого судебного акта.

В связи с этим представляется целесообразным установить правило, согласно которому при подаче военнослужащим по призыву заявления (иска) в суд, во избежание нарушения его процессуальных прав как стороны, он должен указать в заявлении (иске) о прохождении им военной службы по призыву и в обязательном порядке уведомить своего командира об обращении в суд. Командиру, в свою очередь, необходимо принять все меры по допуску подчиненного к участию в судебном заседании, не чинить ему в этом препятствий, даже если оспариваются действия самого командира.

Из практики следует, что при получении судебных повесток, адресованных военнослужащим по призыву, командиры воинских частей по-разному обеспечивают явку подчиненных в суд для участия в судебном заседании. Некоторые предоставляют военнослужащим увольнение из расположения полка на основании увольнительной записки, другие оформляют убытие военнослужащего на судебное заседание как служебную командировку, третьи направляют военнослужащего по призыву в суд в сопровождении военнослужащего по контракту, назначенного в качестве старшего, в порядке, предусмотренном ст. 251 Устава [2].

Какой же способ является правильным, отвечающим всем требованиям законодательства и сложившимся общественным отношениям?

На наш взгляд, наиболее правильный способ обеспечения доступа военнослужащего по призыву к правосудию – на-

правление его в суд вместе с военнослужащим по контракту, назначенным в качестве старшего, поскольку именно такой способ исключает возможность злоупотребления военнослужащим по призыву оказанным ему доверием при увольнении из расположения полка.

К примеру, военнослужащий по призыву покидает расположение воинской части для убытия в суд на основании увольнительной записки, в которой указывается время его прибытия. Однако в этом случае командир лишен возможности достаточно точно определить, когда убывшему на судебное заседание подчиненному надлежит вернуться в часть, поскольку время, в течение которого тот будет находиться в суде, зависит от категории дела, его сложности, количества лиц, участвующих в деле, а также от того, в каком качестве участвует военнослужащий по призыву в судебном заседании (свидетель, истец, ответчик). Допустим, военнослужащему для убытия в суд выдана увольнительная записка, в которой указано время прибытия в часть 18.00, а судебное заседание по гражданскому делу по его заявлению, начатое в 13.00, заканчивается спустя один час. Следовательно, военнослужащий в период с 14.00 до 18.00 может проводить свободное время по своему усмотрению, тогда как его увольнение из расположения полка имело целью обеспечение доступа к правосудию. Именно это обстоятельство открывает перед военнослужащим возможность для злоупотребления оказанным ему командованием полка доверием.

Следует также отметить, что увольнение военнослужащего по призыву из расположения полка для участия в суде не допускает возможность прибытия такого военнослужащего в суд, расположенный за пределами гарнизона. Например, к военнослужащему, проходящему военную службу по призыву в воинской части, дислоцированной в Московском гарнизоне, предъявлен иск о возмещении вреда, причиненного увечьем. В соответствии со ст. 29 ГПК РФ [1] такие иски могут быть предъявлены истцом по месту его жительства, коим является, скажем, Владимирская область, территория которой относится к Владимирскому гарнизону. В этом случае убытие военнослужащего за пределы гарнизона на основании увольнительной запи-

ски запрещено. В то же время направлять его в служебную командировку в одиночном порядке также нецелесообразно ввиду небезопасности одиночного следования военнослужащего в другой гарнизон².

С другой стороны, направление военнослужащего в суд вместе с военнослужащим, назначенным в качестве старшего, влечет за собой освобождение последнего от возложенных на него служебных обязанностей, но в то же время именно данный способ обеспечения участия военнослужащего по призыву в суде является безопасным, не противоречит действующему законодательству, обеспечивает соблюдение прав военнослужащего в полном объеме и способствует своевременному, полному и объективному рассмотрению и разрешению гражданских дел.

В рамках рассматриваемого вопроса надо сказать и о еще одной серьезной проблеме. Зачастую тот или иной командир воинской части, узнав, что военнослужащий обратился в судебный орган с заявлением об оспаривании его действий, не выдает этому военнослужащему разрешительные документы на убытие в суд, чтобы не допустить подчиненного к участию в деле. Конечно же, такие запретительные меры являются грубым нарушением действующего законодательства, прав и законных интересов военнослужащего как гражданина. Делается это с единственной целью: избежать судебных тяжб из-за боязни понести ответственность за совершенные незаконные действия в отношении подчиненного.

Во избежание возникновения таких ситуаций в Вооруженных Силах Российской Федерации и иных войсках работниками правоохранительных органов постоянно проводятся правовые беседы с личным составом, в ходе которых у военнослужащих как по призыву, так и по контракту формируется доверие к судебным органам, уважительное отношение к ним.

В случае обнаружения подобных нарушений законодательства, по нашему мнению, суд в обязательном порядке должен принимать соответствующие меры реагирования в адрес командования, в том числе вышестоящего.

Из сказанного следует вывод о том, что судебная повестка по гражданскому делу основанием для выдачи военнослужащему

² Небезопасность одиночного следования военнослужащего в другой гарнизон заключается в том, что такой военнослужащий после окончания судебного заседания или после объявления перерыва в судебном заседании до следующего дня вынужден в течение длительного периода находится в другом гарнизоне и обеспечить его безопасность командиру воинской части достаточно проблематично.

по призыву увольнительной записки, равно как и командировочного удостоверения, не является. При получении судебных повесток, извещений об обеспечении участия военнослужащих в судебных заседаниях осуществляется различными способами и методами, определяемыми самими командирами воинских частей. Таким образом, отсутствие законодательного урегулирования вопроса о допуске военнослужащего по призыву в суд для участия в судебном заседании является пробелом в праве. Такой допуск требует скорейшего закрепления в соответствующих нормативных актах: Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации и Уставе внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации.

В заключение также хотелось бы отметить, что многие суды в случае нахождения у них в производстве исков к военнослужащим, проходящим военную службу по призыву в другом гарнизоне, зачастую направляют в суд по месту службы этих военнослужащих судебные поручения о необходимости вручения им копий исков, разъяснения им прав и обязанностей, отобрания у них возражений на иск в случае их наличия, а также выяснения согласия военнослужащего на проведение судебного заседания без его участия. На наш взгляд, направление таких судебных поручений в случае, если военнослужащий является ответчиком по делу, не отвечает требованиям гражданского процессуального законодательства, поскольку после выполнения указанных процессуальных действий говорить о надлежащем извещении военнослужащего по призыву об очередном судебном заседании, которое состоится после исполнения поручения, вряд ли возможно. Более того, как разъяснил Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем постановлении от 24.06.2008 № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному заседанию» [3], в порядке судебного поручения не должны собираться письменные или вещественные доказательства, которые могут быть представлены сторонами или по их просьбе истребованы судом, рассматривающим дело.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Российская газета. 2002. 20 нояб.

2. Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации

от 10.11.2007 № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» // Общевоинские уставы Вооруженных Сил Российской Федерации. М.: Эксмо, 2014.

3. О подготовке гражданских дел к судебному заседанию: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.06.2008 № 11 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_78038/.

4. Душкин И.В. Законность направления военнослужащего, проходящего военную службу по призыву, для совершения процессуальных действий в судебные и следственные органы, расположенные в другом населенном пункте // Право в Вооруженных Силах. 2014. № 3. С. 5–8.

5. Комментарий к Федеральному закону «О воинской обязанности и военной службе». 3-е изд., перераб. и доп. / А.С. Зорин, А.В. Кудашкин, Я.В. Лобов, А.И. Тюрин, К.В. Фатеев, С.В. Шанхаев. М.: За права военнослужащих, 2007. 592 с.

Сведения об авторе

Поваляев Александр Николаевич, судья Московского гарнизонного военного суда. 123007, Москва, Хорошевское шоссе, д. 38 Д.

Тел.: (495) 693-57-88.

E-mail: povalyaev200907@yandex.ru

ON WAYS TO RESOLVE THE PROBLEM OF SUBPOENA FOR CONSCRIPTS

Aleksandr N. POVALYAEV

Abstract. The article discusses the issues, not regulated in the law, of how to subpoena conscripts as well as the possibility for them to leave the unit by a leave pass, pursuant to the subpoena, to testify in the hearing, and the procedure for them to stand in the court of law in order to protect their rights.

Keywords: subpoena; civil litigation; conscript; leave; garrison

Information about the author

Povalyaev Aleksandr Nikolaevich, Judge of Moscow Garrison Military Court. 38 D, Khoroshevskoe Shosse, Moscow, 123007, Russian Federation.

Tel.: +7 (495) 693-57-88.

E-mail: povalyaev200907@yandex.ru

О ДАЛЬНЕЙШЕМ СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРАВОВОЙ РАБОТЫ В ОБЛАСТИ ВОЕННО-ЦЕРКОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

О.А. ОВЧАРОВ,

*кандидат юридических наук, преподаватель
25 кафедры (военной администрации,
административного и финансового права)
E-mail: o.oleg.1968@mail.ru*

В.В. ЩУКИНА,

*преподаватель 25 кафедры (военной администрации,
административного и финансового права)
E-mail: vika--@mail.ru*

**Военный университет Министерства обороны
Российской Федерации, Москва**

Аннотация. В статье кратко рассмотрены правовые проблемы в области военно-церковных отношений. Проанализированы результаты социологических исследований по изучению религиозной ситуации в армии и на флоте. Изучены недостатки законодательства в указанной сфере. На основе сделанных выводов предложены пути совершенствования правового регулирования взаимоотношений Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, в которых законом предусмотрена военная служба, и Русской Православной Церкви.

Ключевые слова: правовая работа; военное духовенство; право на вероисповедание

Под правовой работой принято понимать разновидность человеческой деятельности, представляющей собой осуществление уполномоченными органами с помощью правовых средств комплекса мер по реализации социально полезных целей и задач.

Применительно к военному духовенству правовая работа призвана создать благоприятные условия организации богослужбной и пастырской деятельности военных священников, способствовать укреплению духовных основ воинского служения. В этой области правовая работа проводилась в том или ином виде на протяжении многих веков.

Как известно, после крещения великого князя Владимира первыми последовали его примеру воины княжеской дружины. Затем дружина, сопровождаемая духовен-

ством (крестившим впоследствии русский народ), вернулась в Киев, где и произошло знаменитое судьбоносное историческое событие – крещение Руси. Сопровождавших воинство в этом походе священнослужителей (обучавших христианств дружинников и удовлетворявших их духовные нужды) можно смело назвать первым военным духовенством. С этой поры в летописях начинают встречаться упоминания о священниках, выступавших вместе с войсками в походы.

Вот только один красноречивый пример. В конце февраля 1111 г. великим князем Владимиром Мономахом был предпринят большой поход против половцев, а 24 марта того же года русские полки, впереди которых накануне сражения двигались священники, вдохновляя воинов на ратные подвиги, одержали первую победу над врагом [13, с. 6–7].

Так закладывались основы тесного и плодотворного сотрудничества русского воинства и Православной Церкви.

В России имперского периода с формированием регулярной армии и флота появляются и постоянно служащие при полках и на кораблях священники. В начале XIX в. формируется относительно самостоятельная структура – управление военного духовенства.

Во время Первой мировой войны в подчинении протопресвитера (главного священника в военном ведомстве) было свыше 5 тысяч священнослужителей. Об их деятельности во время военных действий давали благожелательные отзывы оба Верховных Главнокомандующих царской

армии. Департаменту военных священников были подчинены 24 военных собора, сотни церквей (437 полковых, 13 крепостных, 32 госпитальные, 17 тюремных, 33 суддебные и т.д.), а также целый ряд лечебных и прочих богоугодных заведений. Численный состав священников в русской армии определялся штатами, утвержденными военным министерством [10, с. 39].

В советский период институт военного духовенства по идеологическим соображениям был ликвидирован.

Со сменой идеологии в стране ситуация в отношениях государства и церкви изменилась, и 21 июля 2009 г. Президент Российской Федерации Д.А. Медведев санкционировал введение в России института военного духовенства [11]. Выступая на специальном совещании, президент сообщил, что в его адрес были направлены обращения лидеров ведущих российских религиозных организаций, в которых содержались предложения по преподаванию в школах дисциплин, направленных на духовно-нравственное просвещение, а также о введении в Вооруженных Силах института капелланов. «Я принял решение поддерживать оба этих обращения: идею преподавания в школах России основ религиозной культуры и светской этики, считаю также целесообразным организовать работу на постоянной основе в наших Вооруженных Силах священнослужителей, представляющих традиционные российские конфессии», – сказал Д.А. Медведев [12].

Вскоре вышло Положение по организации работы с верующими военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации (утв. Минобороны России 24.01.2010) (далее – Положение) [5]. Это уже был большой шаг в сторону воссоздания института военных священников. Однако данный акт следует расценивать как полумеру, поскольку он вводит не столько институт военного духовенства, сколько органы по работе с верующими военнослужащими: как видно из Положения [5], вновь образованная структура никакого отношения к какой-либо религиозной организации не имеет, на должности помощника командира по работе с верующими военнослужащими могут назначаться любые граждане, не обязательно имеющие священнический сан и связь с религиозной организацией. По сути, это не военное духовенство в подлинном смысле этого слова, а подменяющая религиозную организацию структура

государства, в которой функции военных священников выполняются помощниками командира по работе с верующими военнослужащими, подчиненными (по Положению и действующему государственно-законодательству) только командиру и, в сущности, никак организационно не связанными с религиозной организацией, которую могут представлять и от имени которой могут осуществлять религиозную деятельность в войсках.

Следует также отметить, что легитимность указанного Положения как нормативного правового акта федерального органа исполнительной власти, затрагивающего права граждан (в частности, право на свободу вероисповедания, установленного ст. 28 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция) [1]), нельзя признать бесспорным и в силу ряда юридически значимых обстоятельств.

На основании ч. 3 ст. 15 Конституции [1] все законы, а также любые нормативные акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, должны быть официально опубликованы для всеобщего сведения. Неопубликованные нормативные правовые акты не применяются, не влекут правовых последствий как не вступившие в силу.

Вопросы государственной регистрации и вступления в силу ведомственных нормативных правовых актов регулируются Указом Президента Российской Федерации от 23.05.1996 № 763 [2] и постановлением Правительства Российской Федерации от 13.08.1997 № 1009 [3].

В соответствии с п.п. 8–10 Указа Президента Российской Федерации от 23.05.1996 № 763 нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, прошедшие государственную регистрацию в Министерстве юстиции Российской Федерации, подлежат обязательному официальному опубликованию в «Российской газете» в течение 10 дней после дня их государственной регистрации и в Бюллетене нормативных актов федеральных органов исполнительной власти издательства «Юридическая литература» Администрации Президента Российской Федерации [2].

Кроме того, официальными являются тексты нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти,

содержащиеся в Бюллетене нормативных актов федеральных органов исполнительной власти, распространяемом в электронном виде Федеральным государственным унитарным предприятием «Научно-технический центр правовой информации «Система» Федеральной службы охраны Российской Федерации и органами государственной охраны, а также размещаемые на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и на интернет-портале «Российской газеты» (www.rg.ru), функционирование которого обеспечивает Федеральное государственное бюджетное учреждение «Редакция «Российской газеты».

Согласно п. 10 Указа Президента Российской Федерации от 23.05.1996 № 763 нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, не прошедшие государственную регистрацию, а также зарегистрированные, но не опубликованные в установленном порядке, не влекут правовых последствий, как не вступившие в силу, и не могут служить основанием для регулирования соответствующих правоотношений, применения санкций к гражданам, должностным лицам и организациям за невыполнение содержащихся в них предписаний. На указанные акты нельзя ссылаться при разрешении споров [2].

На основании п. 10 Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации (утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 13.08.1997 № 1009) государственной регистрации подлежат нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, устанавливающие правовой статус организаций, имеющие межведомственный характер, независимо от срока их действия [3].

В п. 12 «Разъяснений о применении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации», утвержденных приказом Минюста России от 04.05.2007 № 88 [4], дается более подробное описание признаков нормативных актов, подлежащих государственной регистрации. В частности, к таковым относятся акты, которые содержат правовые нормы, затрагивающие:

– гражданские, политические, социально-экономические и иные права, свободы

и обязанности граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства;

– гарантии их осуществления, закрепленные в Конституции Российской Федерации и иных законодательных актах Российской Федерации;

– механизм реализации прав, свобод и обязанностей.

По сути, Положение по организации работы с верующими военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации [5], затрагивает и сами права на свободу вероисповедания (установленные ст. 28 Конституции [1]), и гарантии их осуществления, и механизм реализации этих прав. Этот вывод прямо следует не только из названия, но и из п. 1 Положения [5], который указывает, что Положение устанавливает порядок взаимодействия органов военного управления и религиозных объединений в отношении реализации верующими военнослужащими прав на свободу совести и свободу вероисповедания в соответствии с Конституцией и иными правовыми актами Российской Федерации.

Следовательно, в силу вышеперечисленных правовых оснований, данное Положение должно было пройти процедуру государственной регистрации в Минюсте России и процедуру официального опубликования в строго перечисленных официальных изданиях. Точных сведений ни о государственной регистрации, ни об официальном опубликовании утвержденного Минобороны России Положения по организации работы с верующими военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации в официальных источниках найти не удается.

Вывод напрашивается сам собой – юридическая сила Положения весьма сомнительна.

Несколько позже, спустя почти три года после издания указанного Положения, вышел другой важный официальный документ – Положение о военном духовенстве Русской Православной Церкви в Российской Федерации (принято на заседании Священного Синода Русской Православной Церкви 25–26.12.2013 (журнал № 141)) [6]. В нем в определенной степени сглаживаются недостатки Положения по организации работы с верующими военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации. Так, например, синодальным Положением вводится понятие «военное

духовенство», к которому относятся священнослужители двух категорий: штатные и нештатные, чего нельзя встретить в министерском Положении. Устанавливается подчиненность штатного военного духовенства не только командирам, но, по отдельным вопросам, и местным архиереям.

Несмотря на отдельные нестыковки и недоработки, указанные Положения, введенные федеральным органом исполнительной власти и Священным Синодом, свидетельствуют о расширении сотрудничества армии и церкви, понимании насущной необходимости дальнейшего укрепления взаимодействия между ними.

В результате активного развития военно-церковных отношений на протяжении двух с лишним десятилетий существенно меняется и религиозная ситуация в войсках. Проводимые с начала 1990-х гг. военными социологами исследования выявляют динамику, говорящую о существенном росте религиозности личного состава и потребности в удовлетворении права на вероисповедание. Так, в 1990 г. верующими себя признавали лишь 14%, а неверующими 63% [9, с. 77]. В 2003 г. 60% военнослужащих считали себя верующими, принадлежащими к какой-либо конфессии, а остальные 40% не идентифицировали себя ни с каким вероисповеданием [7]. Спустя еще 5 лет доля идентифицирующих себя с религией составила 72%, неверующих – 8%.

В 2008 г. Социологический центр Вооруженных Сил Российской Федерации провел очередное масштабное исследование по изучению религиозной ситуации в армии и на флоте, осуществлявшееся по всеармейской выборке и охватывавшее военнослужащих всех категорий, округов, флотов, видов Вооруженных Сил и родов войск. По его результатам было установлено, что в Российской армии наряду с ростом доли верующих военнослужащих отмечается и расширение форм взаимодействия воинских частей с церковными организациями.

По религиозным конфессиям фиксировалось преобладание православия – 85% опрошенных. На втором месте по распространенности значился ислам – 7,1%. Считали себя буддистами и протестантами 1%, а представителей других религий (в том числе иудаизма, католицизма) насчитывалось не больше 0,5%. Примечательно, что 4% верующих военнослужащих не

смогли идентифицировать религиозную конфессию, с которой они себя соотносят, а 2% заявили, что исповедуют одну из нетрадиционных для России религий.

Динамика конфессионального распределения военнослужащих за последующие годы не обнаруживает заметных изменений [9, с. 77].

Исследования выявили интересный факт: более трети (36%) неверующих имеют при себе предметы, символизирующие приверженность к конкретной религии. С одной стороны, это говорит о дани традиции, моде, а с другой – убеждает в том, что эти военнослужащие-«атеисты», по сути, являются верующими, просто не желают по разным причинам в этом признаваться посторонним.

Красноречивы и другие данные опроса. Около 60% респондентов одобряют проведение в воинских частях обрядов освящения военных объектов, около 9% осуждают это. Больше всего противников у обрядов освящения вооружения (12%) и боевой техники (11%). Чаще находит поддержку и понимание освящение личного состава (69% – «за» и 6% – «против») и казарм, других помещений (63% – «за» и 8% – «против»). Почти треть опрошенных относится к обрядам освящения нейтрально или равнодушно.

Эти данные социологического исследования убедительно говорят об устойчивом росте потребностей военнослужащих в духовном окормлении.

Следует отметить, что из силовых ведомств только Минобороны России утвердило Положение, предоставляющее возможность назначать на штатные должности военных священнослужителей и выплачивать им соответствующее вознаграждение за их труд. В других войсках, воинских формированиях и органах, в которых законом предусмотрена военная служба, подобные документы официально не принимались. Священники в этих структурах денежного довольствия не получают, статус их не установлен, что является серьезным препятствием для дальнейшего развития института военного духовенства в России.

При решении этих и других проблем необходимо учитывать общую позицию государства в лице Правительства России. Так, 9 декабря 2014 г. заместитель Министра обороны России Н.А. Панков выступил с докладом «О практике взаимодействия

Вооруженных сил Российской Федерации с религиозными организациями и мерах по его совершенствованию» на заседании комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве Российской Федерации. По итогам заседания комиссии было принято решение рекомендовать федеральным органам исполнительной власти Российской Федерации, в которых предусмотрена военная и правоохранительная служба, использовать опыт взаимодействия Вооруженных сил Российской Федерации с религиозными объединениями [8].

В этой связи встает вопрос о дальнейшем (уже на общедоинформационном уровне) правовом регулировании сотрудничества силовых структур и церкви, правовых основах деятельности в войсках военного духовенства, о документальном закреплении целей и задач этой деятельности, обязанностей и ответственности как военных священников, так и командиров (по созданию им благоприятных условий труда).

Обширный опыт нормативно-правового оформления военно-духовной службы накоплен за рубежом, однако наиболее ценным является отечественный дореволюционный многовековой опыт, учитывающий особенности государственного устройства и духовной культуры народов России.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

1. Россия имеет богатый исторический опыт правовой работы по организации деятельности военного духовенства в войсках. Этот опыт необходимо использовать с учетом законодательства, современных условий, экономических возможностей страны, уровня правосознания военно-политического руководства и командования, состояния религиозности общества, личного состава Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов, в которых законом предусмотрена военная служба.

2. Правовая работа по восстановлению военного духовенства требует дальнейшего совершенствования, поскольку в военных организациях неуклонно растет уровень религиозности, они остро нуждаются в сотрудничестве с Русской Православной Церковью и фактически осуществляют это сотрудничество не только введением штатных должностей для замещения их священнослужителями по трудовым дого-

ворам, но и во внештатном порядке – организуя взаимодействие с РПЦ по договорам о сотрудничестве.

3. Образовавшаяся пустота в нормативно-правовом регулировании военно-религиозных отношений на подзаконном федеральном уровне (Президент Российской Федерации, Правительство Российской Федерации) сковывает активность командиров, обязанных действовать в соответствии с четкими указаниями сверху, не способствует полноценному сотрудничеству армии и церкви.

4. Объективно возникшая насущная потребность в восполнении указанного правового вакуума на уровне Президента России ставит на повестку дня вопрос об издании единого для всех силовых ведомств и органов государственной власти Положения о военном духовенстве.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (в ред. от 21.07.2014) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

2. О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти: Указ Президента Российской Федерации от 23.05.1996 № 763 [Электронный ресурс] // Гарант: справ.-правовая система. URL: <http://base.garant.ru/10123081/#ixzz42medvkhV>.

3. Правила подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации: утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 13.08.1997 № 1009 [Электронный ресурс] // Гарант: справ.-правовая система. URL: <http://base.garant.ru/166045/#ixzz42mmwsxhF>.

4. Разъяснения о применении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации: утв. приказом Минюста России 04.05.2007 № 88 [Электронный ресурс] // Гарант: справ.-правовая система. URL: <http://base.garant.ru/191154/#ixzz42mpiXrvE>.

5. Положение по организации работы с верующими военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации: утв. Ми-

нобороны России 24.01.10 [Электронный ресурс] // Вестник военного и морского духовенства: интернет-журнал. URL: <http://kapellan.ru/polozhenie-po-organizacii-raboty-s-veruyushhimi-v-vooruzhennyh-silax-rf.html>.

6. Положение о военном духовенстве Русской Православной Церкви в Российской Федерации: принято на заседании Священного Синода Русской Православной Церкви 25–26.12.2013 (журнал № 141) [Электронный ресурс] // Русская Православная Церковь: официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3481010.html>.

7. Вера службе не помеха // Красная звезда. 2004. 24 янв.

8. Вопросы взаимодействия Вооруженных Сил с религиозными объединениями обсудили на заседании правительственной комиссии [Электронный ресурс] // Победа: сайт Синодального отдела Московского Патриархата по взаимодействию с Вооруженными Силами и правоохранительными органами. URL: <http://pobeda.ru/voprosyi-vzaimodeystviya-vooruzhennyih-sil-s-religioznyimi-obedineniyami-obsudili-na-zasedanii-pravitelstvennoy-komissii.html>.

9. Дубограй Е.В. Религиозная ситуация в Вооруженных Силах Российской Федерации // Социологические исследования. 2010. № 5.

10. Новожилов И. Армия и церковь. Сравнительный анализ взаимоотношений на примере опыта западноевропейских государств, США и России // Ориентир. 2003. № 4.

11. Помочь духовному возрастанию. Уже в этом году в Российской армии появится должность военного священника [Электронный ресурс] // Официальный сайт Отдела социального служения Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. URL: <http://www.700-let.ru/prayer/social/military/articles/?ID=22719>.

12. Президент России поддержал преподавание религии в школах и введение в армии института капелланов [Электронный ресурс] // Православие и мир: ежедневное интернет-издание. URL: <http://www.pravmir.ru/prezident-rossii-podderzhal-prepodavanie-religii-v-shkolax-i-vvedenie-v-armii-instituta-kapellanov/>.

13. Тони О.В. Церковь и армия // Вера и Верность: Очерки из истории отношений Русской Православной Церкви и Российской армии. Жуковский – М.: Кучково поле, 2005. 480 с.

Информация об авторах

Овчаров Олег Андреевич, кандидат юридических наук, преподаватель 25 кафедры

(военной администрации, административного и финансового права) Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, Москва.

111033, Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4.

Тел.: (916) 601-26-97.

E-mail: o.oleg.1968@mail.ru

Щукина Виктория Валерьевна, преподаватель 25 кафедры (военной администрации, административного и финансового права) Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, Москва.

111033, Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4.

Тел.: (926) 375-79-30.

E-mail: vika--@mail.ru

ON FURTHER IMPROVEMENT OF LEGAL WORK IN THE FIELD OF MILITARY-CHURCH RELATIONS

**Oleg O. OVCHAROV,
Victoria V. SHCHUKINA**

Abstract. The article briefly discusses legal problems in the sphere of military-Church relations. It analyzes the results of a sociological survey on the religious situation in the Army and Navy. It also studies legislative shortcomings in this area. On the basis of the findings it proposes ways to improve legal regulation of the relations between the Russian Orthodox Church and the Armed Forces of the Russian Federation, other forces, military formations and bodies where the military service is stipulated by the law.

Keywords: legal work; military chaplaincy; the right to worship

Information about the authors

Ovcharov Oleg Andreevich, Cand. Sc. (Law), Lecturer of Department 25 (military administration, administrative and financial law) of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation, Moscow.

3/4, Volochaevskaya Str., Moscow, 111033, Russian Federation.

Tel.: +7 (916) 601-26-97.

E-mail: o.oleg.1968@mail.ru

Shchukina Victoria Valerievna, Lecturer of Department 25 (military administration, administrative and financial law) of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation, Moscow.

3/4, Volochaevskaya Str., Moscow, 111033, Russian Federation.

Tel.: +7 (926) 375-79-30.

E-mail: vika--@mail.ru

ПОНЯТИЕ И СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОРЯДКА СБЕРЕЖЕНИЯ ВОЕННОГО ИМУЩЕСТВА

А. В. БАЖЕНОВ,

капитан юстиции, адъюнкт

29 кафедры (уголовного права)

E-mail: andry002200@mail.ru

*Военный университет Министерства обороны
Российской Федерации, Москва*

Аннотация. В статье рассматривается система преступлений против порядка сбережения военного имущества. Указывается на отличие уголовной ответственности за нарушение порядка сбережения оружия, боеприпасов и военной техники от уголовной ответственности за нарушение порядка сбережения иного военного имущества. Отражены актуальные вопросы теории и практики по теме исследования.

Ключевые слова: порядок сбережения; оружие; боеприпасы; предметы военной техники; военное имущество; уголовная ответственность

Порядок сбережения военного имущества представляет собой систему общественных отношений в деятельности тех или иных воинских частей, организаций и учреждений, где предусмотрена военная служба, урегулированную соответствующими нормативными правовыми актами в целях обеспечения сохранности военного имущества, недопущения его утраты, выхода из-под контроля, а также сохранения свойств указанного имущества, обеспечивающих его целевое предназначение.

Значимость для государства общественных отношений, связанных с обеспечением сбережения военного имущества, требует законодательного обеспечения их надлежащего функционирования необходимыми средствами правовой защиты, в том числе уголовно-правовыми средствами, образующими систему преступлений против порядка сбережения военного имущества.

Сущность содержания понятия преступления против порядка сбережения военного имущества подчинена сущности содержания общего понятия преступления, а также понятию преступления против военной службы.

Преступлением в соответствии с ч. 1 ст.

14 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное под угрозой наказания.

Деяние представляет собой собирательный термин, обозначающий внешний акт общественно опасного поведения человека. Оно включает две отличающиеся по внешнему выражению формы общественно опасного поведения. Деяние может иметь форму действия (т.е. активного поведения) либо бездействия (т.е. пассивного поведения, выражающегося в несовершении конкретного действия, которое лицо было обязано и могло совершить). И активное, и пассивное поведение, кроме своего внешнего проявления, должно быть осознанным. Совокупность этих двух характеристик деяния позволяет назвать ряд ситуаций, когда отсутствие одной из них исключает понимание деяния как преступного: при отсутствии возможности действовать (например, при физическом принуждении либо при наличии непреодолимой силы), а равно при отсутствии осознания совершаемого деяния (например, рефлекторные движения, действия невменяемого либо лица, не достигшего возраста уголовной ответственности) [1].

Признаками преступного деяния являются общественная опасность, противоправность, виновность и наказуемость.

Общественная опасность представляет собой материальный признак преступления, раскрывающий его социальную сущность. Проявление общественной опасности происходит при причинении вреда или созданию угрозы его причинения личности, обществу или государству.

Общественная опасность деяния объективна. В свою очередь, это не противоречит зависимости отнесения того или

инного деяния к числу преступных от воли законодателя. Опасность деяния определяются не отдельной его оценкой кого-либо, а собственной внутренней сутью, противоречащей интересам личности, общества и государства.

Противоправность деяния обозначает его запрещенность уголовным законом. Значение признака противоправности определяется зависимостью от его соблюдения степени реализации закрепленного в ст. 3 УК РФ принципа законности.

Виновность как признак преступления подчеркивает позицию субъективного, а не объективного вменения, т.е. общественно опасное деяние признается преступлением лишь с учетом психического отношения лица к действию (бездействию) и преступным последствиям в форме умысла или неосторожности (ст.ст. 24–27 УК РФ).

Наказуемость как признак преступления выражается в том, что только запрещенное уголовным законом под угрозой наказания деяние признается преступлением. При этом в УК РФ есть нормы, закрепленные в ст.ст. 75–85, в соответствии с которыми лицо может быть освобождено от уголовной ответственности или наказания за совершенное им преступление.

Разновидностью общего понятия «преступления» является понятие «преступления против военной службы», в число которых входят рассматриваемые преступления, предусмотренные ст.ст. 346–348 УК РФ.

В соответствии со ст. 331 УК РФ преступлениями против военной службы признаются предусмотренные главой 33 УК РФ преступления против установленного порядка прохождения военной службы, совершенные военнослужащими, проходящими военную службу по призыву либо по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации, а также гражданами, пребывающими в запасе, во время прохождения ими военных сборов.

Всем преступлениям против военной службы свойственны общие признаки преступлений: общественная опасность, уголовная противоправность, виновность и наказуемость.

Хотя непосредственно в самой ст. 331 УК РФ эти признаки не отражены, они

подразумеваются. В приведенной норме акцент сделан не на наличии общих признаков преступлений, характерных и для преступлений против военной службы, а на особенности этих преступлений, обусловленной их «воинской» спецификой. «Воинский» характер специфики данных преступлений обуславливается, в частности, их направленностью (нарушение установленного порядка прохождения военной службы) и ограниченным кругом лиц, способных данные преступления совершить (военнослужащие или граждане, пребывающие в запасе, во время прохождения ими военных сборов).

Основное проявление общественной опасности преступлений против военной службы выражается, прежде всего, в причинении или создании угрозы причинения вреда военной безопасности государства, которая представляет собой состояние защищенности страны от внутренних и внешних военных угроз. Военная безопасность служит именно той социальной ценностью, охране которой подчинено само создание и существование уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за преступления против военной службы. Общественную опасность преступлений против военной службы представляют не сами нарушения военно-служебных отношений (нарушения порядка прохождения военной службы), а те негативные последствия, которые могут наступить в результате этих нарушений. Каждое преступление против военной службы так или иначе подрывает, ослабляет или снижает боевую готовность воинских частей, организаций и учреждений, в которых предусмотрена военная служба, причиняя тем самым вред военной безопасности государства.

Ряд преступлений против военной службы помимо непосредственного причинения вреда военной безопасности государства наносят вред и другим социальным ценностям (например, жизни и здоровью, общественному порядку, собственности и т.п.). К числу таких преступлений относятся и рассматриваемые преступления, предусмотренные ст.ст. 346–348 УК РФ, где, помимо установленному порядку прохождения военной службы, вред причиняется также отношениям собственности. Нанесения вреда указанным социальным

ценностям не является специфическим для преступлений против военной службы. Так, ответственность за нарушения правоотношений собственности установлена, в частности, ст.ст. 166–167 УК РФ, где данная социальная ценность охраняется в первую очередь. В преступлениях против военного имущества, предусмотренных ст.ст. 346–348 УК РФ на первое место выходит защита интересов военной безопасности государства, отодвигая отношения собственности на второй план. Совокупный характер вреда, наносимый подобными преступлениями против военной службы, безусловно, должен учитываться при определении характера и содержания мер ответственности за их совершение, что не нашло своего выражения применительно к рассматриваемым преступлениям против порядка сбережения военного имущества.

Особенность уголовной противоправности преступлений против военной службы заключается в том, что все воинские преступления нарушают уголовно-правовые нормы с бланкетной диспозицией. Эти нормы являются свидетельством взаимосвязи уголовного и военного права: военно-правовые нормы органически входят в содержание соответствующих уголовно-правовых норм. В этих случаях условия уголовной ответственности за совершение воинских общественно опасных деяний содержатся в нормах не только уголовного права, но и военного права. Возникает своеобразное единство военно-правовой и уголовно-правовой нормы, функционирует комплексная синтезированная правовая норма, в которой выделяются позитивное содержание в виде правил поведения, изложенных в военном законодательстве, и санкция [3].

Бланкетность военно-уголовных норм обуславливает некоторые особенности производства уголовных дел по данной категории преступлений. При решении вопросов уголовной ответственности лиц, обвиняемых в совершении преступлений против военной службы, обязательным требованием, предъявляемым к органам военной юстиции, является точное указание в процессуальных документах (в частности, обвинительном заключении и приговоре) нормативного акта, требования которого были нарушены, и определение существа самого нарушения. Между тем

некоторые практические работники ограничиваются лишь ссылкой на нарушение виновными правил несения той или иной службы, при этом не указываются конкретные нормы и не раскрывается существо допущенного нарушения [4, с. 64–65].

Воинская специфика признака виновности преступлений против военной службы заключается в предметном содержании вины [2, с. 147].

Виновность как составной признак преступления против военной службы выражает воинскую природу общественно опасного деяния (нарушение правил прохождения военной службы) и наступивших последствий (причинение вреда или создание угрозы военной безопасности государства).

Наказуемость как обязательный признак преступлений против военной службы означает, что за предусмотренные гл. 33 УК РФ и совершенные виновно воинские общественно опасные деяния может быть назначено установленное в санкции уголовно-правовой нормы наказание. В некоторых работах наказуемость при этом рассматривается лишь как проявление противоправности преступного деяния [5, с. 68].

Отличительной особенностью признака наказуемости преступлений против военной службы служит наличие специальных мер уголовной ответственности (специальных видов уголовных наказаний), которые могут быть применены только за совершение преступлений против военной службы. Установление специальных мер уголовной ответственности за преступления против военной службы обусловлено особым характером и важным значением службы в военных организациях.

Приведенный анализ понятий и признаков преступления и преступления против военной службы в полном объеме применим к преступлениям против порядка сбережения военного имущества, предусмотренным ст.ст. 346–348 УК РФ.

Исходя из вышеизложенного, определение преступления против порядка сбережения военного имущества можно сформулировать как виновно совершенное общественно опасное деяние против порядка сбережения военного имущества, запрещенное действующим уголовным законом под угрозой наказания.

Важное значение для уголовно-право-

вой характеристики преступлений против порядка сбережения военного имущества имеет изучение системы данных преступлений.

В целом система преступлений представляет собой совокупность уголовно-правовых норм, объединенных направленностью на обеспечение защиты объекта уголовно-правовой охраны (тех или иных общественных отношений) от преступных посягательств.

Обеспечение защиты порядка сбережения военного имущества действующим уголовным законодательством произведено путем установления ответственности за умышленное уничтожение или повреждение военного имущества (ст. 346 УК РФ), уничтожение или повреждение военного имущества по неосторожности (ст. 347 УК РФ), утрату военного имущества (ст. 348 УК РФ), в совокупности представляющих систему преступлений против порядка сбережения военного имущества.

Рассматриваемые преступления характеризуются бланкетным характером диспозиций их норм, что делает необходимым обращение к другим специализированным нормативным правовым актам, регулирующим порядок сбережения соответствующего военного имущества (оружия, боеприпасов и военной техники).

При этом необходимо обратить внимание на то, что перечисленные предметы (оружие, боеприпасы и военная техника) фактически представляют одну из составных частей в системе всего военного имущества. В расширенном контексте военное имущество представляет большой перечень различных предметов, используемых в повседневной деятельности войск, которые служат как решению специальных задач, так и обеспечению повседневных условий жизни и быта военнослужащих.

Являясь составной частью государственного имущества, данные предметы также требуют обеспечения правовой защиты от преступных посягательств. Нормы уголовного закона, устанавливающие такую правовую защиту, предусмотрены гл. 21, 24 УК РФ. При этом нормы указанных глав применяются к военнослужащим, совершившим соответствующие преступные деяния, только в тех случаях, если среди норм права, предусматривающих ответственность за преступления против воен-

ной службы, нет специальной нормы, которая устанавливала бы ответственность за аналогичное деяние, но посягающее на порядок использования военного имущества в контексте ст.ст. 346–348 УК РФ.

Например, ст. 167 УК РФ предусматривает ответственность за умышленное уничтожение и повреждение имущества, в число которого будут входить и предметы военного имущества, не являющиеся оружием, боеприпасами и военной техникой, уголовная ответственность за уничтожение или повреждение которых установлена ст. 346 УК РФ.

Особенности уголовной ответственности военнослужащих за нарушение порядка сбережения военного имущества заключается в использовании как общеуголовных, так и специальных норм уголовного закона.

Выделение норм уголовного закона, устанавливающих ответственность за посягательства на соответствующее военное имущество, в число специальных, обусловлено:

1. Особенностью предмета преступного посягательства, которым в специальных нормах может быть только имущество, отнесенное к числу оружия, боеприпасов и военной техники.

Так, уголовная ответственность за нарушение порядка сбережения оружия, боеприпасов и военной техники предусмотрена ст.ст. 346–348 УК РФ, входящих в систему специальных составов преступлений против военной службы.

Привлечение к уголовной ответственности за нарушение порядка сбережения иного военного имущества происходит на основании общеуголовных норм, предусмотренных ст.ст. 167–168 УК РФ.

Необходимость обеспечения порядка сбережения оружия, боеприпасов и военной техники специальными мерами ответственности, выделенными из мер ответственности за нарушение порядка сбережения иного военного имущества, обусловлено специальным характером правил сбережения перечисленных предметов, их особой важностью, повышенной разрушительной силой и потенциальной опасностью.

2. Субъектом, осуществляющим преступное посягательство на данные предметы, которым в специальных нормах

может быть только военнослужащий или лицо, призванное на военные сборы, в период прохождения этих сборов;

3. Формами осуществления преступного посягательства, которые в специализированных нормах могут проявляться в виде умышленного уничтожения или повреждения, уничтожения или повреждения по неосторожности, утраты. Если нарушения порядка пользования имуществом произведено в других формах, например, неправомерного завладения (транспортным средством) без цели хищения, уголовная ответственность будет наступать по соответствующей общеуголовной норме (ст. 166 УК РФ), так как аналогичной норме в главе «Преступления против военной службы» не предусмотрено.

Не образуют преступлений против военной службы преступные посягательства на военное имущество, совершенные и в формах, предусмотренных ст.ст. 158–165 УК РФ, несмотря на причинения существенного вреда боеспособности Вооруженных Сил Российской Федерации.

По мнению законодателя, посягательство на порядок пользования военным имуществом в указанных формах не отличается по характеру общественной опасности от посягательства в тех же формах посягательства на иное имущество, независимо от его принадлежности и иным формам собственности.

Исходя из изложенного, система мер уголовной ответственности за нарушение порядка сбережения военного имущества (система преступлений против порядка сбережения военного имущества) фактически включает в себя как общеуголовные, так и специальные нормы.

Вместе с тем, в настоящее время наука военно-уголовного права под системой преступлений против порядка сбережения военного имущества понимает лишь специальные нормы – преступления, предусмотренные ст.ст. 346–348 УК РФ, которые фактически соотносятся с остальной совокупностью преступлений против порядка сбережения военного имущества как часть и целое.

Подобное противоречие обусловлено тем, что существующая система классификации преступлений против порядка прохождения военной службы по видовому объекту сформировалась еще до введения

действующего уголовного законодательства, определившего в качестве предмета преступлений против порядка сбережения военного имущества оружие, боеприпасы и военную технику, а также исключившее некоторые формы совершения преступлений из числа форм совершения преступлений против военной службы. Ранее действующий уголовный закон к предмету рассматриваемых преступлений относил и иное имущество, что и дало основание именовать группу данных преступлений преступлениями против порядка сбережения военного имущества.

На современном этапе развития уголовного законодательства в отношении преступлений против порядка прохождения военной службы группу преступлений, предусмотренных ст.ст. 346–348 УК РФ, объединенных общим видовым объектом, с целью недопущения искажения их содержания, правильнее было бы именовать преступлениями против порядка сбережения оружия, боеприпасов и военной техники.

Таким образом, содержание понятия преступления против порядка сбережения военного имущества подчинено понятиям преступления и преступления против военной службы. Сформулировать определение преступлений, предусмотренных ст.ст. 346–348 УК РФ, можно как виновно совершенное общественно опасное деяние против порядка сбережения военного имущества, запрещенное действующим уголовным законом под угрозой наказания. Этим преступлениям в полном объеме присущи признаки общественной опасности, противоправности, виновности и наказуемости.

Специфика уголовной ответственности военнослужащих за преступления против порядка сбережения военного имущества заключается в использовании как общеуголовных, так и специальных норм уголовного закона.

Формирование специальных норм уголовного закона, устанавливающих ответственность за посягательства на соответствующее военное имущество, из общеуголовных, обусловлено:

– особенностью предмета преступного посягательства, которым в специальных нормах может быть только имущество, от-

несенное к числу оружия, боеприпасов и военной техники;

– субъектом, осуществляющим преступное посягательство на данные предметы, которым в специальных нормах может быть только военнослужащий или лицо, призванное на военные сборы, в период прохождения этих сборов;

– формами осуществления преступного посягательства, которые в специализированных нормах могут проявляться в виде умышленного уничтожения или повреждения, уничтожения или повреждения по неосторожности, утраты.

Система преступлений против порядка сбережения военного имущества фактически включает в себя как общеуголовные, так и специальные нормы. Однако на настоящий момент наука военно-уголовного права под системой преступлений против порядка сбережения военного имущества понимает только специальные нормы, т.е. преступления, предусмотренные ст.ст. 346–348 УК РФ, которые фактически соотносятся с остальной совокупностью преступлений против порядка сбережения военного имущества как часть и целое.

Данное обстоятельство обусловлено сложившейся системой классификации преступлений против порядка прохождения военной службы по видовому объекту, сформированной еще до введения действующего уголовного законодательства, которое определило в качестве предмета преступлений против порядка сбережения военного имущества оружие, боеприпасы и военную технику. Уголовный закон, действовавший ранее, к предмету рассматриваемых преступлений относил и иное имущество, что и дало основание именовать группу данных преступлений преступлениями против порядка сбережения военного имущества. Исходя из изложенного, в настоящее время группу преступлений, предусмотренных ст.ст. 346–348 УК РФ, правильнее было бы именовать преступлениями против порядка сбережения оружия, боеприпасов и военной техники.

Список литературы

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Г.Н. Борзенков, А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова [и др.]; отв. ред. В.М. Лебедев. 13-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2013. 1077 с.

2. Кудрявцев В.Н. Общая теория квали-

фикации преступлений. М.: Юристъ, 1999. 301 с.

3. Наумов А.В. Уголовное право. Общая часть: курс лекций. М.: БЕК, 1996. 560 с.; Тер-Акопов А.А. Ответственность за нарушение специальных правил поведения. М.: Юрид. лит., 1995. 176 с.

4. Обзор судебной работы гарнизонных военных судов за 2001 год // Обзоры судебной практики военных судов Российской Федерации по уголовным делам (1996–2001 гг.).

5. Прохоров В.С. Преступление и ответственность. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. 136 с.

Сведения об авторе

Баженов Андрей Викторович, капитан юстиции, адъюнкт 29 кафедры (уголовного права) Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, Москва.

111033, Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4.

Тел.: (916) 023-02-16.

E-mail: andry002200@mail.ru

THE CONCEPT AND CLASSIFICATION OF CRIMES AGAINST MILITARY PROPERTY CARETAKING

Andrey V. BAZHENOV

Abstract. The article discusses the system of crimes against the military property caretaking. It highlights criminal liability differences between the violation of weapons, ammunition and military equipment caretaking and the violation of the other military property caretaking. It also reflects topical issues on the theory and practice of the research.

Keywords: caretaking, weapons; ammunition; items of military equipment; military equipment; criminal liability

Information about the author

Bazhenov Andrey Viktorovich, Captain of Justice, Adjunct of Department 29 (criminal law) of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation, Moscow.

3/4, Volochaevskaya Str., Moscow, 111033, Russian Federation.

Тел.: +7 (916) 023-02-16.

E-mail: andry002200@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

М.Э. КОРЧЕМКИН,
курсант 4 курса 4 факультета
(юридического и подготовки
руководящего состава органов
по работе с личным составом),
член военно-научного общества
E-mail: korchemkinm@bk.ru
Военный университет Министерства обороны
Российской Федерации, Москва

Аннотация. Автор рассматривает понятие, сущность и виды правового статуса, в том числе гражданско-правового статуса военнослужащих в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Ключевые слова: военнослужащий; правовой статус; военная служба; ограничения; права и обязанности

Одним из основных условий существования института государства является наличие вооруженных сил, способных защитить его суверенитет, безопасность и целостность. В связи с этим всегда сохраняется актуальность вопрос о регулировании возникающих в мирное и военное время общественных отношений, субъектом которых выступают военнослужащие.

Особое место в системе конституционно-правового положения военнослужащих занимают гражданские права и обязанности. Для того, чтобы точно определить их место среди элементов статуса военнослужащих в Российской Федерации, следует обратиться к теоретическим аспектам указанного вопроса.

Понятие «правовой статус гражданина» было широко распространено в прошлые годы, но и сейчас данное понятие активно используется многими научными деятелями. С его помощью представляется возможным наиболее полно охарактеризовать права личности, отразить все основные стороны юридической составляющей индивида: интересы, потребности, взаимоотношения с государством, трудовую и общественно-политическую деятельность.

Названное понятие обычно применяют,

когда речь идет о характеристике положения того или иного субъекта правового общения как коллективного – например, органа государства, органа военного управления, организации, учреждения, так и индивидуального – например, военнослужащего, воинского должностного лица. Так, в Конституции Российской Федерации (далее – Конституция) термин «статус» употребляется применительно к правовому статусу личности (ст. 64), а также применительно к субъектам Федерации (ч. 1 ст. 66) [1].

При определении правового статуса личности отмечается несколько подходов, связанных с включением в его структуру различного набора элементов.

Так, Н.В. Витрук правовой статус личности определяет как совокупность прав, свобод, обязанностей и законных интересов личности, признаваемых и гарантируемый государством [8, с. 29]. В.А. Кучинский вводит в юридический статус, помимо названных элементов, правовую ответственность [11, с. 115]. Л.Д. Воеводин включает в него общую правоспособность и гарантии, гражданство и другие элементы [9, с. 30–31]. Также Л.Д. Воеводин отмечает, что правовой статус есть совокупность разнообразных связей и отношений между обществом, гражданином и государством, урегулированных нормами права [9, с. 6].

Н.И. Матузов отделяет от общего статуса гражданина специальный или родовой статус определенной категории граждан, отражающий особенности их социальной роли и положения, например, военнослужащие, учителя и т.п. Указанные группы, обладая общим (конституционным) статусом гражданина, могут иметь дополни-

тельные права, обязанности, льготы, предусмотренные текущим законодательством [12, с. 236], т.е. содержание конституционно-правового статуса конкретизируется в статусе граждан, объединяемых в группы по какому-либо признаку: профессиональному, социальному, возрастному и т.д.

В.И. Новоселов полагал, что общий правовой статус включает в себя не только общие конституционные права и обязанности граждан, но и общие отраслевые. Этой же точки зрения придерживался В.А. Палютин, который выделял специальные правовые статусы личности [6, с. 7].

Особенности военной службы, выделяющие ее в особый вид федеральной государственной службы, определяют особенности правового статуса военнослужащего как специфического субъекта права, прямо предусмотренных ст. 1 Федерального закона «О статусе военнослужащих»: «На военнослужащих возлагаются обязанности по подготовке к вооруженной защите и вооруженная защита Российской Федерации, которые связаны с необходимостью беспрекословного выполнения поставленных задач в любых условиях, в том числе с риском для жизни [4].

Легальное определение рассматриваемого статуса дается в ст. 1 Федерального закона «О статусе военнослужащих». Согласно данному Закону статус военнослужащих есть совокупность прав, свобод, гарантированных государством, а также обязанностей и ответственности военнослужащих, установленных настоящим Федеральным законом, федеральными конституционными законами, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации [4].

В структуре специального правового статуса военнослужащих выделяют следующие части:

- общую, относящуюся к правовому статусу гражданина вообще;
- специальную (совокупность общих военно-служебных прав и обязанностей);
- особенную (комплекс специфических черт, характеризующих правовое положение соответствующих категорий военнослужащих);
- единичную (включает в себя особенности правового положения данного военнослужащего).

При этом общая часть указанного ста-

туса, в свою очередь, может быть разделена на общегражданскую часть, относящуюся как к военнослужащим, так и ко всем другим гражданам, независимо от их принадлежности к тем или иным категориям, и общегражданскую часть, конкретизированную специально для военнослужащих.

На военнослужащих как на особые субъекты правоотношений возлагаются дополнительные обязанности, связанные с прохождением военной службы.

Общие обязанности военнослужащих перечислены в ст. 26 Федерального закона «О статусе военнослужащих» [4] и конкретизированы в военной присяге (ст. 40 Федерального Закона «О воинской обязанности и военной службе») [3].

В общие обязанности военнослужащего входят требования: быть верным военной присяге, мужественно и умело защищать Российскую Федерацию, строго соблюдать Конституцию и законы Российской Федерации, выполнять приказы командиров и начальников и т.п.

Помимо общих обязанностей, военнослужащие имеют должностные обязанности, которые определяют объем и пределы практического выполнения порученных ему согласно занимаемой должности задач. Должностные обязанности военнослужащих определяются воинскими уставами, а также руководствами, наставлениями, положениями, инструкциями и письменными приказами начальников. Например, должностные обязанности упоминаются в ст. 24 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации [5].

Военнослужащие при нахождении на боевом дежурстве, в суточном и гарнизонном нарядах, а также при исполнении обязанностей других специальных видов службы, выполняют специальные обязанности [10, с. 157–158]. Например, в соответствии со ст. 210 Устава гарнизонной и караульной служб часовой обязан применять оружие без предупреждения в случае явного нападения на него или на охраняемый им объект, а также в случае непосредственной угрозы нападения (физического воздействия), когда промедление в применении оружия создает непосредственную опасность для жизни людей или может по-

влечь за собой иные тяжкие последствия. При этом применение оружия не должно причинить вред охраняемому объекту и третьим лицам [5].

Такие дополнительные обязанности, возлагаемые на военнослужащих в период прохождения ими военной службы, ограничивают их права, а, следовательно, военнослужащие могут пользоваться не всеми общегражданскими правами, что и определяет их особый статус.

Так, нормы, закрепленные в ст. 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих» [4], позволяют получить отпуск по уходу за ребенком исключительно военнослужащим женского пола. Таким образом, военнослужащий мужского пола, независимо от сложившихся жизненных обстоятельств, не может получить отпуск по уходу за ребенком до достижения им трехлетнего возраста, что было отражено в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 06.12.2013 № 27-П [2].

Конституционно-правовой статус человека и гражданина распространяется на военнослужащих с учетом возможностей его реализации в условиях Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов, где законом предусмотрена военная служба, что влечет за собой некоторые ограничения конституционных права и свобод. Так, согласно нормам, закрепленным в п. 7 ст. 10 Федерального закона «О статусе военнослужащих», военнослужащие не вправе заниматься другой оплачиваемой деятельностью, за исключением педагогической, научной и иной творческой деятельности, если она не препятствует исполнению обязанностей военной службы [4].

В зависимости от уровня обобщения (все военнослужащие, отдельная их категория, конкретный военнослужащий) можно говорить соответственно о различных сочетаниях общей, специальной, особенной и единичной составных частей специального правового статуса военнослужащих.

Правовое положение отдельной категории военнослужащих, например, офицеров, подразделяется на общую и особенную части, а если иметь в виду офицера,

исполняющего обязанности начальника караула или начальника патруля, то и специальную часть.

И, наконец, правовое положение конкретного военнослужащего содержит общую, особенную, специальную и единичную составные части [7].

Границы между выделяемыми составными частями специального правового статуса условны, так как в действительности эти части обуславливают друг друга, являются взаимозависимыми и базируются на конституционно-правовом статусе человека и гражданина.

Легальное определение указанного правового статуса дается в норме ст. 1 Федерального закона «О статусе военнослужащих». Согласно данному Закону, статус военнослужащих есть совокупность прав, свобод, гарантированных государством, а также обязанностей и ответственности военнослужащих, установленных настоящим Федеральным законом, федеральными конституционными законами, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации [4].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Правовой статус военнослужащего есть результат взаимодействия общего и специального правового статуса военнослужащих.
2. Правовой статус военнослужащего как специфического субъекта права включает в себя совокупность прав, свобод, гарантированных государством, а также обязанностей и ответственности, юридически закрепленных Конституцией и законодательством Российской Федерации в целях исполнения данной категорией лиц обязанностей военной службы в составе военной организации государства.
3. В структуре специального правового статуса военнослужащего можно выделить общую, специальную, особенную и единичную составные части.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (в ред. от 21.07.2014) // Собрание законодательства Российской Феде-

рации. 2014. № 31. Ст. 4398.

2. По делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Ленинградского окружного военного суда: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 06.12.2013 № 27-П [Электронный ресурс] // Гарант: справ.-правовая система. URL: <http://base.garant.ru/70528892/>.

3. О воинской обязанности и военной службе: Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ [Электронный ресурс] // Гарант: справ.-правовая система. URL: <http://base.garant.ru/178405/>.

4. О статусе военнослужащих: Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ [Электронный ресурс] // Гарант: справ.-правовая система. URL: <http://base.garant.ru/178792/>.

5. Устав внутренней службы Российской Федерации; Устав гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации от 10.11.2007 № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» // Общевоинские уставы Вооруженных Сил Российской Федерации. М.: Эксмо, 2014.

6. Административно-правовой статус гражданина / отв. ред. Н.Ю. Хаманева. М.: Ин-т государства и права, 2004. 262 с.

7. Артамонов Д.Н., Побежимов Ф.И. Общевоинские уставы – свод правил поведения и деятельности военнослужащих. М., 1964. 123 с.

8. Витрук Н.В. Основы правового положения личности в социалистическом обществе. М.: Наука, 1979. 229 с.

9. Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России: учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та; Норма; ИНФА-М, 1997. 304 с.

10. Военная администрация: учебник / под общ. ред В.М. Корякина. М.: Российская академия правосудия, 2012. 400 с.

11. Кучинский В.А. Личность, свобода, право. М.: Юридическая литература, 1978. 208 с.

12. Теория государства и права:

курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М.: Юристъ, 2002. 776 с.

Сведения об авторе

Корчемкин Максим Эдуардович, курсант 4 курса 4 факультета (юридического и подготовки руководящего состава органов по работе с личным составом) Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, член военно-научного общества, Москва.

111033, Москва, ул. Волочаевская д. 3/4.

Тел.: (999) 989-31-03.

E-mail: korchemkinm@bk.ru

FEATURES OF CIVIL LAW STATUS OF MILITARY PERSONNEL

Maksim E. KORCHEMKIN

Abstract. The article examines the concept, essence and types of legal status, including civil law status of military personnel in accordance with the legislation of the Russian Federation.

Keywords: serviceman; legal status; legislation of the Russian Federation; military service; restrictions; rights and obligations

Information about the author

Korchemkin Maksim Eduardovich, 4th Year Cadet of the Department (law and HR officers training) of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation, member of the military research society, Moscow.

3/4, Volochaevskaya Str., Moscow, 111033, Russian Federation.

Tel.: +7 (999) 989-31-03.

E-mail: korchemkinm@bk.ru

ТВОРЕНИЮ ПЕТРА I «УСТАВУ ВОИНСКОМУ» – 300 ЛЕТ

И.В. МИШУТКИН,
кандидат юридических наук, доцент,
генерал-майор, заместитель начальника
Военного университета Министерства обороны
Российской Федерации, Москва
E-mail: vurf@mail.ru

Аннотация. В статье проводится историко-правовой анализ разработки и принятия первого системного правового документа, регулировавшего деятельность созданной Петром I регулярной армии, доказывается его значимость для современного военного законодательства.

Ключевые слова: «Устав воинский»; законодательство Российского государства; регулярные войска; «Артикул воинский»; военное право; военные учреждения

Выдающийся вклад в военную политику и военное законодательство Российского государства внес Петр I, разработавший и подписавший 30 марта 1716 г. знаменитый манифест «Устав воинский о должности генералов, фельд-маршалов, и всего генералитета и прочих чинов, которые при войске надлежат быть, и о иных воинских делах, и поведеньях, что каждому чинить должно.

Петр I работал над «Уставом воинским» в течение 1715 года. В декабре этого года он направил свои предложения на рассмотрение Сената. Весной 1716 г. «Устав воинский» был отправлен Сенатом в Данциг (Гданьск), где в это время находился Петр I, для утверждения.

Издание «Устава воинского» явилось потребностью переустройства вооруженных сил России. Изменилась их организация, система военного управления, законы, которые требовали реформы быта русского войска и всей государственной администрации. Кроме этого, необходимо было сконцентрировать «силы для защиты государства от врагов внешних, врагов сильных и опасных по своим замыслам» [3, с. 7].

Петр I начал учреждение регулярных войск первоначально с переустройства

всей пехоты по иностранному образцу в 1699 г. Логическим завершением этого переустройства явилось утверждение в 1716 г. «Устава воинского».

Реализация «Устава воинского» стала объективной необходимостью. Вот что по этому поводу писал П.О. Бобровский:

«Государство лишается спокойствия и силы, когда от неисправного содержания солдата и от дурного управления разстраивается армия, когда от злоупотребления по ее доволствию нарушаются государственные, общественные и частные интересы, когда, вследствие самоуправства военнослужащих, наносится ущерб собственности граждан. Во всех подобных нарушениях колеблется авторитет власти, подрывается дисциплина, и в военный быт вносится деморализация, губящая самую сильную армию» [3, с. 7].

Эти слова, несмотря на давность их высказывания, имеют и сегодня важное значение, так как армия не может существовать без внутреннего порядка, воинской дисциплины, субординации и единоначалия. Данные постулаты и отражаются в «Уставе воинском».

Петровский «Устав воинский», прежде всего, должен был обеспечить дисциплину, порядок в снабжении войск довольствием, исключить появление недовольства, смуты в войсках, разнообразных способов уклонения от службы, самоуправства, насилия. Появление Устава было продиктовано также «нравственным упадком русской приказной администрации в конце XVII века, деморализацией войска и безсилием Соборного Уложения и других законов для противодействия злу, разъедавшему экономические силы всей массы народонасе-

Портрет императора Петра I.
Гравюра по оригиналу К. Моора. 1718 г.

ления» [3, с. 8].

«Устав воинский» 1716 г. – это важнейший памятник российского законодательства. Он оказал несомненное влияние на развитие отечественного уголовного права. Входящий в состав Устава «Артикул воинский» наряду со специальными постановлениями, имевшими значение для войска, содержит юридические нормы общего характера, применявшиеся в общеуголовных судах. В намерения Петра входило дать этим нормам военного права широкое применение, для чего он велел разослать «Устав воинский» не только во все корпуса войск, но и по губерниям и канцеляриям.

«Устав воинский» включает сам Устав, в котором изложены законы, регулирующие деятельность военных от рядового до фельдмаршала, и три приложения к нему:

1. «Артикул воинский» с кратким толкованием (209 статей; военно-уголовный кодекс).

2. «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» (3 части и 14 глав).

3. «О экзерциции (или учении), о приговорах к маршу, о званиях и о должности полковых чинов» (3 части).

Содержание собственно Устава, состо-

явшего из 68 глав, можно структурировать следующим образом:

Главы 1–43 определяют должностные обязанности военных различного уровня и положения. Здесь надо отметить особые обязанности ряда должностных лиц, которые, можно сказать, были в войсках представителями закона. К ним относились: генерала-аудитор, штаб-генерал-профос, генерал-гевалдигер, фискалы, писарь судебных дел.

Генерал-аудитор являлся начальником Военной канцелярии с обязанностями осуществлять правосудие: «судит все преступления, какова б звания ни были, (ему – И.М.) надлежит быть не токмо ученому, и в военных и прочих правах благоискусному, но притом осторожному и благой совести человеку, дабы при написании и исполнении приговору преступитель оным отягчен не был. Но надлежит ему наперед по прилежному разсуждению всех обстоятельств учиненного преступления, такожде выслушав свидетелей, правомерный приговор учинить, и совести своей в том или с неведения и неискуства или с злости не отягчить» [2, гл. 24].

При генерал-аудиторе состоял писарь судебных дел, который «оные дела в березении имеет, и набело переписывает, что ему Генерал-Аудитор прикажет» [2, гл. 38].

Штаб-генерал-профос надзирал над арестантами и обязан был содержать всех преступников под арестом закованных в железо. Под его началом состояли полковые профосы, которым предписывалось с арестованными поступать порядочно, а в случае неудовлетворительного их содержания «штрафован быти надлежит» [2, гл. 43].

Генерал-гевалдигер должен «чинить» (исполнять) правосудие, «дабы всем непорядкам благовременно упредить, и добрые порядки содержать» [2, гл. 41].

Фискалы осуществляли надзор за всеми военными: «Фискал есть смотритель за каждым чином, так ли всякий должностию истинною служит, и в прочих делах врученных ему поступает. Для чего надлежит ему все воинские права, артикулы твердо знать, и их непрестанно при себе иметь.

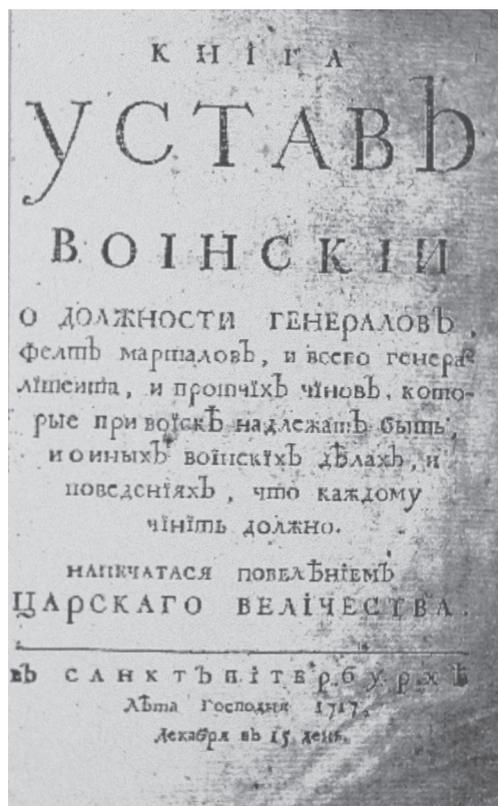
Также надлежит всем Аншефтам, всякие в войско данные указы Фискалам приобщать, явные при отдании, таковые же по изшествии действия, дабы Фискалы могли лучше должность свою исправлять, и преступителей уставов и указов обличать» [2, гл. 42].

Главы 44–48 включают в себя вопросы, связанные с содержанием и размещением солдат, правилах поведения во время походов за рубежом России.

Особый интерес вызывает глава 49 «Патент о поединках и начинаниях ссор». В этой главе определялись правила поведения воинов всех чинов: «Ежели кто против Нашего чаяния и сего Нашего учреждения хотя Офицер, драгун или салдат или кто нибудь (кто в лагере или крепости обретается) друг с другом словами или делами в ссору войдут, то в том имянное Наше соизволение и мнение есть, что обиженный того часу и без всякого замедления долженствует военному правосудию учиненные себе обиды объявить, и в том сатисфакции искать, еже Мы всегда за действие невинного прошение примем. И сверх сего повелеваем военному суду обиженному таковую сатисфакцию учинить, как по состоянию учиненной обиды изобретено быть может; и сверх сего обидящего по состоянию дел, жестоко или заключением, отставлением из службы, вычетом жалованья, или на теле наказать, таковым образом: что ежели один другого бранными словами зацепит, оного шелмом или сему подобным назовет, таковий обидящий на несколько месяцев за арест посажен имеет быть, а потом у обиженного на коленях стоя прощения просить. Ежели Офицер будет, то сверх того жалованья своего во время его заключения лишен будет» [2, гл. 49].

Главы 50–68 определяют порядок управления войсками, несения внутренней, караульной служб, исполнения религиозных обрядов, материального, и прежде всего продовольственного, обеспечения от генерала до рядового.

По мнению П.О. Бобровского, только со времени появления «Устава воинского» следует считать учреждение регулярного войска в России совершившимся истори-

Титульный лист «Устава воинского» издания 1717 г.

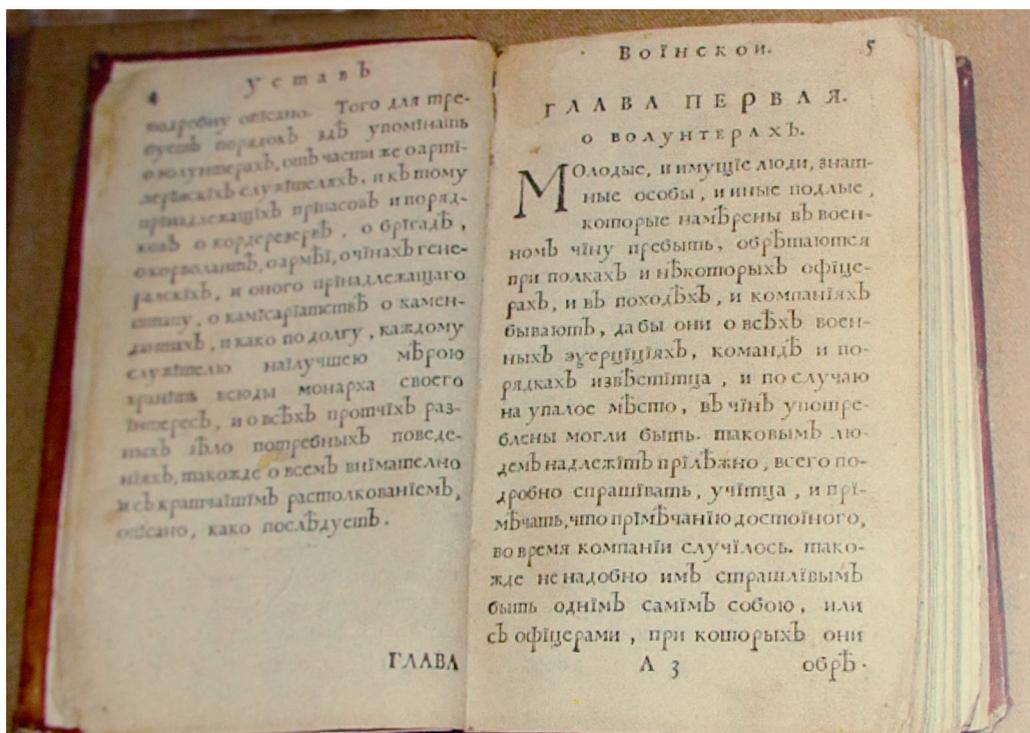
ческим фактом, потому что только с принятием к руководству этого устава войско получило единство, организацию и законы соответственно требованиям и условиям военного искусства тогдашнего времени [4, с. 46].

Входящий в состав Устава «Артикул воинский» наряду со специальными постановлениями, имевшими значение для войска, содержит юридические нормы общего характера, находившие себе применение в общеуголовных судах.

«Артикула воинский» содержит перечень, включающий следующие воинские преступления:

1. Измена служебному долгу или его нарушение, и разнообразные виды уклонений от военной службы: побеги, самовольные отлучки, неявка на службу, обман для выхода в отставку (главы 9, 10, 11 и 12).

2. Злоупотребление властью начальниками в отношении подчиненных, противозаконное удержание начальниками

Глава первая «Устава воинского»

жалования и провианта, а также вещей, положенных подчиненным, «употреблений нижних чинов» на не связанные с их обязанностями работы (главы 5, 7 и 8).

3. Злоупотребления по расходованию и хранению военного имущества (главы 7 и 8).

4. Порча и отчуждение нижними чинами оружия, одежды и предметов снаряжения (главы 6 и 7).

5. Нарушение внутреннего порядка и воинского благочиния в походах, в лагерьях, на квартирах у обывателей (главы 10 и 11).

6. Преступления против личности и имущества граждан, грабежи и насилия на театрах военных действий, в походах, в лагерьях, на квартирах.

Из минувших событий отечественной истории и из опыта государств Западной Европы Петр Великий сделал выводы о необходимости содержать войска в постоянной готовности и обеспечивать их всем необходимым: «Мы наипаче старались о наилучшем учреждении военного штата, яко опоры нашего государства, дабы войска наши состояли из хорошо обученных

людей, жили в добром порядке и дисциплине» [1].

В создаваемой регулярной армии не легко было вводить единство в строе, в вооружении и снаряжении, заменять поместные и поселенные войска регулярными полками, снабжать армию разнообразными предметами вещевого довольствия, деньгами, обеспечивать порядок в довольствии солдата всем необходимым как на зимних квартирах, так и в походах.

Для обучения войск по-прежнему требовалось содействие иностранных специалистов, но для утверждения порядка и дисциплины в армии одного содействия было мало. Уже существующие российские и заимствованные у иностранцев законы были неполными, не соответствовали требованиям правового обеспечения постоянных, регулярных войск.

Необходимо было создать новые военные учреждения и сломать старую «приказную» администрацию. Успех действий новой армии в продолжительной войне обуславливался точным и быстрым исполнением указов, а действующие представители и дельцы приказов, «старые судьи»,

посылая указы, вовсе не заботились об их исполнении. Они по необходимости должны были уступить место людям нового закала, воспитанными в строгой школе Петра I, неустанно следившего за действиями их в канцеляриях, а затем и в коллегиях.

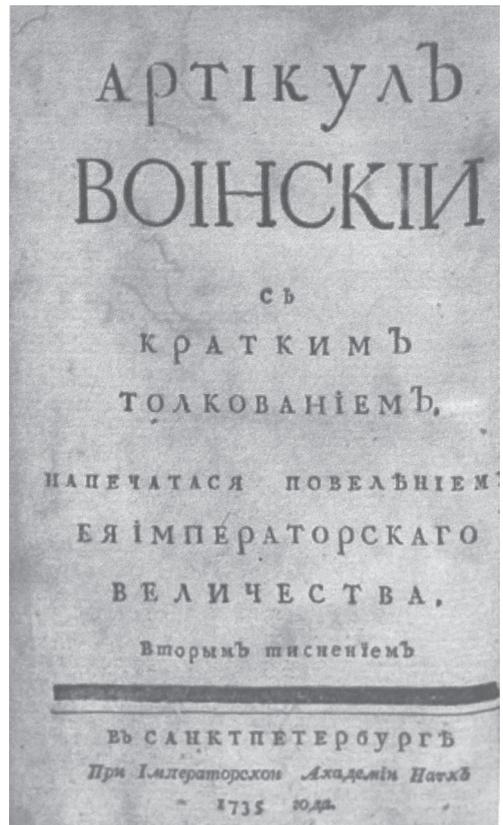
Идеалы великих полководцев и правила военных законодателей XVII столетия, подсмотренные у западноевропейских монархий, служили Петру Великому образцами для военных и законодательных реформ, и устроив армию, обеспечив ее содержание он, не колеблясь, принял иноземные военные законы, измененные по его начертаниям и составленные при его непосредственном участии.

Его военное право дает русским войскам практические задачи, ставит более возвышенные и широкие цели. Ограждая интересы государства и охраняя собственность граждан, военное право, прежде всего, призвано было заботиться о внутреннем благосостоянии войск, поддерживает в них строгий порядок и непоколебимую дисциплину, предупреждает угрозой строгой и неотвратимой кары за злоупотребления по обеспечению солдат всеми видами довольствия в различных условиях воинской деятельности: «на квартирах и на походе, в крепостях и лагерях, в военное и мирное время».

Новые правовые нормы, содержащиеся в «Уставе воинском», столкнулись в жестокой борьбе с укоренившимися обычаями и предрассудками, которые были более стойкими, чем законы писанные, утвержденные верховной властью, более сильными, чем могучая и непреклонная воля великого преобразователя.

В «Уставе воинском», в главах 8–11, губернаторам и провинциальным комиссарам, под контролем Сената, предписывалось заботиться о комплектовании войск, о своевременном снабжении их деньгами и различными видами довольствия.

С конца XVII века «управление армией в своей и неприятельской стране, отношение войск к жителям занятой страны, военная дисциплина, внешний и внутренний порядок в войсках стали опираться на солидарность в действиях полководцев, комиссаров, чинов военной юстиции

Титульный лист «Артикула воинского с кратким толкованием» издания 1735 г.

и военной полиции, а экономические и политические соображения определили юрисдикцию военных судов и потребовали усиления фактического надзора в командном отношении» [3, с. 17]

Интересно, что в «Уставе воинском» законодатель говорит о смягчении наказания, когда предусматривается возможность уменьшить ответственность военных чинов без ущерба и для интересов службы, и для дисциплины: «Однако-же может судья разсудить, что с изменническаго ли какого умысла, или с глупости или безумства; такжеже во время ли войны или мира то учинится, и потому разсуждению наказание убавить или прибавить» [3, с. 20].

Впервые военные законодатели требовали применять закон, учитывая состояние субъекта, «важность» (тяжесть) правонарушения и степень значения объекта, а также принимая во внимание обстоятельства мирного или военного времени.

Самую высокую и закономерную

оценку творению Петра Великого дает П.О. Бобровский: «Мы увидим изумительную деятельность Петра I, который основательно изучил Европу, тщательно и умело подводил итоги всему прошедшему, незаконченному, безформенному, воспринятому на веру, не продуманному, навязанному случайно, а затем, убежденный в преимуществах у соседей, вступил на путь преобразования военного устройства, твердо уповая, что принятие иноземного строя, вооружения, законов от более просвещенных западных соседей не погубит русского народа и не обезсилит могущества русского царя» [3, с. 22].

Сегодня, как и во все времена, очень актуально звучит фраза: «Генерал должен изучать военно-уголовные законы, чтобы верно применять их в пользу дисциплины своей армии; его распоряжения и приказы имеют, по всем правилам, силу закона. Счастлив тот, кто, при употреблении этой огромной власти, остается верным праву народов» [3, с. 23].

Принятие «Устава воинского» в век истории Петра Великого служило переходной ступенью от грубого произвола воевод, голов и приставов к установлению ответственности по закону и подчиненных, и начальников.

«Устав воинский» 1716 г. является одним из фундаментальных памятников российского законодательства не только по своему значению в военной истории России, но главным образом потому, что он оказал безусловное влияние на создание, применение и развитие военного права.

Список литературы

1. Манифест Петра I о приглашении иностранцев на поселение в Россию от 14.04.1702 // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. IV. С. 192–195.
2. Устав воинский 1716 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.adjudant.ru/regulations/1716-01.htm/>.
3. Бобровский П.О. Беседа начальника Военно-юридической академии о значении военных законов Петра Великого для устроенной им регулярной армии. СПб.: Тип. В.С. Балашова, 1886. 28 с.
4. Бобровский П.О. Происхождение Ар-

тикула воинского и изображения процессов Петра Великого по Уставу воинскому 1716 года. СПб: Тип. В.С. Балашова, 1881. 48 с.

Сведения об авторе

Мишуткин Игорь Викторович, кандидат юридических наук, доцент, генерал-майор, заместитель начальника Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, Москва.

123001, Москва, ул. Большая Садовая, д. 14.

Тел.: (495) 699-95-82.

E-mail: vurf@mail.ru

CREATED BY PETER I: 300th ANNIVERSARY OF THE MILITARY REGULATIONS

Igor' V. MISHUTKIN

Abstract. The article provides historical and legal analysis into the development and adoption of the first legal document, which regulated the activity of the regular army created by Peter I, and proves its importance for the modern military law.

Keywords: Military Regulations; legislation of the Russian state; regular army; Articles of War; military law; military institutions

Information about the author

Mishutkin Igor' Viktorovich, Cand. Sc, (Law), Associate Professor, Major General, Deputy Head of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation, Moscow.

14, Bol'shaja Sadovaja Str., Moscow, 123001, Russian Federation.

Tel.: +7 (495) 699-95-82.

E-mail: vurf@mail.ru

СОЗДАНИЕ, СТАНОВЛЕНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕРВОЙ ВЫСШЕЙ ВОЕННО-ЮРИДИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ В РОССИИ

К 150-летию Александровской военно-юридической академии

Ю.В. РЯЗАНЦЕВА,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
научно-исследовательской лаборатории
(военно-правовых исследований)
E-mail: arena125@rambler.ru
Военный университет Министерства обороны
Российской Федерации, Москва

Аннотация. В статье изложена история создания, становления и деятельности первого российского высшего военно-учебного заведения юридического профиля, учрежденного 26 апреля 1866 г. в качестве офицерских классов при Аудиторском училище и 30 марта 1867 г. преобразованного в Военно-юридическую академию, которая впоследствии получила наименование Александровской в память ее основателя императора Александра II. Определены роль и место учебного заведения в военно-судебной реформе и формировании военно-юридического образования в России.

Материал содержит сведения о выдающихся начальниках, профессорах и преподавателях, а также известных выпускниках академии.

Ключевые слова: Аудиторская школа; Аудиторское училище; военно-судебная реформа; офицерские классы; Военно-юридическое училище; военное образование; Военно-юридическая академия; традиции

В начале 60-х гг. XIX в. по инициативе императора Александра II в России стали активно осуществляться военная и судебная реформы. Отмена сословных привилегий, провозглашение формального равенства всех перед законом, отделение суда от администрации не могли не вызвать реорганизацию военно-юридической службы, не претерпевавшей существенных изменений с петровских времен.

Преобразование коснулись и системы подготовки военно-юридических кадров. Чтобы по достоинству оценить значение этих реорганизаций, приведем ряд исторических фактов.

В XVIII – начале XIX в. делопроизводством по военно-судным делам, а также

наблюдением за точным соблюдением законов в суде занимались аудиторы, получившие практическую подготовку на службе. Со временем возникла необходимость в более образованных чиновниках, ответственных за ведение судопроизводства в войсках. Это выдвинуло на повестку дня вопрос о неотложных организационных мерах по созданию специального учебного заведения для подготовки аудиторов как основательно знающих военные законы юристов [7].

Такие меры были приняты: 10 ноября 1832 г. по приказу императора Николая I на базе Военно-учительского института при Санкт-Петербургском батальоне военных кантонистов открывается Аудиторская школа, основное предназначение которой заключалось в снабжении военно-сухопутного и морского ведомств аудиторами, «образованными соответственно обязанностям сего звания» [1].

Школа комплектовалась из кантонистов и детей дворян и обер-офицеров. В число ее первых учеников были зачислены воспитанники военно-учительского института, отличившиеся во время вспыхнувшего в 1831 г. в Новгородской губернии бунта военных поселян мужественной защитой своих начальников и учителей.

В 1846 г. школа преобразовывается в Аудиторское училище. В нем, так же, как и в Аудиторской школе, учащиеся получали общее и специальное юридическое образование и затем выпускались на службу в аудиторское ведомство гражданскими чиновниками.

При разработке в 1865 г. основных положений военно-судебной реформы было признано необходимым назначать постоянных членов проектированных военных

Портрет императора Александра II. 1868 г.
Худ. Н.А. Лавров

судов из числа офицеров, получивших юридическое образование. В целях реализации этой задачи в 1866 г. профессорам Санкт-Петербургского университета А.П. Чебышеву-Дмитриеву и А.В. Лохвицкому было поручено ознакомить с основами уголовного права и судопроизводства генералов и штаб-офицеров, намеченных в председатели и судьи предположенных к открытию петербургского и московского военно-окружных судов. А 26 апреля 1866 г. повелено было при Аудиторском училище открыть офицерские классы из двух курсов. В число их слушателей принимаются 35 штаб- и обер-офицеров армии и 5 офицеров флота. Занятия в классах начинаются 20 августа 1866 г. [2].

Вскоре последовал еще один важный шаг на пути совершенствования системы военно-юридического образования в России: 30 марта 1867 г. Аудиторское училище переименовывается в Военно-юридическое, а офицерские классы преобразовываются в Военно-юридическую академию с двухлетним курсом обучения для подготовки военных юристов-чиновников.

Число офицеров, желающих поступить на учебу в офицерские классы и год спустя – во вновь созданную академию, было значительным: в 1866 г. – 117 чел., в 1867 г. – 223 чел.

В 1868 г. при округах вводятся предварительные экзамены для поступления в Военно-юридическую академию (до этого

прием осуществлялся без экзаменов) и устанавливается правило о необходимости отслужить за каждый год обучения в академии 1,5 года в военном ведомстве. [8, с. 302].

Преподавание в офицерских классах и в Военно-юридической академии имело узкоспециальный характер: читалось только то, что безусловно требовалось знать военному юристу и только в пределах практической необходимости. Больше всего времени уделялось уголовному праву и судопроизводству (общему и военному) с практическими занятиями [14].

В 1872 г. возникает мысль об излишестве двух сходных по курсу и целям учебных заведений, тем более что военно-судебное ведомство предполагалось комплектовать исключительно только офицерами. Рассмотрением вопроса об упразднении одного из учреждений занималось несколько комиссий. В связи с тем, что военно-судное управление высказывалось за упразднение академии, в 1875 г. был временно прекращен прием новых слушателей. Однако благодаря поддержке военного министра графа Д.А. Милютина удалось отстоять существование академии. В 1878 г. Военно-юридическое училище было упразднено, а Военно-юридическая академия стала действовать на новых основаниях.

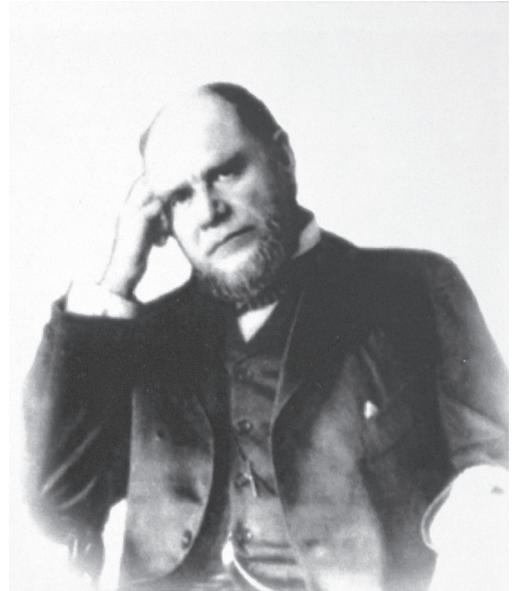
19 июня 1878 г. император Александр II утвердил Временное положение о Военно-юридической академии, определявшее статус, функциональное предназначение, порядок подчиненности учебного заведения, срок обучения, содержание и организацию образовательного процесса.

Согласно Положению академия являлась высшим учебным заведением, предназначенным для получения офицерами армии и флота, поступающими на службу в военно-судебное ведомство, военно-юридического образования. Она находилась в ведении Главного военно-судного управления и подчинялась Главному военному прокурору. Непосредственное руководство Военно-юридической академией осуществлял начальник академии, который назначался Военным министром. Учебной частью ведала конференция, состоявшая из профессоров и преподавателей.

В академии устанавливался трехлетний курс обучения, причем первые два года посвящались предметам общеправовым,

П.О. Бобровский

А.Ф. Кони

а последний – специальным военно-юридическим.

Комплект слушателей был определен в 45 офицеров (по 15 на каждом курсе) и 10 чиновников, окончивших курс юридических наук в университетах (на специальном курсе); в 1882 г. вакансии чиновников были упразднены [14].

С 1880 г. в Военно-юридическую академию стали принимать офицеров сербской и болгарской армий [8].

В 1891 г. было утверждено постоянное Положение о Военно-юридической академии, а в 1899 г. академия получила наименование Александровской в память императора Александра II, ее августейшего основателя [12].

В соответствии с Положением в академию могли поступать офицеры в чинах не выше штабс-капитана гвардии или капитана прочих родов войск, прослужившие не менее четырех лет в офицерском звании в строю и удостоенные начальством. Офицеры, окончившие полный курс средних учебных заведений (7 или 8 классов), принимались на младший курс по конкурсному экзамену по русской литературе, истории, географии, физике, механике, космографии, химии, военной администрации, воинским уставам и двум языкам (французскому и немецкому) в объеме курса кадетских корпусов и военных училищ. Обращает на себя внимание тот факт, что по русскому языку поступающий должен

был получить не менее 10 баллов. Офицеры, окончившие курс в высших учебных заведениях по юридическим наукам, могли поступить в старший класс после проверочного экзамена по уголовному, гражданскому и государственному праву, уголовному судопроизводству, военной администрации и воинским уставам.

В Военно-юридическую академию ежегодно принималось 45 офицеров сухопутного ведомства и не более 5 флотских офицеров. Всем слушателям полагались усиленный оклад жалованья и ежегодное пособие на книги и канцелярские принадлежности. Конференции академии предоставлялось право, с утверждения министра, принимать также слушателей сверх штата, которые добавочного содержания не получали, но пользовались всеми правами и преимуществами наравне со штатными.

В академии преподавалось 7 главных и 12 вспомогательных предметов. Главными предметами считались: уголовное, гражданское, государственное и военно-уголовное право, уголовное и военное судопроизводство, военно-административные законы. К вспомогательным относились: энциклопедия права с историей философии права, история русского языка, финансовое, полицейское, церковное и международное право, гражданское судопроизводство, политическая экономия, судебная медицина с анатомией и

Один из выпусков Александровской военно-юридической академии

физиологией, психология и логика, история русского военного законодательства и военно-уголовные законы иностранных держав. Кроме того, в первом и во втором классах проводились занятия по русскому, французскому и немецкому языкам, а в старшем классе – практические занятия по военному судопроизводству. По окончании курса каждый офицер представлял письменную работу на заданную тему по одному из главных предметов.

Успешно окончившие курс получали право на ношение академического знака. (Впервые знак был установлен в 1867 г. приказом по военному ведомству № 335; изготавливался из темной бронзы с красноватым оттенком. В 1882 г. был утвержден новый, серебряный, академический знак с золотой эмблемой правосудия, представлявшей собой столб, увенчанный императорской короной с дощечкой с надписью «Законъ») [2].

При выпуске из академии офицеры делились на два разряда. К первому разряду относились выпускники, получившие по каждому из главных предметов не менее 10 баллов, по вспомогательным – не менее 9 баллов, по языкам – не менее 6 баллов; ко второму разряду – имевшие не менее 8 баллов по каждому главному предмету и 6 баллам – по вспомогательным предметам и языкам.

Удостоенные при выпуске прав первого

разряда производились в следующий чин (вместо производства в капитаны гвардии и подполковники прочих войск выдавался годовой оклад жалованья) и причислялись к Главному военно-судному управлению, а через год переводились в военно-судебное ведомство с назначением на должность кандидатов. Завершившие обучение по второму разряду возвращались в свои части [2].

Первым начальником Военно-юридической академии был генерал-майор П.Ф. Фермор. В конце 1875 г. на руководящем посту его сменил генерал-майор (с 30.08.1881 генерал-лейтенант, с 14.05.1896 генерал от инфантерии) П.О. Бобровский. Возглавив академию в период ее реорганизации он, по сути, стал организатором построения надежного фундамента военно-юридического образования в России.

Реформирование П.О. Бобровский начал с созыва конференции всего персонала академии. И сторонники, и противники реформ в ходе обсуждения определили дальнейшую судьбу учебного заведения. С 1876 г. начальник академии собирал под своим председательством ежегодные комиссии по выработке учебных программ. Он лично настоял на введении общеобразовательных предметов в соответствии со статусом высшего учебного заведения, боролся за финансирование

ведомством собственного академического штата преподавателей и профессуры вместо полекционных совместителей, ввел практические занятия слушателей в военно-судебных заведениях, госпиталях, тюрьмах, а также научные командировки для исследователей [8, с. 31; 35; 57; 70; 184].

Обновленная академия уже через год готова была принять поступающих, но события начавшейся русско-турецкой войны заставили отложить открытие до осени 1878 г.

При первом же приеме слушателем был зачислен и Павел Осипович Бобровский. Он как приверженец системности и ответственности не мог чувствовать себя соответствующим должности без надлежащего образования.

После окончания академии П.О. Бобровский сам читал в ее стенах лекции [3]. В это же время он вел активную работу по формированию в учебном заведении квалифицированного состава. «Не боясь померкнуть в лучах научных светил, он звал их в заведение и с горделивым восторгом приветствовал их согласие стать его сотрудником», – вспоминали друзья [5, с. 187].

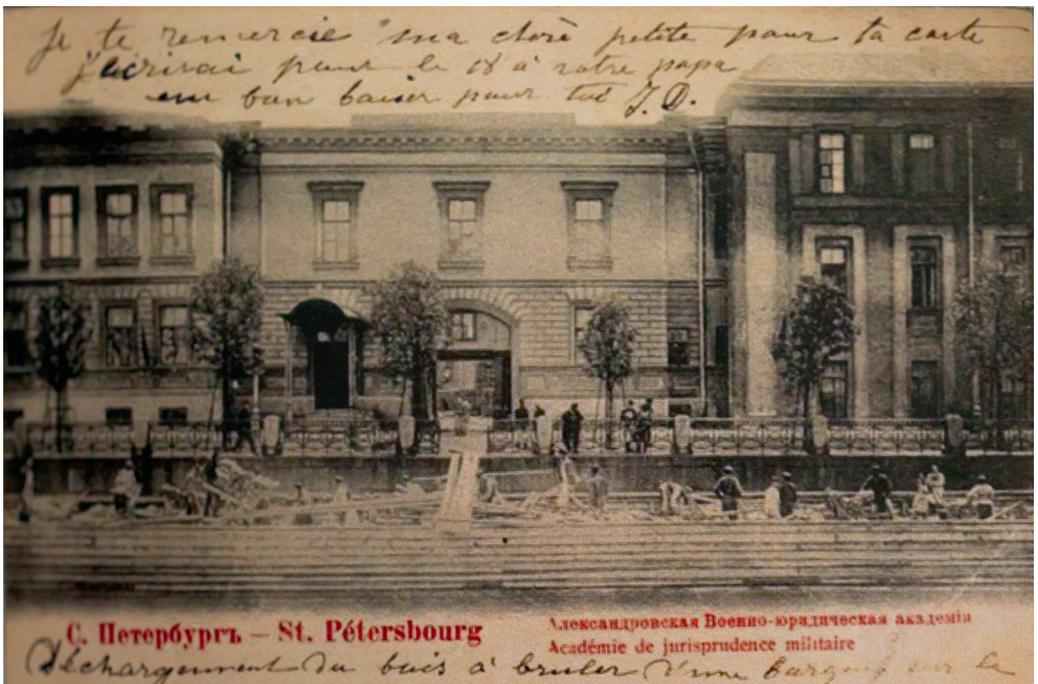
Кафедрой гражданского права в акаде-

Знак за окончание Александровской военно-юридической академии

мии руководил известный общественный деятель, активный участник подготовки отмены крепостного права, выдающийся юрист К.Д. Кавелин. Он стремился показать слушателям прежде всего происхождение, развитие права, определить его роль в обществе [6].

А.Ф. Кони писал, что П.О. Бобровскому «удалось вывести из молчаливого уединения... глубокого мыслителя (К.Д. Кавелина

Комплекс зданий Александровской военно-юридической академии на набережной реки Мойка в Санкт-Петербурге. Снимок сделан между 1908–1914 гг.

Комплекс зданий бывшей Александровской военно-юридической академии на набережной реки Мойка в Санкт-Петербурге (фото 2015 г.). Возводился в течение 1806–1808 гг. Постройка является образцом классицизма

– Ю.Р.) – историка русского юридического быта и выдающегося цивилиста, дать возможность воспитанникам академии услышать горячее, вдохновенное и полноценное слово старого профессора лучших времен Московского университета. Не только в серьезной любви к науке нашел Бобровский точку тесного соприкосновения с Кавелиным, питавшем к нему искреннее уважение, – чем он дарил не многих, но и в одной общей нежной любви к Петру» [9].

Павел Осипович был заинтересован в том, чтобы преподавательский и профессорский состав активно занимался научными исследованиями. Он ввел положение об обязательной защите диссертаций всеми кандидатами в преподаватели [8, с. 70; 71].

Такие имена, как К.Д. Кавелин, Н.А. Неклюдов, Н.Д. Сергеевский, Н.М. Коркунов, С.А. Бершадский, А.Х. Гольмстен, В.Г. Яроцкий, Д.Д. Гримм, Н.А. Дьяконова – по общему праву, А. Эртель, В.М. Володимиров, В.Д. Кузьмин-Караваев – по праву военному, служили с первых дней существования академии надежной гарантией преподавания на научной основе [8, с. 69].

В результате тесного общения с профессорско-преподавательским составом у Бобровского появилось стремление к самостоятельной научной деятельности в

области военного права. В таких работах, как «Развитие способов и средств для образования юристов военного и морского ведомства в России» (1881) и «Беседа начальника Военно-юридической академии о значении военных законов Петра Великого для устроенной им регулярной армии» (1886) он отразил свой взгляд на основные положения военно-юридической науки, во многом сохранившие свою актуальность и до наших дней.

В 1887 г. П.О. Бобровский написал фундаментальный труд «Военное право в России при Петре Великом». В обширном трактате о войсках Западной Европы XVI–XVII вв. дается интересная характеристика состава, организации и состояния русского войска, содержится подробный разбор петровского «Артикула Воинского» с указанием источников происхождения этого замечательного законодательного памятника. Глубокое изучение наследия Петра I утвердило П.О. Бобровского в том, что при реформировании России царь не ограничивался копированием западных системных образцов, а внес много своего, национального. [9].

В 1897 г. генерал от инфантерии П.О. Бобровский был избран в судебный департамент Правительствующего Сената. Творческий труд Павла Осиповича высоко оценило правительство, наградив ученого

редким орденом Белого Орла [4]. Академия воздала ему должное, удостоив звания почетного члена учебного заведения [11]. Но лучший памятник П.О. Бобровский создал себе сам, оставив около сотни научных трудов, которые спустя столетие продолжают привлекать внимание историков, юристов, краеведов и этнографов [10].

Выдающийся русский юрист и государственный деятель А.Ф. Кони дал такую оценку юридической деятельности П.О. Бобровского: «И правовому развитию нашего военного сословия послужил П.О. Бобровский всеми силами души. Принявший руководство высшим юридическим образованием в военной среде в период перехода от заеденной рутинной школы к военно-юридической академии, широко раскрывшей дверь науке, он отдался новому для него делу с неослабленной энергией... Академия стала его семьей, его родиной, его детищем» [5, с. 788].

За время службы в академии П.О. Бобровского произошел переход к высоконаучному военно-учебному процессу, что, в свою очередь, позволило военно-судебному ведомству России достойно вписаться в прогрессивную судебную реформу 1860–70-х гг.

Заслуживают также быть отмеченными последователи генерала от инфантерии П.О. Бобровского на посту начальника Военно-юридической академии: с 1897 по 1905 г. – генерал-лейтенант Ф.Н. Платонов; с 1905 по 1908 г. – генерал-лейтенант (с 22.04.1907 генерал от инфантерии) В.О. Басков; с 1908 по 1911 г. – генерал-лейтенант Н.В. Кирилин; с 1911 по 1912 г. – генерал-лейтенант М.М. Бородин; с 1912 по 1917 г. – генерал-майор (с 14.04.1913 генерал-лейтенант) А.И. Звонников. Каждый из них внес свой вклад в развитие академии, обучение и воспитание военных юристов.

С 1866 по 1904 г. академия выпустила 794 офицера, в том числе 48 офицеров флота, 19 офицеров сербской и болгарской армий и 35 чиновников. До 1910 г. военно-юридическую академию закончили 902 офицера [13]. Из числа окончивших курс поступило в военно-судное ведомство до 1878 г. 161 чел.

Среди известных выпускников Военно-юридической академии – участник Первой мировой войны генерал-лейтенант К.Н. Алянчиков; великий князь Андрей Владимирович; военный писатель гене-

рал-лейтенант К.Р. Довбор-Мусницкий; русский военный и общественный деятель полковник М. А. Жебрак-Русанович; военный следователь полковник Р.Р. Раупах и др.

По опубликованным в печати свидетельствам К.Д. Кавелина и С.А. Бершадского, аудитория Александровской академии занимала совершенно исключительное положение среди других высших учебных заведений: глубокий интерес к науке, исключительно добросовестное и нередко самостоятельное ее изучение – таким было отношение к делу слушателей.

С началом Первой мировой войны занятия в академии прекращаются и возобновляются летом 1917 г. Последовавшие вскоре революционные события поставили точку в ее истории. Приказом народного комиссара по военным делам от 18 декабря 1917 г. № 48 Александровская военно-юридическая академия была закрыта.

Но образовательные традиции, заложенные в прославленном учебном заведении, не канули в лету. В советский период они нашли продолжение и развитие в Военно-юридической академии Вооруженных Сил СССР, на военно-юридическом факультете Военно-политической академии им. В.И. Ленина, на военно-юридическом факультете Военного Краснознаменного института Министерства обороны СССР. А сегодня преемственность полутора-вековых традиций профессиональной подготовки военных юристов зримо проявляется в успешной учебно-методической и научно-исследовательской деятельности 4 факультета (юридического и подготовки руководящего состава органов по работе с личным составом) и 5 факультета (прокурорско-следственного) Военного университета Министерства обороны Российской Федерации.

Список литературы

1. Положение об Аудиторской школе при Санкт-Петербургском батальоне военных кантонистов: высочайше утверждено 26.03.1832 // Полное собрание законов Российской империи. Т. VII. Ст. 5253; О приеме дворянских и обер-офицерских детей в Аудиторскую школу: именной указ военному министру от 08.11.1832 // Полное собрание законов Российской империи. Т. VII. Ст. 5731.

2. Александровская военно-юридиче-

ская академия [Электронный ресурс] // Русская императорская армия: сайт. URL: <http://www.regiment.ru/reg/VI/A/4/1.htm>.

3. *Бобровский П.О.* Беседа начальника Военно-юридической академии о военных законах Петра Великого для устроенной им регулярной армии: в день 170-летия со времени подписания манифеста об Уставе воинском 1716 г. СПб.: Тип. В.С. Балашева. 1886. 28 с.; *Бобровский П.О.* Беседы о военных законах Петра Великого // Военный сборник. 1890. № 1. С. 5–28; № 2. С. 209–222.

4. *Бобровский П.О.* Двадцатипятилетие юнкерских училищ. СПб.: Тип. Деп. уделов, 1889. С. 870.

5. *Кони А.Ф.* Павел Осипович Бобровский // Очерки и воспоминания: публичные чтения, речи, статьи и заметки. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1906. 892 с.

6. *Корнев А.В., Борисов А.В.* Развитие юридического образования в пореформенной России: уроки для современной России (окончание) // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 12. С. 2945.

7. *Кошеев И.А.* Аудиторская школа (1832–1846 гг.) как первое самостоятельное образовательное военно-юридическое учебное заведение по подготовке военных юристов // Вестник Екатеринбургского института. М., 2015. № 4. С. 112–115.

8. *Кузьмин-Караваев В.Д.* Военно-юридическая академия. 1866–1891 гг.: Кратк. истор. очерк. СПб.: Тип. В.С. Балашева. 1891. 302 с.

9. *Маликов С.В.* Бобровский П.О. (1832–1905) – выдающийся ученый и основоположник военно-юридического образования в России // За права военнослужащих. 2005. № 5.

10. *Мелешко Е.И., Нечухрин А.Н.* Павел Осипович Бобровский: ученый, реформатор, педагог // Диалог со временем. 2011. Вып. 36. С. 344–376.

11. Некрологи. Бобровский П.О. // Исторический вестник. 1905. С. 1123.

12. РГВИА. Ф. 348, 137 ед. хр., 1832–1918 гг. Оп. 1–4.

13. *Чиненный А., Чиненный С.* Военные академии России: XIX век // Высшее образование в России. 2002. № 2. С. 137–144.

14. Юридическая Александровская военная академия // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. СПб., 1890–1907.

Сведения об авторе

Рязанцева Юлия Валерьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории (военно-правовых исследований) Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, Москва. 123001, Москва, ул. Большая Садовая, д. 14. Тел.: (916) 640-48-65. E-mail: arena125@rambler.ru

THE CREATION, DEVELOPMENT AND ACTIVITY OF THE FIRST HIGHER MILITARY LAW SCHOOL IN RUSSIA To the 150th anniversary of the Alexander Military Law Academy

Yuliya V. RYAZANTSEVA

Abstract. The article describes the creation, development and activities of the first Russian higher military educational institution focused on legal studies. The Academy was originally established as Officer Classes to the Audit School on 26 April 1866, and then transformed in the Military Law Academy on 30 March 1867. It was later renamed after Alexander to bestow the memory of its founder, Emperor Alexander II. The article defines the role of the educational institution in the military judicial reform and the development of military-law education in Russia.

The article provides information about the outstanding heads, professors and lecturers as well as the famous alumni of the Academy.

Keywords: Audit School, Audit College, military judicial reform, Officer Classes, military law school, military education, Military Law Academy, traditions

Information about the author

Ryazantseva Yuliya Valer'evna, Cand. Sc. (History), Senior Researcher of the Military Law Research Laboratory of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation, Moscow. 14, Bol'shaja Sadovaja Str., 123001, Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (916) 640-48-65. E-mail: arena125@rambler.ru